

ЧАРЛЬЗ ДИККЕНС

В ПЕРЕВОДЕ СВЕНА КАРСТЕНА,
С ОКОНЧАНИЕМ И КОММЕНТАРИЯМИ

Чарльз Диккенс
Тайна Эдвина Друда. В
переводе Свена Карстена,
с окончанием и комментариями

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50760940

ISBN 9785449819390

Аннотация

«Тайна Эдвина Друда» – в чём она? Только ли в судьбе юноши, таинственно пропавшего незадолго до получения богатого наследства и брака с прекрасной Розой Буттон? Или её знает скрытный и мстительный дядюшка Джаспер – наркоман, таящий страсть к невесте племянника? А может, что-то известно его врагу и сопернику Невилу, «злобному индийскому дикарю»? Смогут ли разобраться в загадке инспектор Портерс и отставной агент Дэчери, взявшиеся за это дело? Узнайте полную разгадку Тайны – впервые за 150 лет!

Содержание

Предисловие,	6
Глава I.	23
Глава II.	34
Глава III.	55
Глава IV.	74
Глава V.	88
Глава VI. Благотворительность в доме младшего каноника	99
Глава VII.	115
Глава VIII.	132
Глава IX.	150
Глава X.	171
Глава XI.	191
Глава XII.	211
Глава XIII.	235
Глава XIV.	248
Глава XV.	270
Глава XVI.	285
Глава XVII. Благотворительность, истинная и мнимая	300
Глава XVIII.	321
Конец ознакомительного фрагмента.	331

**Тайна Эдвина Друда
В переводе Свена
Карстена, с окончанием
и комментариями**

Чарльз Диккенс

Корректор Евгений Евсеев

Иллюстратор Анастасия Алексеева

Переводчик Свен Карстен

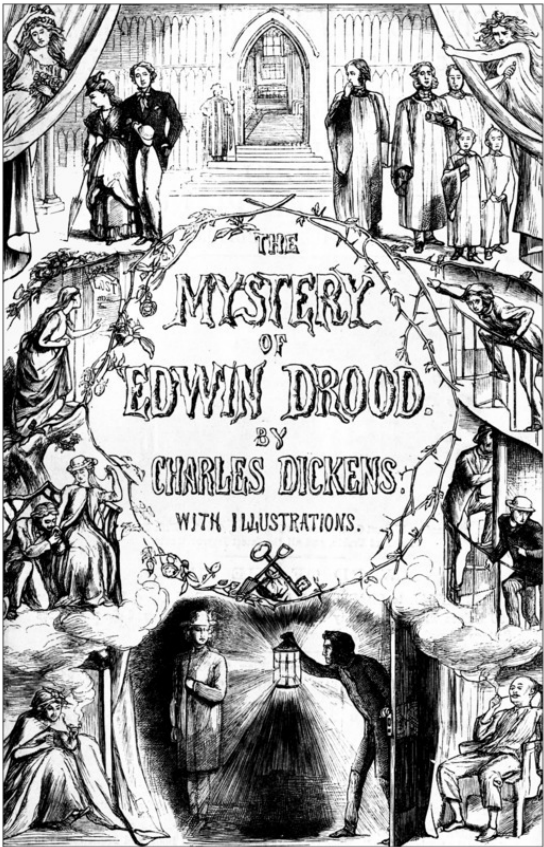
© Чарльз Диккенс, 2020

© Анастасия Алексеева, иллюстрации, 2020

© Свен Карстен, перевод, 2020

ISBN 978-5-4498-1939-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие, или Рассказ об удивительной истории, предшествовавшей написанию ЭТОЙ КНИГИ

Видеть, как рождается на свет человек – всё равно, что участвовать в великом таинстве, даже если ты не родитель и не врач. Наблюдать, как рождается книга – не менее уникальный опыт, придающий значительности каждому моменту. Здесь всё: и муки, и страх, и отчаянье, и невероятная радость, и чувство сопричастности к величайшей загадке природы – силе разума и интеллекта. Рождение человека, рождение идеи, рождение книги – практически явления одного порядка. Мне выпало счастье наблюдать за актом творения этой книги, а вам предстоит счастье её прочтения. Это тем более невероятно, что первые её главы были написаны так давно, что ни меня, ни вас ещё не было на свете...

Страшная рождественская сказка, бриллиант английской классической литературы, загадка, которая казалась неразрешимой – вот что такое «Тайна Эдвина Друда». Для многих она – памятник гению, последний, незавершённый роман Чарльза Диккенса. Для кого-то же – захватывающая логиче-

ская головоломка. Как вышло, что тайна, вынесенная автором в заглавие романа, более ста пятидесяти лет не получала достойного объяснения, несмотря на бесчисленные попытки? Почему великий романист, словно в насмешку, оставил литературоведам в наследство этот «крепкий орешек», о который обломало зубы несколько поколений писателей-профессионалов и просто рядовых любителей детективов?

Предпоследний роман Чарльза Диккенса «Наш общий друг» был опубликован осенью 1865 года. Публика приняла его с прохладцей, критика же не оставила и камня на камне. Но Диккенс знал, что равных ему нет. На тот момент он был самым известным и самым читаемым автором. Однако имя Уилки Коллинза звучало всё громче, успех «Лунного камня» и «Женщины в белом» был оглушительным. Разве Диккенс мог допустить, чтобы его ученик превзошёл своего учителя?

Так и появился на свет роман «Тайна Эдвина Друда», так и были написаны первые строки, которые вы увидите, открыв книгу. Но смерть внесла свои коррективы. Восьмого июня 1870 года великий писатель скончался за рабочим столом, успев написать примерно половину романа. С этого момента и начались мучения тех, кто пытался (и до сих пор пытается) найти решение захватывающей головоломки: каков был в точности авторский замысел? Выжил главный герой или умер? Можно ли собрать улики и подсказки, которые, кажется, не ведут читателя к счастливому финалу, а хаотично разбросаны по тексту? Бесполезно строить

умозаключения на основе прежних книг писателя. Обиженный на публику и критику, оскорблённый успехом Коллинза, Диккенс задумал максимально «закрутить» сюжет, построить его так оригинально, чтобы никто не мог упрекнуть его во вторичности. Диккенс жаждал реванша. «Тайна Эдвина Друда» должна была стать его триумфом, но insult оборвал жизнь автора, оставив потомкам возможность и право самим расшифровать эту тайну и дописать недостающие строки.

Все нити сюжета повисли в воздухе. Главных персонажей трое: исчезнувший юноша Эдвин Друд, баловень судьбы, ожидающий наследства и предвкушающий близкую свадьбу; его скрытный и двуличный дядюшка Джон Джаспер, пристрастившийся к опиуму церковный регент; пылкий душою и нетерпимый к любой несправедливости Невил Ландлесс, иммигрант-полукровка с острова Цейлон. Что объединяет этих людей? Какая тайна, какое преступление? Кто из них умрёт, кто будет осуждён? Последние написанные Диккенсом главы только нагнали ещё больше туману. Появление таинственного Дика Дэчери – сыщика? мстителя? – окончательно поставило читателей в тупик. В тот момент, когда пружина сюжета закрутилась до упора, и они были вправе рассчитывать на первые признаки раскрытия тайны, смерть Диккенса перечеркнула все их надежды. После первого чувства отчаянья, вызванного пониманием того, что теперь им никогда не узнать все подробности авторского замысла, диккенсоведы и диккенсолюбы со всего света зато-

чили перья и бросились в атаку. Самостоятельное решение «Тайны Эдвина Друда» стало для них делом чести. Ими двигала решимость доказать себе и читающей публике, что найти ответ на загадку последнего романа Диккенса возможно.

Количество журнальных статей, газетных публикаций, книг и монографий, в которых авторы пытаются расшифровать «Тайну Эдвина Друда», невероятно: на конец двадцатого века их насчитывалось более тысячи восьмисот, и библиограф Дон Ричард Кокс особо оговорился, что не смог перечислить их все – а ведь речь шла только об англоязычной литературе!¹

Для многих попытка объяснить тайну превратилась в манию. Американские спиритуалисты пытались даже установить контакт с духом Диккенса и попросить великого писателя из-за гробовой доски надиктовать медиуму текст последних глав романа. Знаменитая Елена Блаватская присутствовала при этом уникальном эксперименте и выполнила перевод «медиумного продолжения романа» на русский язык – её записки были обнаружены и изданы лишь несколько лет назад. Не прошло и пары лет после смерти Диккенса, как в Нью-Йорке был опубликован ещё один вариант окончания романа, написанный якобы Уилки Коллинзом и снабжённый иллюстрациями, явно скопированными с оригинального ан-

¹ Русскоязычные исследования и некоторые переводы по теме вошли в сборник «Тайна Чарльза Диккенса», выпущенный в 1990 году в издательстве «Книжная палата».

глийского издания. Надо ли говорить, что друг и ученик Диккенса не имел к этому «пиратской» публикации ни малейшего отношения? Лишь в 1905 году удалось установить имя истинного виновника этого литературного безобразия – им оказался малоизвестный газетный репортёр Генри Морфорд, ничем более не прославившийся.

Более серьёзной попыткой объяснить необъяснимое можно назвать книгу «Мертвец выслеживает», опубликованную в 1882 году Ричардом Проктором. В этой книге автор утверждал, что Эдвин Друд не был убит Джаспером, а остался жив и во второй половине книги, заgrimировавшись под старика Дика Дэчери, будет собирать улики против своего дядюшки-убийцы.

Размышления о том, что мог придумать Диккенс и как именно он собирался завершить роман, заводили исследователей очень далеко, и порой они так и не могли выбраться из тупиков, в которые сами же себя и загоняли. Тем ценнее были показания современников, чьи свидетельства давали реальную пищу для размышлений. Друг и биограф писателя Джон Форстер опубликовал отрывок из письма Диккенса, в котором писатель делился своими соображениями о новой и оригинальной идее романа. Согласно Форстеру Диккенс утверждал, что Джаспер таки убил своего племянника и в конце романа в мельчайших подробностях расскажет о совершённом убийстве, но сделает это так, как будто он описывает чужое преступление, а не своё. Со смертью

заглавного героя был согласен и сын писателя, Чарли Диккенс. Он вспомнил, как однажды задал отцу прямой вопрос, был ли Эдвин Друд убит – на что получил однозначный ответ великого писателя: «Конечно же. А ты как думал?».

Но даже эти явные свидетельства не убеждали. Читателям было жалко на середине романа расставаться с хорошим парнем Эдвином Друдом, и они один за другим выдумывали такие варианты продолжения романа, в которых Эдвин остался бы жив, а Джаспер невиновен.

И вот в 1905 году появился солидный труд Дж. К. Уолтерса «Ключи к Тайне Эдвина Друда». Это исследование давало ответы на три главных, «сакраментальных» вопроса романа:

- что на самом деле случилось с Эдвином?
- кем является хозяйка опиумного притона?
- для чего в городок приезжает таинственный Дик Дэчери?

Ответы Уолтерса были такими: Эдвин был убит, «опиумная женщина» – это мать Джаспера, а под маской старого Дика Дэчери скрывается юная Елена Ландлесс, собирающая улики против убийцы. Если с первым и вторым ответами ещё можно было согласиться, то третья догадка Уолтерса вызвала яростные споры. Их ареной стал журнал «The Dickensian», ежеквартальный вестник новообразованного «Диккенсовского сообщества». Среди его издателей и сотрудников были дети и внуки самого Диккенса, а также

критики, литературоведы и даже такие известные писатели, как Честертон и Пристли. Дискуссионные статьи публиковались едва ли не ежедневно: если в специальных изданиях не хватало места, то перепалка продолжалась на страницах газет. Интерес к решению «Тайны Эдвина Друда» был огромен. «Жив он или умер?» звучало, как бы сейчас сказали, «из каждого утюга».

Масла в огонь подлили и иллюстраторы «Тайны Эдвина Друда». Художник Чарльз Коллинз, сделавший рисунок для обложки романа, рассказал, что писателю, несмотря на его твёрдое решение держать перипетии романа в тайне, всё-таки пришлось кое-что объяснить своим иллюстраторам. Эдвин должен был исчезнуть со страниц книги, а Джаспера планировалось изобразить в самых мрачных тонах, в точности как убийцу. Роза должна была выйти замуж за моряка Тартара, а Елена Ландлесс – за каноника Криспаркла. Бедному Невилу предстояло умереть, хотя было и неясно, как именно. Иллюстратор Люк Филдс, пришедший на смену заболевшему Коллинзу, признавался позднее, что Диккенс прямо просил его нарисовать Джасперу на шее «длинный чёрный шарф», поскольку именно он должен был послужить орудием убийства (удушения), а в финальных сценах романа Диккенс собирался отправить Джаспера в камеру смертников.

Сторонники теории «выжившего Эдвина» всполошились и стали язвительно интересоваться, почему же Филдс вспом-

нил эти слова Диккенса только через 35 лет после смерти писателя. Журнал «Кембридж Ревью» предоставил свои страницы для дебатов – они не утихали целый год, и противоположные стороны дошли едва ли не до взаимных оскорблений. Чтобы прекратить склоку, дочь Диккенса Кейт публично согласилась с Филдсом: её отец никогда бы не обманул своего друга Форстера. Это означало, что Эдвин действительно мёртв. Однако авторитет Кейт не помог: в начале 1908 года в Лондоне «Тайна Эдвина Друда» была поставлена на сцене театра, и в этой пьесе Эдвин выжил после нападения убийцы, женился на Розе и был счастлив, а преступник Джаспер умер в тюрьме.

Но через три года профессор Кембриджского университета Генри Джексон после тщательного прочтения романа снова выступил против теории «выжившего Эдвина». В полемику включился и Г. К. Честертон, после чего дебаты вспыхнули снова. Список публикаций о «Тайне Эдвина Друда» на тот момент включал в себя уже 82 названия.

Исследователь Дж. К. Уолтерс не остановился на достигнутом и в 1912 году выпустил книгу «Полная тайна Эдвина Друда. История, продолжение и решения». Но и этот монументальный труд, разумеется, не прекратил дискуссии, а только придал «друдистам» новых сил и энергии.

Наконец в 1914 году в Лондоне под председательством Г. К. Честертонна состоялся самый настоящий судебный процесс против Джона Джаспера, литературного персонажа.

«Прокурор» Дж. К. Уолтерс обвинил хормейстера Джаспера в убийстве Эдвина Друда. «Свидетелями» выступили такие персонажи книги, как каменотёс Дердлс, каноник Криспаркл и Елена Ландлесс. «Адвокаты» Сесил Честертон и Уолтер Кротч требовали оправдания Джаспера, ссылаясь на отсутствие тела. В разгар дебатов слово взял «старшина присяжных» писатель Дж. Б. Шоу. Он объявил, что присяжные уже приняли решение: Джаспер виновен, но убийство было непредумышленным. Прокурор попытался выразить протест, но судья Г. К. Честертон объявил процесс закрытым, а «дело Джаспера» раз и навсегда решённым. Публика взвыла от разочарования. Общественное недовольство самоуправством Честертона и Шоу было настолько большим, что журнал «The Dickensian», опубликовавший протокол «заседания суда», не рискнул печатать отзывы читателей и, как это сказали бы сегодня, «закрыв комментарии» по теме.

Разумеется, если в Британии аукнется, то в Америке откликнется: судебный процесс над Джаспером повторили в Филадельфии. Но американцы не стали полагаться на писателей, вместо этого они обратились к профессионалам. Председательствовал настоящий судья Верховного суда Пенсильвании, обвинителем был генеральный прокурор того же штата, защитником же – целый конгрессмен. Процесс длился шесть часов, но присяжные к единому мнению так и не пришли.

А «Тайну Эдвина Друда» уже ждал набирающий силу ки-

нематограф. За несколько лет книгу экранизировали трижды: в 1909-м, 1911-м и 1914-м годах. В версии режиссёра Тома Террисса исчезал не только Эдвин Друд, но и Елена Ландлесс, которая, впрочем, скоро появлялась снова под видом сыщика Дика Дэчери. Хормейстер же Джаспер, хоть и пытался из ревности убить своего племянника, в этой экранизации терпел неудачу.

Первая мировая война заставила исследователей взять паузу, но в 1927 году дебаты возобновились: сэр Артур Конан Дойл, создатель Шерлока Холмса и заядлый спиритуалист, «пообщался с духом Диккенса» – и тот якобы сообщил ему, что Эдвин выжил и прячется на квартире у каноника Криспаркла. Последовала новая волна публикаций, шквал взаимных оскорблений, очередная серия статей в «The Dickensian» и очередное «закрытие комментариев». Обновлённая библиография «Тайны» содержала уже 135 наименований.

В 1930-х годах разразился скандал: дочь Диккенса, Кейт Перуджини, раскрыла подробности беспорядочной личной жизни своего отца, на старости лет сошедшегося с молодой актрисой Эллен Тернан и даже сделавшего ей внебрачного ребёнка. Эти откровения помогли по-новому взглянуть на образ ревнивца Джаспера. Американский литературный критик Эдмунд Уилсон опубликовал свое эссе о Диккенсе, в котором утверждал, что Джаспер – это зашифрованный автопортрет самого Диккенса, а великий писатель, вынужден-

ный вести жизнь на два дома, использовал написание романа в качестве терапии. Оскорблённые защитники репутации Диккенса яростно протестовали. Статьи и исследования выпекались словно блины. Список работ взял планку в пять сотен публикаций.

В 1960-х годах актёр и историк театра сэра Феликс Эйлер выдвинул новую теорию: Джаспер невиновен, а несчастного юношу Эдвина Друда прикончил неизвестный религиозный фанатик с Ближнего Востока, отомстив за оскорбление, которое отец Эдвина нанёс исламу. Писатель Чарльз Форсайт в своей версии продолжения сделал из Джаспера шизофреника и тайного гипнотизёра, по ночам из доброго «доктора Джекила» оборачивающегося в эдакого злобного «мистера Хайда» и убивающего всех, кто попадёт ему под руку. Эдвин у него задушен, Невил зарезан, и оба они сброшены с башни собора – чего ещё и ожидать от маньяка! Немец Лютц Бюге в своём «эротическом» решении загадки романа предположил, что Эдвин сбежал от Джаспера, устыдившись собственных гомосексуальных чувств к нестарому ещё годами дядюшке. Количество статей, книг и прочих публикаций о «Тайне Эдвина Друда» перевалило тем временем за тысячу наименований.

В 1980 году на советские экраны вышел мини-сериал Александра Орлова «Тайна Эдвина Друда» – дотошный, скрупулёзный, основательный, с участием лучших артистов той поры. Инсценировав вместе с оригинальным текстом

и «Ключи...» Дж. К. Уолтерса, режиссёр избавил себя и сценаристов от необходимости додумывать окончание романа, чем проявил максимум уважения к авторскому тексту. Волшебная музыка Эдуарда Артемьева (в её основе лежит вариант темы «Pulherima Rosa», мотета XV века, посвящённого Деве Марии) создаёт поистине полумистическое настроение фильма.

В 2011 году исследовательница из России Ирина Смаржевская опубликовала своё решение «Тайны Эдвина Друда». Более всего отечественную «друдистку» заинтересовал старый холостяк Дэчери. На этот раз пышный седой парик таинственного незнакомца примерила на себя невеста Эдвина, семнадцатилетняя Роза, что вышло, пожалуй, ещё более спорно, чем даже построения Уолтерса.

В 2012 году исполнилось 200 лет со дня рождения Диккенса, и британское телевидение представило свой вариант окончания последнего романа юбиляра. Сценаристам пришлось изрядно потрудиться: продолжение «Тайны Эдвина Друда» получилось у них, на первый взгляд, убедительным, но стоит призадуматься – и сюжет трещит по швам. По версии BBC Джаспер хоть и убийца, но убил не того Друда; Эдвин оказался не только жив и здоров, но ещё и братом Невилу Ландлессу. Опиумный притон и его хозяйка выброшены из сюжета целиком, а Дик Дэчери мелькает в одном лишь кадре.

Годы идут, библиография прирастает работами. Число их

приближается к двум тысячам, из них одних продолжений и сиквелов насчитывается уже более сорока. Но история «Тайны Эдвина Друда» была бы неполной без упоминания самостоятельных книг, посвящённых роману.

Четыре книги о последнем романе Диккенса и похожи друг на друга, и абсолютно различны, а их герои переживают, думают, говорят и спорят об одном лице: не вполне живом, но и не совсем мёртвом – об Эдвине Друде.

Итальянцы Фруттеро и Лучентини предложили свой вариант разгадки тайны исчезновения юноши в книге «Дело Д., или Правда о «Тайне Эдвина Друда». Они решили повторить «судебный эксперимент» столетней давности и пригласили на него литературных сыщиков со всего света, от Шерлока Холмса до Пуаро, которые и излагают неподготовленному читателю все существующие версии окончания романа. Однако вместо ответа на вопрос о судьбе Эдвина Друда процесс заканчивается «сенсационным открытием»: Чарльз Диккенс умер не от инсульта, а был убит негодяем и завистником Уилки Коллинзом!

Знаменитый Дэн Симмонс в своём романе «Друд, или Человек в чёрном» излагает похожую теорию, но – в отличие от шутливого «решения» итальянцев – самым серьёзным образом. Он противопоставляет гениальному Диккенсу злобную посредственность в лице страдающего опиумной зависимостью Коллинза, обильно сдобрив повествование описаниями таинственных древних обрядов и любовных страстей

на фоне месмеризма и каннибализма. Эдвин Друд у него – вовсе не милый и наивный юноша викторианских времён, а кровожадный фанатик и жрец подземного культа злой египетской богини.

Жан-Пьер Оль, автор романа «Господин Дик, или Десятая книга», удостоенного элитной французской премии Prix Robles, пошёл по другому пути. Его роман психологичен, элегантен и заставляет вспомнить теорию о раздвоении личности автора и героя. Здесь персонаж Джаспер создаёт себе «автора», самого Диккенса, и убивает другого персонажа истории, скрываясь как бы «под псевдонимом».

Действие книги Мэтью Перла «Последний Диккенс» происходит в трагическом 1870 году. Известие о внезапной смерти Чарльза Диккенса повергает в шок его американского издателя. Смерть клерка Дэниела Сэнда, отправившегося за окончанием последнего романа великого писателя, заставляет читателя искать разгадку двойного преступления – убийства юноши и исчезновения рукописи Диккенса.

Но разве мы рассмотрели все теории и возможности? Что же в действительности представляет собой «Тайна Эдвина Друда»? В чём заключается она – в тайне героя, в тайне писателя, или в тайне сюжета, тайне истории написания романа? Почему уже сто пятьдесят лет читателям не даёт покоя мистическое исчезновение юноши Эдвина в ветреную рождественскую ночь? Какие демоны бушевали в душах Диккенса, Коллинза и литературных образов, порождённых их

авторской фантазией? Каков в тексте уровень ревности, зависти, каков процент плагиата? А может быть, прав Бернард Шоу – и старик Диккенс попросту исписался? Возможно, все его обещания занимательного сюжета – блеф, а все его писательские потуги – лишь жалкие попытки вернуться на литературный Олимп? Что если «Тайна Эдвина Друда» – лишь «предсмертный бред пораженного болезнью мозга», как отозвался о неоконченном романе своего учителя желчный Уилки Коллинз? Как проникнуть в энигму романа, где найти то уникальное литературное решение, которое должно было посрамить критиков «Нашего общего друга» и заставить публику навсегда забыть о «Лунном камне»?

Тысячи исследователей, профессионалов и любителей на всех языках мира уже полтора столетия пытаются найти решение «Тайны Эдвина Друда» – уникальной головоломки, подаренной нам гением великого романиста. Одно из возможных решений лежит сейчас перед вами. Изучение опыта предшественников и сбор материалов потребовали от автора десяти лет исследований. Для написания книги пришлось даже сделать новый, осовремененный перевод известных глав романа. Эта работа позволила собрать воедино все нити сюжета, проследить судьбы всех персонажей книги, дать решение всех загадок романа, дописать и окончить его. Эта книга уникальна соавтором и первоисточником. Она готова ответить на все вопросы. Вы хотите узнать ответы?

Откройте книгу, переверните страницу и судите сами.

Владислава Каримова

«Что Вы думаете насчет такого начала истории – двое молодых людей, юноша и девушка, оба очень юные, расстаются друг с другом, чтобы потом, годы спустя, пожениться-таки в конце книги? Может получиться интересно, если проследить их отдельные судьбы при полной невозможности определить заранее их будущность.»

Чарльз Диккенс.

Из письма

Джону Форстеру,

середина июля 1869 года

«Я хочу отказаться от первоначальной идеи, о которой я рассказывал Вам недавно, в пользу другой, очень увлекательной и новой. Я не буду полностью пересказывать её Вам, иначе читать роман будет потом не интересно. Скажу только, что это очень сильная идея, хотя и весьма трудная для воплощения.»

Чарльз Диккенс.

Из письма

Джону Форстеру,

начало августа 1869 года

«Сразу же после этого он раскрыл мне некоторые детали сюжета. Это должна была быть история убийства племянника его дядей, оригинальность которой состояла бы в том, что в конце книги убийца сам пересказывал бы историю

собственного преступления, причём делал бы это как бы „со стороны“, словно преступник – не он сам, а кто-то другой, посторонний ему человек. Последние главы планировалось написать из камеры смертников, куда убийцу привело бы его злодеяние, так искусно проанализированное им же самим. Совершив преступление, убийца должен был тут же убедиться в полной его ненужности и даже пагубности для достижения стоявших перед ним целей. Расследователи преступления оставались бы сбиты с толку до самого конца, пока наконец с помощью золотого кольца, устоявшего против разрушительного воздействия негашёной извести, в которую преступник бросил бы мёртвое тело, была бы не только идентифицирована жертва, но и определено место преступления, и даже человек, совершивший его. Диккенс много всего рассказал мне ещё до начала работы над книгой, но я помню только, что кольцо, которое было вручено Эдвину Друду для передачи невесте в знак совершения помолвки, так и осталось в кармане юноши после их последней встречи. Мне кажется, что Роза должна была выйти замуж за лейтенанта Тартара, а каноник Криспаркл женился бы на сестре Невила Ландлесса. Сам же юноша, вроде бы, должен был погибнуть, помогая Тартару разоблачить и схватить убийцу.»

Джон Форстер.

Из книги

«Жизнь Чарльза Диккенса», 1875 год

Глава I.

В сумерках

Декабрьский рассвет в суэцкой пустыне. Солнце ещё не встало, и в ложбинах между барханами царит темнота. Холодный, слежавшийся песок скрипит под сапогами идущего с зажжённым фонарём человека; жёлтый, масляный свет с трудом пробивается через мутное стекло, сочится сквозь едва приоткрытую заслонку. Человек идёт споро – он должен спешить, он должен выполнить задуманное, пока не кончилась ночь, пока не зарозовел восток. По виду, по его одежде – это англичанин; наверное, он – один из тех инженеров, что строят здесь неподалёку судоходный канал.

– Джек! – окликает его голос из темноты, и поднятый повыше фонарь выхватывает из мрака ещё одну фигуру. Второй англичанин подходит к первому. – Это ты, старина? Я получил твою записку и пришёл так скоро, как только смог. Что случилось, зачем ты просил о встрече? И почему ты позвал меня именно сюда, на это богом забытое языческое кладбище?

Луч фонаря, качнувшись, на мгновение освещает лицо того человека, которого только что назвали Джеком. Это бледный, решительного вида человек, лет ему около тридцати; чёрные, густые бакенбарды и низко надвинутая шляпа при-

дают ему угрюмый, даже несколько зловещий вид. Вероятно, он и сам осознаёт это, поскольку пытается сгладить производимое впечатление улыбкой, должной изображать приветливость.

– Помнишь, Нэд, ты спрашивал, нет ли у меня какой тайны? Тебе тогда ещё показались подозрительными мои частые ночные отлучки из лагеря, – говорит человек с фонарём. – Да, ты совершенно прав, дорогой мой – тайна у меня, действительно, есть. Хочешь узнать её? Я готов показать тебе кое-что – нечто очень необычное и очень таинственное. Я обнаружил это несколько месяцев назад в одном из захоронений.

– Очень таинственное? – переспрашивает его спутник. – Да что может быть интересного и таинственного в этом захолустье? Это же не Долина Царей! Здесь жили феллахи, рабы, простые египетские крестьяне. Здесь ты не найдёшь старинных золотых украшений или глиняных горшков, полных рубинов и бриллиантов! Оставь, Джек, здесь не может быть никаких тайн! Я смертельно устал, замёрз и хочу спать.

Человек с фонарём не отвечает, лишь делает своему спутнику нетерпеливый знак, приглашая следовать за собою. Ступая след в след, они углубляются в лабиринт могильных камней, полуразвалившихся надгробий и замурованных известью склепов. Остановившись у одного из саркофагов и поставив на его крышку фонарь, первый англичанин достаёт из кармана длинный чёрный шарф и протягивает его

своему спутнику:

– Так ты замёрз, Нэд? Вот, возьми и укутай этим горло. Ты мигом согреешься.

– Прошу, Джек, вот только не надо опять начинать обо мне заботиться! – ворчит его спутник, послушно принимая шарф и наматывая его на шею. – Ты же знаешь, что я этого не люблю... Ну так что же, ты обещал мне тайну – так где же тут это твоё таинственное захоронение?

– Минуточку, Нэд, – отвечает ему тот, кого называют Джеком. – Сейчас мы поговорим и о тайне. А пока что – тебе надо поправить шарф, а то сзади у тебя видна голая шея. Повернись-ка ко мне спиной, я помогу тебе...

Тяжело вздохнув, спутник человека с фонарём покорно подставляет спину, и старший его товарищ своими тонкими, чуть подрагивающими пальцами заботливо расправляет складки чёрного длинного шарфа на шее своего юного спутника. Вдруг странная гримаса, почти судорога, искажает его угрюмые черты. Внезапно подавшись вперёд, он резкими движениями наматывает концы шарфа себе на кулаки и с силой разводит руки так, что шарф натягивается, удавкой впиваясь в горло не ожидавшего этого нападения юноши. Колени жертвы подгибаются, бессильные пальцы царапают сдавленное горло, глаза вылезают из орбит от ужаса и осознания приближающейся к нему смерти, слабый стон вырывается из разом посиневших губ бедного молодого человека – но звук этот, и без того едва слышный, тут же бес-

следно заглушается хриплым, почти звериным рыком убийцы: «Заткнись, ублюдок! Заткнись и сдохни!»

Агония длится недолго. Уже через минуту стремительно поднявшееся над пустынным горизонтом солнце безжалостным белым светом заливает сцену преступления: надгробия из песчаника, могильные камни, колонны и памятники, припорошенные песком и прахом, и посреди всего этого – чёрная недвижимая фигура убийцы и безжизненное тело у его ног, перечёркнутое его чернильной тенью и словно вымаранное этим из списка живых и из памяти всех, кто знал и любил его. Погасший фонарь, ненужный уже теперь при свете дня, валяется рядом на песке, сбитый с саркофага во время совершения убийства. Его владелец толкает ногой мёртвое тело своего спутника, и оно скатывается в неглубокую, заранее выкопанную в песке могилу.

– Прощай, Нэд, – говорит он, тяжело дыша. – Вот и конец твоего путешествия. Прощай и... прости. Ты не должен был узнать тайну.

Песок с тихим змеиным шипением начинает стекать в могилу, погребая под собой останки юноши. Дождавшись пока струи песка скроют лицо трупа, человек поворачивается и уходит: плечи его скорбно поникли, голова непокрыта, шляпу он держит в руке. Весь вид его словно говорит о том, какая тяжёлая утрата вдруг постигла его и как безжалостно обошлась с ним судьба.

Горячий воздух мерцает и дрожит над успевшим уже на-

греться в лучах восходящего солнца песком, знойное марево колышется над кладбищем, и очертания окружающих его барханов тоже истончаются и колеблются вместе с ним. Человек останавливается и поднимает взгляд: сквозь ставший вдруг зыбким и полупрозрачным ландшафт пустыни перед его глазами начинает проступать какой-то другой образ, другой пейзаж, неуместный здесь и тревожащий, – тот, который он, как ему казалось, оставил за множество лет и тысячи миль отсюда.

Старинный английский городок?² Что за чёрт? – откуда здесь, посреди пустыни, мог взяться старинный английский городок?! И башня его собора – серая и квадратная – выглядит такой знакомой... Как она-то здесь оказалась?! И ещё какая-то ржавая железная пика плавает в воздухе прямо перед глазами, куда ни посмотри... Её-то кто здесь воткнул?! А самое главное – зачем? Может, её поставили тут по приказу султана, чтобы насадить на неё целую шайку турецких разбойников, эдак одного за другим? Ну точно! Вон уже гремят барабаны и сам султан со свитой выходит из дворца – какая длиннющая и шикарная процессия! Кривые турецкие сабли блестят на солнце, полуголые танцовщицы усыпают дорогу цветами, а вот идут слоны в расшитых золотом накид-

² Оригинальный текст Чарльза Диккенса начинается здесь. Интересно, что первые издатели романа допустили опечатку прямо в начальной фразе текста, напечатав «башня» (tower) вместо «городок» (town). В рукописи Диккенса роман начинался словами «Старинный английский городок?». В этом переводе я восстановил первоначальный текст автора.

ках – тысячи их, а погонщиков так и втрое больше!.. Странно только, что башня старинного английского собора тоже всё ещё тут и хорошо видна на заднем плане, а на зловещую пику до сих пор ещё никого не посадили... Погодите! Может быть, никакая это и не пика, а просто один из этих пошлых заостренных столбиков, что торчат в углах старой покосившейся кровати?³

Рассмеявшись в наркотическом полусне, человек медленно приподнимается на локтях и озирается, дрожа всем телом. Он обнаруживает себя в грязной тесной комнатке; тусклый свет раннего утра едва проникает в крохотное оконце, выходящее в загаженный бедный двор. Сам он лежит одетый, поперёк большой неопрятной кровати, а рядом с ним, тоже поперёк и с ногами на полу, лежат ещё трое: один из них, судя по одежде – индийский матрос, другой – китаец, а третья – какая-то женщина, худая и измождённая. Первые два, похоже, спят или грезят с открытыми глазами, а женщина пытается раскурить странного вида трубку; тлеющий в чашечке уголёк бросает на её лицо красные отсветы.

– Ещё одну? – спрашивает она ворчливым, дребезжащим

³ Башня Рочестерского собора (послужившего прообразом для собора романного городка Клойстергэма) во времена Диккенса имела не один шпиль, а четыре – по углам башни, что делало её отдалённо похожей на кровать со столбиками для балдахина. Поэтому-то пробудившийся человек и принимает кровать за башню собора. Балдахин (в данном случае: тряпка на веревках) служил для того, чтобы защититься от клопов, падающих с потолка на спящего. На многих иллюстрациях к этой сцене изображена именно такая кровать.

голосом. – Хочешь ещё одну?

Человек на кровати прижимает руку ко лбу, словно пытаешься собрать воедино своё рассыпающееся на части сознание.

– Ты уже штук пять выкурил, с полуночи-то, – продолжает хозяйка притона привычно-недовольным тоном. – Бедная я, бедная, в голове всё путается. После тебя вот эти двое ещё пришли, и всё. Не идут дела-то у меня, не идут! Может, пара китайцев из доков да матрос один-другой и забредут, а больше-то и нету никого. Корабли не ходят – говорят они. Возьми вот ещё трубочку, дорогуша. Не забудь только, что цена-то сейчас снова выросла. Немного выросла – вот за такую щепотку берут всего лишь три и полшиллинга. Но зато тебе никто лучше меня не смешает зелье – ну, может быть, ещё Джек-китаец, что живет на другой стороне двора, но ему тоже до меня далеко. Так что, ты мне уж по совести заплати, голубчик.

За разговором она не забывает затягиваться из трубки и, пожалуй, выкурила её уже всю сама.

– Ах ты ж, боже, грудь-то у меня слабая да больная! Вот, почти и готова тебе трубочка, дорогуша. Ох, руки-то как дрожат, сейчас отвалятся! А я гляжу, ты проснулся – ну, значит, надо тебе ещё трубочку приготовить. А ты, коли не забудешь, какой нынче опиум дорогой, так и заплатишь мне по совести. Ох, голова-то как болит! Трубочки я мастерю из старых пузырьков для чернил, вот как этот, по пенни штука. Потом, смотри – я костяной ложечкой накладываю в них

опиум, вот так, и вворачиваю их в мундштук. Вот и готово. Ох, нервы у меня ни к чёрту, дрожу-то я как! Я ведь шестнадцать лет пила, не просыхая, а теперь вот только куревом и живу. Вреда от этого никакого, дорогуша, не о чем и говорить. Да ещё и от голода спасает: трубочку выкурил – и буд-то поел.

Она подаёт ему почти пустую уже трубку и снова ложится, отворачиваясь к стене.

Человек сползает с кровати и встаёт пошатываясь. Трубку он кладёт на пол у очага, отдёргивает на окне дырявые занавески и, обернувшись, с отвращением оглядывает лежащих. Матрос улыбается в забытии, нитка слюны свисает у него изо рта. Китаец шумно храпит и так дёргается во сне, словно сражается с полчищами демонов. Женщина же лежит неподвижно; от многолетнего курения опиума лицом она стала походить на китайца – такая же жёлтая кожа, глаза-щёлочки, такие же жидкие волосы на висках.

«Вот что может грезиться ей? – размышляет пробудившийся человек, подходя ближе и вглядываясь в лицо спящей женщины. – Мясные лавки или распивочные, где щедро наливают в кредит? Бойкая торговля опиумом в менее убогом притоне, где и кровать не такая покосившаяся, и двор чисто выметен? На большее у неё не хватит фантазии, хоть она обкурилась всем своим опиумом, ведь так?»

Он прислушивается к её бормотанию, наклонившись ещё ниже, потом даже поворачивает к себе её голову: «Ни черта

не понять!»

Пока он всматривается в её лицо, женщина начинает дрожать во сне – судороги пробегают по её телу, словно молнии, разрезающие грозное небо. Эти подёргивания странным образом передаются и ему – он вынужден даже отступить на дрожащих ногах к старому креслу возле очага и переждать в нём приступ, крепко вцепившись в потёртые ручки. Наконец демон подражания побеждён, и человек снова подходит к кровати; теперь он хватает за горло китайца и поворачивает его голову к себе. Тот сопротивляется, хрипит и пытается освободиться.

– Что? Что ты там говоришь?

И после паузы:

– Нет, ни черта не понять!

Хмуро вслушиваясь в бессвязное бормотание китайца, он медленно разжимает руки, затем поворачивается к матросу-индийцу и бесцеремонно стаскивает его за ноги с кровати. Свалившись на пол, тот пробуждается, принимается размахивать руками, яростно вращать глазами и даже пытается поразить обидчика воображаемым ножом. Но его нож, похоже, ещё раньше забрала и спрятала под платье хозяйка притона – услышав шум, она тоже вскакивает, пытается утихомирить его буйство, уговаривает и успокаивает его; наконец индеец снова затихает, проваливаясь в сон и оседая на пол, и женщина тоже ложится рядом, бок о бок с ним.

Ни одного слова нельзя было разобрать в случившем-

ся шуме и гаме, поэтому наблюдавший за всем этим человек, мрачно усмехнувшись, повторяет своё «Ни черта не понять!», удовлетворённо кивает и выходит, прихватив шляпу и бросив на стол несколько серебряных монет.⁴ Придерживаясь за стену, он спускается по разбитой лестнице, желает доброго утра привратнику – тот, осаждаемый крысами, дремлет на ящиках под чёрной лестницей – и удаляется.

Тем же самым вечером массивная квадратная башня собора снова встаёт перед глазами усталого путника.⁵ Колокола торопят прихожан на вечернюю службу, и он тоже ускоряет шаги, спеша к открытым дверям собора.⁶ Певчие хора уже надевают через головы свои запятнанные белые оде-

⁴ Посетитель притона, Джон Джаспер, потому так пристально вслушивается в бормотание других спящих, что его волнует, не разговаривал ли во сне он сам. Как мы увидим сильно позднее, в 23-й главе, он действительно разговаривал в наркотическом полусне (начало главы и есть запись его видений и бреда) и тем невольно выдал себя.

⁵ Путеводитель Бедекера говорит про Рочестерский собор следующее: «Кафедральный собор (хорошая органная музыка и хор) основан епископом Гундульфом в 1077, освящен в 1130 году. Боковые трансепты были добавлены несколько позднее, хоры и крипта были перестроены в 1226 г. Основная квадратная башня датируется 1343 годом. Здание было значительно (хотя и unsuccessfully) реставрировано в 1830—40 гг. Дверь, ведущая в здание капитула, отличается удивительной красотой. По сторонам её можно видеть аллегорические фигуры Церкви и Синагоги».

⁶ Джаспер работает хормейстером в церкви. При этом в Рочестерском соборе такой должности не было, Диккенс её выдумал. Джаспер был профессиональным певцом в церкви, так называемым викарием, с зарплатой примерно 10—12 фунтов в год. На одно посещение притона (пять трубочек по 3,5 шиллинга) он тратил целый фунт, то есть своё месячное жалование.

яния; он тоже торопливо накидывает стихарь и становится во главе процессии, выходящей из ризницы.⁷ Золоченую решетку двери, отделяющей алтарь от хоров, запирают, певчие выстраиваются по местам, склоняют головы, и вот уже первые звуки песнопения «Если раскается нечестивый» взмывают под своды и балки крыши, пробуждая там громоподобное эхо.⁸

⁷ По церковным правилам когда хористы выходят из ризницы, впереди идут самые маленькие, затем мальчики постарше, затем взрослые певцы, а хормейстер должен замыкать строй. Но Джаспер становится впереди. Этим Диккенс подчёркивает его случайность в церкви, его тягу главенствовать, его антагонизм и бунтарство.

⁸ Хоралом «Если раскается нечестивый» традиционно открывается англиканская служба. Содержание хорала непосредственно относится к самому Джасперу – именно он и является «нечестивцем», у которого еще есть шанс раскаяться и тем заслужить прощение. Этот момент неоднократно подчёркивался многими исследователями.

Глава II.

Глава прихода и клирики⁹

Если вы когда-нибудь наблюдали за птицами – например, за грачами, черным оперением своим так напоминающими служителей алтаря – то, должно быть, не раз замечали, как частенько две-три из них вдруг отделяются от стаи, усаживаются поодаль, словно заговорщики, и усиленно делают вид, будто не имеют с остальными сородичами ничего общего.

Так и сейчас, стоило только закончиться вечерней службе в старом нашем кафедральном соборе, как несколько грачей из клерикального сословия отделились от остальных прихожан и служителей церкви, спешащих по домам, и вернулись в пределы гулкого церковного двора.

День близится к концу, и год близится к концу. Низкое солнце ещё заливают ярким, но уже холодным светом монастырские руины позади собора, но оплетающий их дикий виноград уже осыпал половину тёмно-красных своих листьев на каменные тротуары подворья. Порывы зябкого ветра покрывают рябью воду в лужицах, оставшихся после недавнего дождя, и сбивают тяжёлые капли с листьев могучих вязов, заставляя их как бы плакать холодными слезами. Опавшая

⁹ В названии главы я попытался сохранить игру слов, которая есть у Диккенса: «*Chapter II. A Dean and a Chapter Also*».

листва ковром укрывает мостовые. Из-под низкой арки соборных дверей выходят двое: один из них запирает тяжелую дверь большим ключом, очистив перед тем ногой порожек от занесённой в собор ветром листвы, второй же, с нотной папкой в руках, поспешно уходит.

– Это же мистер Джаспер был с тобою, Топ?¹⁰

– Да, отец-настоятель.

– Что-то он сегодня задержался.

– Да, отец-настоятель, и я тоже задержался из-за него. Ему вдруг немножечко *поплохело*.

– При Его Преподобии правильнее говорить «он почувствовал себя плохо», Топ, – с мягким упрёком вступает в разговор младший из трёх грачей, словно желая этим сказать, что просторечия уместны в разговоре с мирянами, но не с особой высокого духовного сана.¹¹

Мистер Топ, соборный пристав, смотритель и ключник,

¹⁰ Фамилия Джаспер, как и все прочие фамилии персонажей у Диккенса, является «говорящей», т.е. в ней заложена краткая характеристика владельца. У отрицательных персонажей – это намёк на их преступление. Так фамилия «Джаспер» (Jasper) произведена от слова «gasper» (душитель).

¹¹ Сцена, в которой каноник Криспаркл исправляет грамматические ошибки смотрителя собора мистера Топа, как мне представляется, является сатирой Диккенса на роман «Смотритель» – безграмотное первое творение другого английского писателя Энтони Троллопа, действие в котором происходит так же в Рочестере, и чей сюжет имеет много общего с сюжетом «Тайны Эдвина Друда». Образ каноника Септимуса Криспаркла – это исправленный и улучшенный Диккенсом образ главного героя романа Троллопа каноника Септимуса Хардинга. Образ просторечного смотрителя собора мистера Топа, по-моему, это карикатура на самого Троллопа.

привыкший высоко задирать свой клюв перед посетителями собора, молча игнорирует поправку, будто это и не к нему обращаются.

– А в какой же момент и почему мистеру Джасперу стало плохо, Топ? Да-да, именно «стало плохо», как верно заметил тут мистер Криспаркл, именно «стало плохо», – настаивает старший из грачей.¹²

– «Стало плохо», сэра, – послушно соглашается мистер Топ.

– Так почему же ему вдруг стало плохо, Топ?

– Ну, потому, что он так *уныхался*, когда вбежал, что...

– Пожалуйста, Топ, не говорите Его Преподобию «уныхался», это не по-английски, – с тем же тоном упрёка снова вмешивается мистер Криспаркл. Настоятель реагирует на эту маленькую лесть лёгким кивком.

– Да, правильнее было бы говорить «запыхался», Топ.

– Мистер Джаспер *едва мог перевести дыхание*, когда входил в ризницу, – продолжает мистер Топ, мастерски применяя обходной грамматический манёвр, – и до того он тяжело дышал, что и петь-то уже почти не мог, в ноты не попадал. Может, из-за того с ним потом и приключилось что-то навряде приступа, сэра. В голове у него всё *смутилось*, – говоря это, пристав с ненавистью смотрит на мистера Криспаркла, словно вызывая того на грамматическую дуэль. – И до того

¹² Фамилия «Криспаркл» (Crisparkle) составлена Диккенсом из двух слов: «Christ» и «Sparkle». Её можно перевести как «искра Божья».

он при этом *с лица побледнел*, мистер Джаспер-то, что я прямо испугался; хотя сам он, вроде, не сильно и обеспокоился. Посидел он чуть-чуть, глотнул воды, и я гляжу – прошло у него это *помутнение*.

Последнее слово мистер Топ произносит с особым нажимом, словно бы говоря: «Получил разок? Так я ж тебе ещё добавлю».

– Но когда мистер Джаспер отправился домой, чувствовал он себя уже хорошо?

– Да, Ваше Преподобие, тогда он чувствовал себя уже хорошо. И я гляжу, он жарко растопил камин у себя в комнате, и претлично сделал, ведь после недавнего дождя и в соборе, и у него дома уж такая сырость и холод! Немудрено, что мистер Джаспер так весь дрожал.¹³

Трое грачей обращают взгляды в конец аллеи к небольшому каменному зданию с широкой аркой ворот посередине. Этот проход, соединяющий Главную улицу и церковное подворье, настолько высок и просторен, что кажется, будто домик стоит на двух широко расставленных ногах.¹⁴ В тём-

¹³ Странные приступы, повторяющиеся у Джаспера на протяжении первой и второй глав (и полностью исчезнувшие в следующих главах), представляют из себя не последствия приёма опиума, а панические атаки, т.е. приступы страха, вызванные его планами убить своего племянника Эдвина Друда. Как только решение об убийстве принято, Джаспер успокаивается, и приступы проходят.

¹⁴ Описание «домика над воротами» – это фотографически точное описание реального здания в городе Рочестере. Вообще, роман до мельчайших деталей топографически точен, и почти все описываемые места и здания имеют свои оригиналы в реальном мире – на тех же местах, и в том же виде. Такая точность поз-

ных зарешеченных окнах над аркой видны отсветы огня, кажущиеся особенно яркими на фоне бурых листьев плюща и дикого винограда, затянувших стену дома. Ветер с реки колышет листья, но смотрящим кажется, будто те подрагивают не от его порывов, а от мощных звуков большого соборного колокола, отбивающего в этот момент час окончания вечерней службы. Громовой медный гул проносится над старыми стенами кладбища, над памятниками и могилами, над сваленными в кучи разбитыми плитами и безголовыми статуями.

– Приехал ли уже племянник мистера Джаспера?

– Нет ещё, сэр, – отвечает пристав. – Но его с нетерпением ждут. Видите тень мистера Джаспера у того окна, которое смотрит на Главную улицу? Вот он как раз задёрнул занавеску...

– Ну хорошо-хорошо, – прерывает его настоятель, желая поскорее завершить этот разговор и отправиться домой, где его уже, наверное, заждались к обеду. – Хочется лишь надеяться, что сердце мистера Джаспера переполняется любовью не к одному лишь его племяннику. Никакие привязанности этого преходящего мира, пусть даже самые похвальные, не должны владеть нами чрезмерно – наоборот, это мы должны властвовать над ними. Мистер Криспаркл, может быть, Вы по дороге домой заглянете к Джасперу и напомните ему эту простую истину?

– Непременно, Ваше Преподобие. Я сообщу ему также, что Вы были так любезны, что осведомлялись о его самочувствии.

– Ну конечно-конечно, и это тоже. Любезно осведомлялся, да. Именно это я и имел в виду. Осведомлялся о его здоровье.

И отец-настоятель, приподняв в изящном поклоне свой элегантный цилиндр ровно настолько, насколько это и подобает особе столь высокого духовного сана, в хорошем настроении направляет свои затянутые в гетры ноги в сторону уютного домика из красного кирпича, своей «резиденции», где в обитой шёлком столовой его давно уже ждут дочь и супруга.

А мистер Криспаркл, хотя и он тоже охотнее отправился бы домой выпить чаю, всё же находит пять минут, чтобы зайти в дом над воротами.

Хороший он человек, этот мистер Криспаркл, недавно ещё репетитор в школе для мальчиков, а теперь младший каноник в церковном клире. Эту должность он получил года два назад стараниями некоего покровителя, благодарного ему за успешное обучение сына, которому кроме познаний в музыке и античной словесности удалось привить и любовь к спорту, закаливанию и холодным обливаниям. Да и сам мистер Криспаркл, юный душой в свои тридцать пять лет, твёрдо верит в целительную силу речных купаний и любит, встав на заре, окунуться с головой в одну из окрестных речушек,

причём делает он это в любую погоду, даже и зимой. Видимо, от этих-то процедур мистер Криспаркл так свеж и румян лицом, приветлив, общителен и полон доброжелательности.

– Мистер Топ сообщил нам, Джаспер, что Вы были сегодня, к сожалению, не совсем здоровы.

– Нет-нет, пустяки, благодарю Вас.

– Вы выглядите слегка усталым.

– В самом деле? Нет, я себя усталым не чувствую. Этот наш Топ всегда рад раздуть из пустяка целое событие. Всему происходящему в соборе придаёт слишком большое значение. Должность у него такая.

– Так я скажу тогда отцу-настоятелю, что Вы пребываете в добром самочувствии? Он особо желал это услышать.

– Конечно-конечно. И передайте ещё отцу-настоятелю мой поклон и сердечную благодарность, – отвечает мистер Джаспер с лёгкой усмешкой.

– Ещё я был рад услышать о приезде молодого Друда.

– Милый юноша! Да, я ожидаю его с минуты на минуту.

– Вот как! Думаю, его приезд поставит Вас на ноги лучше любого доктора, Джаспер.

– Лучше дюжины докторов! Потому что его-то я обожаю, а вот докторов и их микстуры не люблю вовсе.

Глядя на несколько мрачноватое лицо мистера Джаспера, трудно поверить, что он может кого-то обожать или считать милым. Лет мистериу Джасперу примерно двадцать шесть, хотя выглядит он старше, как это часто случается с брюнета-

ми. Волосы и бакенбарды его черны как смоль и тщательно уложены, голос его низок и звучен, осанка безукоризненна, но в облике его чувствуется некоторая угрюмость. Возможно, это влияние обстановки, поскольку и комната его темна и угрюма: с глубокими тенями по углам, чёрным лаковым пианино у стены, книжной полкой над ним и нотными тетрадями на пюпитре рядом. Луч заходящего солнца едва достигает женского портрета, скорее – карандашного наброска, приколотого над камином. Изображенная на нём особа весьма молода и красива, её волнистые светлые волосы забраны голубой лентой, а юное лицо её – без сомнения, стараниями художника-любителя переданное весьма верно – носит несколько своевольное и даже по-ребячески упрямое выражение.

Септимус Криспаркл, Его Преподобие младший каноник и просто хороший приветливый человек, тепло прощается с мистером Джаспером, выражает сожаление, что тот нынче по состоянию здоровья не сможет, наверное, присутствовать на еженедельной спевке местного «Музыкального Общества», и удаляется. Слышно как он, спускаясь по лестнице, распевает приятным баритоном что-то пасторальное, а потом внизу с кем-то здоровается и раскланивается. Мистер Джаспер, заслышав шаги поднимающегося к нему нового гостя, вскакивает с кресла и бросается к дверям, чтобы заключить того в объятия.

– Эдвин, дорогой мой!

– Джек, как я рад тебя видеть, старина!

– Снимай же своё шикарное пальто и проходи, мальчик мой, твоё кресло уже ждёт тебя! Надеюсь, ты не промочил ноги? Снимай скорее сапоги! Да-да, снимай их скорее!

– Слушай, Джек, старина, я тебя прошу, не начинай надо мной хлопотать, будто курица над яйцом! Терпеть этого не могу! Успокойся, я ничуть не вымок!

Остановленный столь бесцеремонно в своих проявлениях сердечной доброты и привязанности, мистер Джаспер отступает от своего молодого гостя и внимательно наблюдает, как тот раздевается, снимает пальто, шляпу, перчатки и прочее. Вообще говоря, особое выражение напряжённого внимания – выражение жадной, требовательной, но вместе с тем нежной и преданной любви и привязанности к юноше – появляется на лице Джаспера всякий раз, когда он смотрит в его сторону. А уж если мистер Джаспер смотрит в его сторону, то кажется, будто ничто в мире – ни теперь, ни впоследствии – не может отвлечь его от этого сосредоточенного созерцания.¹⁵

– Ну вот, Джек, теперь я могу и присесть отдохнуть. Найдётся у тебя что-нибудь поесть?

¹⁵ Примечательно, что Диккенс, достаточно полно описывающий внешность прочих героев романа, совершенно ничего не сообщает нам о внешности заглавного героя книги – блондин он или брюнет, носит ли усы, высок он или коренаст и так далее. Такая «расплывчатость» внешности Эдвина необходима Диккенсу для введения читателя в заблуждение в 18-й главе, когда в городе появится «таинственный незнакомец в парике».

Вместо ответа мистер Джаспер распахивает дверь в соседнюю комнатку, которая, очевидно, служит ему столовой. За дверью обнаруживается обеденный стол и миловидная дама средних лет, споро расставляющая на столе тарелки и бокалы.

– Ну ты и фокусник! – весело хлопает в ладоши довольный юноша. – Слушай, Джек! А ты помнишь, чей сегодня день рождения?

– Только не твой, это-то я помню, – отвечает мистер Джаспер и ждёт продолжения.

– Конечно, не мой! Это-то я тоже не забыл. *Кискин* – вот чей!

Хотя мистер Джаспер ни на секунду не отводит взгляда от лица юноши, поле его напряжённого внимания вдруг странным образом включает в себя и портрет, висящий над камином.

– День рождения Киски – вспомнил, Джек? Мы должны сегодня выпить за её здоровье, и не раз выпить, а много-много! Ну, давай, дядюшка, веди своего почтительного и умирающего с голоду племянника к столу!

Молодой человек – и впрямь очень молодой человек! – кладёт Джасперу руку на плечо, тот в ответ дружески и нежно обнимает за шею и его тоже, и таким порядком они, похожие на двух пьяных матросов, отправляются ужинать.

– Боже мой, да это же миссис Топ! – веселится юноша. – Да при том такая красавица сегодня!

– Придержите руки, мастер Эдвин! – уворачивается жена церковного пристава. – Избавьте меня от ваших нежностей!

– Нет, не избавлю, больно уж вы сегодня симпатично выглядите! Ну, давайте, поцелуйте меня в честь дня рождения Киски!

– Да я бы вас лучше оцарапала, молодой господин, будь я на месте Киски, как вы бедную девочку называете! – парирует миссис Топ, зардевшись после непрошенного поцелуя. – Ваш дядюшка вам слишком многое позволяет – вот что я вам скажу! Он вас слишком сильно любит, потому вам и кажется, наверное, что стоит вам только свистнуть – так все киски со всей округи сбегутся к вам гурьбой!

Мистер Джаспер в это время с добродушной улыбкой занимает своё место за столом.

– Вы забываете, миссис Топ – да и ты, Эдвин, вероятно забыл – что слова «дядюшка» и «племянник» в этом доме под запретом. Да, под запретом – по нашей общей договорённости и с нашего общего согласия... *Благослови, Иисусе, пищу и питьё, что мы вкушаем тут во здравие своё.*

– Молодчина, Джек, шикарно сказано – такое и вашему настоятелю не под силу! Свидетельствую, Эдвин Друд!.. Слушай, разрежь гуся, а то я не умею.

И после этих слов начинается трапеза. И во время её не было сказано ничего такого, что относилось бы к нашей истории, да и к любой другой истории тоже. Наконец грязные тарелки унесли, скатерть переменили, и на стол явились

графин с янтарным шерри и блюдо с грецкими орехами.

– А вот скажи мне, Джек, – снова начинает юноша. – Ты и вправду считаешь, что всякое упоминание о нашем родстве разделяет, а не соединяет нас? Мне вот так не кажется.

– Ну что тебе ответить, Нэд... Обычно дядюшки бывают значительно старше племянников. По крайней мере, я не встречал обратного.

– Обычно! Ну, может быть... В конце концов, шесть лет, как у нас с тобой, не такая уж и заметная разница. В очень больших семьях может случиться и так, что дядюшка вдруг окажется даже моложе своего племянника... А знаешь, Джек, я бы хотел, чтобы у нас с тобою было именно так!

– Это ещё почему?

– А потому, что тогда уже я смог бы заботиться о тебе и направлять тебя в жизни! И знаешь, какое у меня было бы для тебя первое правило? А вот это, из старой баллады: *«Прочь заботы, что у юного силы крадут! Прочь заботы, что старого в землю кладут!»*.¹⁶ Подожди, Джек, не пей без меня!

– Что так?

– Спрашивать такое в день рождения Киски?! Причем то-

¹⁶ Эдвин за столом цитирует старинную балладу «Прочь, постылая забота». Это название перекликается не только с чрезмерной заботой Джаспера о племяннике, но и напоминает английскому читателю о строках, прямо предшествующих тем, которые процитировал Эдвин: *«Ты давно меня подстерегаешь И мечтаешь меня убить, Но я знаю, постылая забота, Ничего у тебя не выйдет!»* Неудивительно, что Джаспер, услышав такое, поспешил смочить враз пересохшее горло глотком вина! В этой фразе заключён весь сюжет «Тайны Эдвина Друда»: постыло-заботливый Джаспер мечтает убить Эдвина, но вот вопрос – получится ли у него это?

гда, когда мы и одной не выпили за её здоровье? За Киску, Джек, и не одну!.. Не одну чарку, я имею в виду.

Смеясь, мистер Джаспер слегка шлёпает племянника по протянутой руке, как бы отдавая должное его легкомысленной шутке, и отпивает из бокала.

– *Гип-гип ура! Пришла пора, за Киску пить мы будем до утра!* Ну вот, Джек, а теперь давай поговорим о нашей имениннице. Передай-ка мне тоже щипцы для орехов... (Крак!) Ну, так как она тебе?

– По части музыки? Старательная.

– Ты такой чертовски дипломатичный, Джек! Старательная! То есть – старается, да ничего не выходит?

– Всё получится, если она захочет.

– Если захочет! Узнаю мою невесту!.. А если не захочет?!

Крак! – отвечают щипцы в руках мистера Джаспера.

– Ну а как она вообще, Джек?

Не отводя глаз от лица племянника, мистер Джаспер лёгким кивком указывает на портрет над камином:

– Точно как на твоём рисунке, Нэд.

– Да, уж этим-то я могу гордиться, – говорит юноша, разглядывая портрет сквозь стекло бокала с шерри. – Для рисунка по памяти даже неплохо. Да и то сказать, такое её выражение лица сложно забыть – слишком уж часто я его видел!

Крак! – отзываются на это щипцы Эдвина Друда.

Крак! – соглашаются щипцы мистера Джаспера.

– Честно сказать, – после паузы продолжает юноша, доламывая скорлупки ореха, – она меня если и не встречает всякий раз с таким выражением лица, то уж точно с ним провожает. Погоди же у меня, ты, *Маленькая Мисс Дерзилка!* Анггард! – и он тычет в сторону портрета щипцами для орехов, словно фехтовальной рапирой.

Крак, крак, крак... – размышляют щипцы в руках мистера Джаспера.

Крак! – подводят черту щипцы Эдвина Друда.

Молчание по обе стороны стола.

– Слов не находишь, что ли, Джек?

– Зато ты легко находишь, я погляжу.

– Нет, Джек, давай уж по-честному! Разве это правильно, в конце концов, что...

Мистер Джаспер вопросительно изгибает бровь, и ждёт продолжения.

– ...что у меня в таком важном вопросе нет никакого выбора? – с жаром продолжает Эдвин. – Знаешь, Джек, я тебе признаюсь: будь у меня право выбора – изо всех девчонок мира я бы выбрал только Киску!

– А выбора-то у тебя и нет.

– Нет! В этом-то и беда! Зачем только моему покойному отцу и покойному отцу Киски втемяшилось обручить нас ещё детьми? Почему, чёрт их забери – то есть я сказал бы так, если бы не уважал их память – почему им было бы просто не оставить нас в покое?!

– Ну-ну, дорогой мой... – останавливает его мистер Джаспер с мягким упрёком в голосе.

– Что «ну-ну», Джек?! Тебе-то легко говорить! Это ты можешь себе позволить ко всему относиться свысока! Конечно – ведь твою-то жизнь не расчертили наперед стрелками и линиями, словно дорожную карту! Тебя-то ведь не связали насильно с девушкой, которой ты неприятен! Ты можешь выбирать! Для тебя жизнь – как персик прямо с ветки, сочный и ароматный; а для меня его сорвали, помыли, обтёрли, нарезали и...

– Давай-давай, парень, не останавливайся. Гони дальше.

– Я задел тебя этими словами, что ли?

– Вовсе не задел.

– Боже, Джек, ты что-то очень побледнел! Что с тобой?!

У тебя глаза стали какие-то... мутные.

Мистер Джаспер с вымученной усмешкой слабым жестом останавливает готового прийти на помощь племянника, а затем объясняет после паузы:

– Я принимал опиум... от болей, от страшных болей, которые у меня иногда бывают. У этого лекарства такой побочный эффект – накатит вдруг волной и сразу отпустит. Вот и сейчас... Но уже проходит. Не смотри на меня, так быстрее пройдёт.

С ошарашенным выражением лица младший родственник пытается утвердить свой взгляд на углях камина, а старший, дрожа, тарашится прямо в пламя. Затем так же неожидан-

но руки его, только что словно пытавшиеся выломать ручки кресла, обмякают, крупные капли пота проступают на лбу и щеках, и дыхание снова возвращается к мистеру Джасперу, пусть пока и неровное. Со вздохом облегчения он откидывается в кресле и минуту-другую приходит в себя. Потом он наклоняется к племяннику и мягким жестом кладёт ему ладонь на плечо.

– Ты же знаешь, как говорят: в каждом доме есть свои собственные скелеты в шкафу. Ты же не думал, Нэд, что у меня таких нет?

– Вот бы никогда не подумал, Джек, что у тебя в шкафу тоже есть что-то подобное! Хотя, если вдуматься, и в моей семье, и в Кискиной...

– Ты начинал говорить, – перебивает его мистер Джаспер, – какой спокойной и размеренной тебе кажется та жизнь, которую я веду в этом сонном городке. Ни тебе столичного шума и гама, ни рискованных спекуляций на бирже, ни частых переездов – знай, занимайся себе любимым делом, музицируй, да распевай песенки?

– Ну, что-то такое я и хотел сказать, да. И раз уж ты сам заговорил об этом, то я дополню. Я собирался сказать, что ты в короткое время смог добиться у всех огромного уважения – и как хормейстер, и как первый певец в соборе. Можно ещё добавить, что ты с твоим независимым положением можешь сам выбирать, в каких кругах вращаться – тебя везде примут с восторгом. Да и какой, в конце концов, ты талант-

ливый и всеми любимый учитель! Подумай сам – Киска, которая терпеть не может чему-то учиться, и та говорит, что у неё отродясь такого учителя не было как ты!

– Да это-то всё понятно... Вот только я это всё ненавижу!

– Ненавидишь?! Но почему, Джек?!

– Да потому, что меня убивает всё это удушающее однообразие здешней жизни! Скажи, вот как ты оцениваешь наше пение в соборе?

– Чудесное пение! Божественное пение!

– Да? А мне оно часто кажется каким-то дьявольским! Эхо моего собственного голоса, отражаясь от сводов, как будто издевается, как будто хохочет мне в лицо! Наверное, ни один монах, который десятилетиями гнул тут колени в молитве, не испытывал большей скуки, чем я! Но даже он мог немножечко развлечься, выцарапывая чёртиков на деревянных сидениях скамей. А что остаётся мне? Процарапывать их на своём сердце?!

– А я-то думал, Джек, что ты нашёл своё место в жизни... – пораженно говорит Эдвин Друд, смотря с тревогой на своего старшего товарища.

– Да знаю я... Все так думают.

– Конечно, все! – соглашается Эдвин. – И даже Киска мне так говорила!

– Когда это она такое сказала?

– Тогда ещё, в прошлый мой приезд. Ну ты помнишь – три месяца назад.

– А что именно она сказала?

– Ну только, что она занимается теперь с тобой музыкой, и что ты просто рождён для своей профессии.

Младший из собеседников поднимает глаза на портрет. Старший же и так не спускал глаз с них обоих.

– Что ж, дорогой мой Нэд, – говорит потом мистер Джаспер, кивая с какой-то мрачной решимостью. – Значит, придётся мне покориться судьбе, если уж я оказался таким рождён. Да и менять теперь что-то было бы уже поздно... Но пусть это будет наша с тобою тайна.

– И я свято её сохраню, Джек.

– Я рассказал это тебе потому, Нэд...

– Я знаю. Потому, что ты любишь меня и доверяешь мне так же, как и я тебе. Потому, что мы с тобою – лучшие друзья. Вот тебе моя рука, Джек!

И так они стоят – рука в руке, глаза в глаза – а мистер Джаспер продолжает:

– Я рассказал тебе это, Нэд, чтобы ты знал: даже такой скучный, закопавшийся в своих нотных бумагах человек, как твой дядюшка-хормейстер, может порою о чём-то мечтать, чего-то хотеть добиться, быть неудовлетворённым судьбой, работой, всем своим существованием...

– Я это понял, Джек.

– И ты это не забудешь?

– Ни за что, Джек. Разве я выгляжу человеком, который может забыть то, что ему с такой добротой доверили?

– Хорошо. Пусть это послужит тебе предостережением.

Отступив на шаг, Эдвин недоумённо вглядывается в лицо Джаспера, пытаюсь постичь смысл его последних слов. Потом с чувством отвечает:

– Я, конечно, пустоголовый и легкомысленный парень, Джек, и мало что видел в жизни. Я ещё молод, я ещё наберу опыта, но даже тот, который я уже имею, подсказывает мне – от всей души подсказывает! – как благородно с твоей стороны это было: раскрыть передо мной свою душу, чтобы предостеречь меня ввиду грозящей мне опасности.

Мистер Джаспер вдруг каменеет лицом, и в фигуре его проступает такое напряжение, что он, кажется, забывает даже дышать.

– Конечно, я заметил, Джек, – продолжает меж тем Эдвин Друд, – что тебе это нелегко далось. Я же видел, что ты и на себя не был похож, что ты совсем другим стал. Конечно, я знал, что ты очень ко мне расположен. Но что ты, можно сказать, принесёшь себя в жертву ради меня – нет, к этому я готов не был.

Мистер Джаспер безо всякого видимого перехода становится вдруг снова подвижен, переводит дыхание, улыбается и облегчённо машет рукой.

– Нет, Джек, не отказывайся от своих чувств, прошу тебя! Я нисколько не сомневаюсь, что то нездоровое состояние души, которое ты мне с таким жаром описал, причиняет тебе боль и переносится тобою очень тяжело. Но, Джек, я уве-

рен, что нет никакой опасности, что это состояние когда-нибудь передастся и мне. Ты же знаешь, что я-то нахожусь совершенно в другой ситуации! Ты же знаешь, что не пройдёт и нескольких месяцев, как я заберу Киску из школы и назову своею женою. Что потом мне предстоит работать инженером на Ближнем Востоке, и что моя жена вынуждена будет отправиться туда вместе со мною, хочет она того или нет. И пусть мы с нею иногда ссоримся – что и не удивительно, учитывая всю скуку нашей заранее решённой помолвки – мы с нею замечательно поладим, когда оно у нас дойдёт до дела. Как поётся всё в той же балладе, Джек: *«я буду петь, жена плясать, и дни в блаженстве протекать!»*. Что Киска у нас красавица – так это очевидно... И, глядя на этот портрет, я клянусь – слышите, вы, Мисс Дерзилка! – что я сожгу этот рисунок вместе со всем его недовольным выражением лица, и нарисую вашему учителю музыки новый!

Мистер Джаспер, который на протяжении всей этой тирады в раздумье не отнимал руки ото лба и смотрел на племянника с весьма благожелательным выражением, говорит с лёгкой усмешкой:

- Значит, предостерегать тебя не нужно, да?
- Не нужно, Джек.
- Значит, предостерегать тебя бесполезно?
- Да, Джек, с твоей стороны – совершенно бесполезно. Да и не чувствую я никакой опасности, поэтому и тебе не нужно беспокоиться.

– Дойдёшь со мною до кладбища?

– Конечно, Джек, с удовольствием с тобой прогуляюсь. Давай только сперва заглянем в Кискину школу, я хочу оставить там для неё подарок. Это всего лишь перчатки – столько пар перчаток, сколько ей сегодня исполнилось лет. Такой... *поэтический* подарок. Как думаешь, Джек?

– *Нет слаще в этом мире ничего,* – негромко декламирует Джаспер, – *чем юноши влюблённого мечты.*¹⁷

– Только надо успеть до полуночи, иначе вся поэтичность пропадёт. Конечно, это против правил – заявляться так поздно, но пакет-то передать они не откажутся. Итак, перчатки в кармане... я готов, Джек!

Мистер Джаспер решительным жестом распахивает дверь, пропуская племянника вперёд, и они выходят в темноту осенней ночи.

¹⁷ Перед прогулкой по кладбищу Джаспер цитирует стихотворение английского поэта Томаса Мура «Сон юной любви». Несколько строк из него могут описывать занятия музыкой Джаспера и Розы, невесты Эдвина: *Но не найдёт Былых красот Поэт вокруг себя, Тех чувств, что знал, когда он с ней бывал И пел, любя, Когда её смущенье наблюдал И пел, любя.*

Глава III.

«Приют Монахинь»

Кажется, пора уже дать нашему старинному английскому городку хоть какое-нибудь название. Лучше всего выдуманное – причины этого станут понятны позднее. Назовём его Клойстергэм. Наш древний городок при друидах носил одно имя, при саксонцах другое, при норманнах так и вовсе третье, поэтому ещё одно наименование ему уж никак не помещает.

Тихий городок, этот наш Клойстергэм, прибежище таких же спокойных и степенных жителей. Можно даже сказать, сонный городок. И столько имеется в нашем городке всяческих древних гробниц и монастырских развалин, настолько пропах он весь ладаном из собора, что кажется порой, будто именно поэтому в головах его жителей и сохранились до сих пор нетронутыми все самые нелепые традиции и самые отжившие суеверия.

Весь Клойстергэм состоит, по сути, из одной единственной улицы, гордо называемой Главной. Всё прочее же – сплошные тупики и скучные дворики (исключая разве что церковное подворье). Примерно на половине длины Главной улицы стоит старинный кирпичный дом, чьё название недвусмысленно напоминает о его монастырском прошлом – зовётся он «Приют Монахинь», а с недавних пор в нём располагается «Школа и Пансион для Молодых Леди», властно управляемая некоей мисс Твинклтон.¹⁸

Эта почтенная годами директриса, скажем по секрету, обладает одной примечательной особенностью – жизнь её протекает как бы в двух несоприкасающихся фазах. Днём, во время занятий, нет дамы строже и чопорнее её, но стоит церковному колоколу пробить девять, как мисс Твинклтон слегка ослабляет тугой узел волос на затылке, слегка добавляет блеску в глаза и превращается в совсем другую мисс Твинклтон, которую её воспитанницы при встрече вряд ли бы и узнали. И свой ежевечерний разговор с верной помощницей и компаньонкой миссис Тишер она продолжает ров-

¹⁸ Здание, описанное в романе под именем «Приюта Монахинь», сохранилось в Рочестере до наших дней: это так называемый «Eastgate House», построенный еще в 1590-м году. Сначала это здание было просто жилым домом, но с 1791 по 1870 годы в здании действительно располагалась школа-интернат для девочек. В двадцатом веке там находился музей Диккенса, закрывшийся, однако, в 2004 году. В парке возле этого здания и сегодня можно видеть перенесённое туда из имения Гэдс-Хилл швейцарское шале Диккенса, в котором он и писал «Тайну Эдвина Друда».

но с того же места, на котором случилась остановка вчера. Темой этого бесконечного разговора служат свежие клойстергэмские сплетни, а так же воспоминания о единственном сезоне, проведённом мисс Твинклтон на курорте Танбридж-Уэллса пятнадцать лет назад в компании «этого забавного мистера Портерса» – история, о которой «дневная» мисс Твинклтон имеет не больше представления, чем мраморная колонна. Эта её ощущаемая во всём двойственность и служит причиной того, что юные воспитанницы школы не без основания считают свою директрису «противной старой притворяшкой».¹⁹

Любимицей и украшением школы-пансиона является мисс Роза Буттон, своею красотой, своим почти детским очарованием (и своею колкостью суждений) чрезвычайно напоминающая настоящий розовый бутон – неудивительно, что именно этим ласковым прозвищем и наградили её прочие воспитанницы «Приюта Монахинь». Всеобщую любовь к этой юной леди подогревает ещё одно романтическое обстоятельство: всем известно, что волею покойного отца

¹⁹ «Двойственность» мисс Твинклтон (Twinkleton) заложена в самой её «говорящей» фамилии: глагол «twinkle» означает «мерцать, мигать», слово «tone» переводится тут как «характер». То есть директриса имеет, так сказать, мерцающий, переменчивый характер. Пассаж о двойной жизни мисс Твинклтон, вопреки мнениям многочисленных исследователей, не имеет никакого отношения к разгадке тайны романа и не служит намёком на двойную жизнь хормейстера Джаспера. В этом переводе он оставлен только потому, что там упоминается миссис Тишер, пару раз появляющаяся в сюжете позднее, и давний поклонник директрисы некто Портерс.

она с самого детства обручена с неким молодым человеком, за которого ей и завещано выйти замуж по достижении последнего возраста совершеннолетия – практика, скажем прямо, в наших краях не частая. И всякий раз, когда означенный юноша осуществляет свою привилегию навещать свою наречённую невесту в стенах школы мисс Твинклтон, весь «Приют Монахинь» охватывают совершенно немонашеское волнение и сладкий трепет: стоит прозвучать дверному колокольчику, раскачиваемому его рукой – и всякие уроки оказываются сорванными, а возбуждённые сверх всякой меры воспитанницы прилипают к окнам, тут же забывая и о французских глаголах, и о разучивании пьес на фортепьяно.

Вот и сегодня, на следующий день после уже известного нам дружеского ужина в домике над воротами, звон колокольчика и последовавшее за тем известие, принесённое старшей горничной, что «мистер Эдвин Друд желает видеть мисс Розу Буттон», привели именно к такому результату. И когда Роза, получив от ставшей вдруг непередаваемо чопорной мисс Твинклтон позволение покинуть класс, направилась к лестнице вниз, десятки горящих любопытством взоров соучениц буквально жгли ей затылок и спину.²⁰

²⁰ Несмотря на уверения Диккенса, что Роза является всеобщей любимицей в пансионе, на самом деле она сильно страдает от постоянных насмешек и нескромного любопытства подруг. Девочки не стесняются вышучивать её помолвку, открыто высмеивать внешность и манеры её жениха, и отчасти именно это и делает для Розы невозможным дальнейшее пребывание в роли «невесты по завещанию родителей».

Спугнув от дверей самую юную из горничных, которая ещё не имела счастья лицезреть жениха любимицы пансионки и теперь жадно навёрстывала упущенное через замочную скважину, мисс Роза Буттон – розовая более обычного и пытаюсь скрыть это, накинув на голову подол кружевного фартучка – появляется на пороге кабинета директрисы, традиционно предоставляемого для такого рода официальных свиданий.

– Ах, ну это же просто смешно, Эдди! – произносит это прекрасное видение, тормозя на пороге и не желая сделать и шага навстречу жениху. – Нет, Эдди, не надо!

– Что не надо, Роза?

– Не надо подходить и целовать меня. Это такая глупость!

– Почему же именно глупость, Роза?!

– Потому, что глупость! Наша помолвка глупость, и то, что служанки и горничные шныряют вокруг, словно мыши под обоями, тоже глупость, а больше всего глупость – то, что ты пришёл!

Эдвину кажется, что Роза, говоря это, держит пальчик во рту, но точно рассмотреть он не может – мешает кружевной фартучек.

– Ну и шикарно же ты меня встречаешь, Роза!

– Я хотела бы встретить тебя иначе, Эдди, но сейчас ещё не могу, погоди минутку. Как ты?

– Я бы тебе ответил, что «лучше, поскольку вижу тебя», но не могу, поскольку я тебя практически не вижу.

Из-под фартучка на секунду сверкает чёрный любопытный глаз, и тут же раздаётся поражённый возглас:

– Боже мой, Эдди, да ты постригся! Половину волос отрезал!

– Да лучше бы я себе голову отрезал! – отвечает Эдвин, бросая косой взгляд в висящее на стене зеркало и нетерпеливо притопнув. – Мне что, уйти?!

– Только не сейчас, Эдди. Иначе меня девчонки со света сживут расспросами, почему ты так рано сбежал.

– Так, Роза, хватит! Сейчас же сними с головы эту тряпку и поздоровайся со мною как следует!

Фартучек послушно спадает с юной головки, и Роза примирительно и ласково произносит:

– Я очень рада, что ты пришёл, Эдди. Ты же это хотел услышать, да? Теперь дай мне руку. Нет, целовать меня не надо, у меня губы от леденца липкие.

– Я гляжу, ты совсем не рада меня видеть, Киска.

– Вовсе нет, я ужасно рада. Давай сядем, а то мисс Твинклтон идёт.

Директриса, считающая своей обязанностью во время подобных посещений следить за соблюдением приличий, каждые три минуты заглядывая в кабинет за какой-нибудь якобы забытой здесь вещью, возникает в дверях:

– Какое удовольствие видеть Вас снова и в добром здравии, мистер Друд! Нет, прошу Вас, не вставайте! Я только... мой пинцет... Ах, вот он где! Благодарю Вас!

– Я получила вчера твой подарок, Эдди, – говорит Роза. – И он мне очень понравился, честно-честно! Перчатки очень миленькие.

– Ну хоть что-то, – бурчит Эдвин, глядя в пол. – С тобой, похоже, надо уже каждой мелочи радоваться. Расскажи хоть, как прошёл твой день рождения.

– О, замечательно, Эдди! Мне столько подарков надарили! Потом было угощение, а вечером танцы!

– Угощение и танцы, да? Похоже, ты неплохо веселилась тут без меня.

– Чудесно веселилась, Эдди! – восклицает Роза, оставляя безо всякого внимания подавленность своего жениха.

– Хм-м... И что же у вас было за угощение?

– Пирожные, апельсины, компот и конфетки!²¹

– А с кем же вы танцевали?

– Ну конечно с другими девочками, сэр! Но некоторые из них изображали собственных братьев. Это было так весело!

– А изображал ли кто-нибудь из них... меня?

– Тебя? Ну а как же?! – смеётся Роза. – Это-то и был главный номер программы!

– Ну хоть похоже вышло-то? – с деланным безразличием интересуется Эдвин.

²¹ Вообще-то у Диккенса девочки после пирожных и компота грызут сушёные креветки, т.е. от сладкого переходят к морепродуктам. В XIX веке креветки в Англии были популярны примерно так же, как подсолнечные семечки в России.

– Очень похоже! Так похоже, что я нипочём не желала с тобой танцевать!

Эдвин на это замечает, что не видит в сказанном никакой логической связи и просит объяснений, которые незамедлительно и получает:

– Ну потому, что ты мне и так уже слишком надоел! – и Роза, тут же заметив, как изменился лицом Эдвин, и мгновенно пожалев о сказанном, добавляет извиняющимся тоном: – Но ведь и я тебе тоже надоела, правда же, Эдди?

– Я этого не говорил, Роза.

– Не говорил? Нет, ты и не скажешь! Ты только показываешь, только даёшь мне это понять всякий раз!.. И Лиззи Фердинанд это так отлично изобразила! – восклицает Роза, снова вспомнив вчерашнюю пародию на своего погрустневшего жениха.

– Похоже, что она у вас чертовски наглая девчонка, – говорит Эдвин Друд. – В любом случае, Киска, это твой последний день рождения в стенах этой школы.

– Ах, ну да... – вздыхает Роза, опуская взгляд.

– Я гляжу, тебя это не радует, Роза?

– Мне жаль расставаться с милым старым домом. Думаю, и он будет по мне скучать. Ведь я уеду так далеко... и такая молодая...

– Может, нам вообще отказаться ото всего, Роза?

Роза бросает на Эдвина быстрый косой взгляд, потом качает головой и снова смотрит в пол.

– Или ты считаешь, что мы должны смириться?

Она кивает, а потом, после паузы, вдруг выпаливает:

– Ты же сам знаешь, Эдди, что пожениться мы обязаны!

И конечно же в этом доме, иначе все девочки будут жутко разочарованы!

На какой-то момент во взгляде её «жениха по завещанию» сквозит больше сострадания к несчастной судьбе их обоих, чем любви к невесте. Потом он пересиливает себя и спрашивает:

– Может, выйдем и погуляем, милая Роза?

Милая Роза задумывается на секунду, потом лицо её вдруг проясняется.

– Да, Эдди, давай пойдём погуляем! И знаешь что? Давай притворимся, будто ты влюблён в другую, а я вовсе ни в кого не влюблена! Тогда мы уж точно не будем постоянно ссориться.

– Думаешь, это поможет?

– Ну конечно же!.. погоди, Эдди, миссис Тишер идёт! Сделай вид, будто смотришь в окно!

Старательно изображая, будто она заглянула в комнату случайно, почтенная матрона появляется на пороге и, проплывая по комнате словно привидение «женщины в белом», бормочет:

– Надеюсь, с Вами всё благополучно, мистер Друд... Хотя, тут и спрашивать не надо, это по Вам и так видно... Не хотела бы вам мешать, но... мои ножницы... а, вот они, спа-

сибо! – и этот престарелый призрак снова исчезает сквозь щель в дверях.

– Только, Эдди, пообещай мне вот что, – говорит Розовый Бутончик, дождавшись, пока в коридоре стихнет шелест юбок. – Когда ты выйдешь, то сразу прижмись к стене и так по стенке и иди всё время, а мне дай идти отдельно.

– Ну, если ты так хочешь... А можно мне спросить, почему?

– Ох... Ну, я просто не хочу, чтобы девчонки тебя видели.

– Может, мне тогда ещё и зонтик над собой раскрыть?!

– Не злитесь, сэр, – дёргает плечом Роза. – Просто у тебя сапоги не начищены.

– Может, они этого и не заметят, – говорит вполголоса Эдвин, разглядывая свои сапоги с внезапным отвращением.

– Ещё как заметят! И знаешь, что они тогда скажут? Они скажут, что вот у них-то будут женихи, у которых сапоги всегда будут начищены до блеска!.. Тихо, мисс Твинклтон идёт! Сейчас я попрошу у неё разрешения на прогулку.

Директриса, тактично делающая вид, что заглянула в кабинет лишь в поисках шкатулки с пуговицами, милостиво разрешает любимой воспитаннице короткую прогулку, и минутой спустя молодая пара покидает стены «Приюта монахинь» – покидает со всеми предосторожностями, призванными не дать чужим взорам заметить прискорбное состояние обуви мистера Друда, и тем не уронить чести будущей миссис Друд.

– И куда же мы пойдём, Роза? Может быть, в парк?

– Нет, сначала за рахат-лукумом! – отвечает Роза, внезапно оживившись.

– Это ещё что такое, чёрт возьми?!

– Турецкие сладости, сэръ, что же ещё? Боже мой, Эдди, ты просто обязан знать такие вещи, если называешь себя инженером!

– Да зачем же мне и знать-то такую глупость?!

– Ну как же, Эдди! Потому, что их люблю я! Хотя постой... Я же и забыла, что мы договорились быть друг другу посторонними... Хорошо, не обращай внимания, ты и не должен про меня ничего знать.

В лавочке на углу Эдвин покупает Розе пакетик рахат-лукума; это мягкие желейные кубики розового, бежевого и светло-зелёного цветов, посыпанные сахарной пудрой для того, чтобы они не липли к рукам. Роза грациозно и быстро отправляет их в рот один за другим, потом, смахнув мизинцем с губ остатки сахара, интересуется у своего жениха:

– Значит, ты помолвлен с другой, Эдди?

– Что?.. Ах да, эта твоя игра... Да, я помолвлен с другой,

Роза.

– Она красивая?

– Очень.

– Высокая?

– Ну... повыше тебя.

– Значит, дылда, – констатирует Роза. Сама она невелика

росточком.

– Почему, вовсе нет! – возражает Эдвин. – Она, как это говорится, подходящего размера женщина. Такая, представительная.

– Наверняка с большим носом! – фыркает Роза.

– Отличный у неё нос, – упирается Эдвин. – Очень пропорциональный – любая позавидует!

– Чему тут завидовать, большому бледному носу с бородавкой посередине?! Видала я такие носы!

– Таких ты не видела, – начинает раздражаться Эдвин, – потому что у неё вовсе не такой нос!

– Не бледный?

– Да нет же!

– Значит, красный? Так бы сразу и сказал, Эдди, что у неё красный нос. Такие носы я тоже видала! Но это не беда, уверяю тебя, ведь она всегда сможет его припудрить!

– Да ей и в голову не придёт его пудрить! – горячится Эдвин.

– Правда?! Значит, она у тебя ещё и дура, Эдди! Скажи, она же у тебя дура?

– Да ни в малейшей степени!

После паузы Роза продолжает, не сводя с жениха капризно-обиженного взгляда:

– И это красноносое и долговязое создание наверное прыгает от радости, что её отправят в Египет, словно чемодан какой?

– Разумеется. Она проявляет горячий интерес к достижениям инженерной мысли, особенно если они призваны улучшить условия жизни в технически отсталой стране.

– Ну надо же! – прыскает Роза.

– Имеешь что-то против её горячего интереса? – свысока интересуется Эдвин.

– Интересы?! Прошу тебя, Эдди, будь честным и признайся, что она тоже ненавидит все эти насосы и колёса.

– Я могу признаться только в одном, – говорит Эдвин уже со злостью в голосе. – В том, что она не такая идиотка, чтобы ненавидеть насосы.

– Но уж всех этих арабов, турков и прочих придурков она уж точно ненавидит!

– Нет, это не так, – отвечает Эдвин, с трудом сдерживаясь.

– Ну а пирамиды?! Хоть пирамиды-то она ненавидит? Ну же, Эдди, признайся!

– Я не понимаю, Роза, почему она должна непременно что-то ненавидеть? Тем более пирамиды!

– Ах! Слышал бы ты, что рассказывала о них мисс Твинклтон, – часто кивая головкой, говорит Роза, – ты бы тогда не спрашивал! Да это всё просто кладбище какое-то! Все эти фараоны и тутанхамоны, кому до них может быть какое дело?! А ещё там был такой Бельцони, или как там его звали, так его и вовсе из пирамиды за ноги вытягивали, всего в пыли и паутине! У нас все девочки так и сказали: и поделом ему, нашёл куда лезть, и лучше бы он там вообще задохнул-

ся!

Всё ещё бок о бок, но уже не рука в руке, молодая пара сворачивает на церковное подворье; там Эдвин вынужден раздраженно ожидать, пока Роза ногой вдоволь «нашуршит-ся» опавшими листьями.

– Что ж, – говорит Эдвин после длительного молчания. – Всё как обычно. Мы так и не можем не ссориться, Роза.

Роза встряхивает локонами и говорит, что это не её вина.

– Миленькое замечание, дорогая моя! Особенно если принять во внимание...

– Принять что?

– Если я тебе скажу, ты опять разозлишься.

– Нет, это ты всё время злишься, Эдди! Не будь таким эгоистом!

– Эгоистом! Вот это здорово!

– Это вовсе не здорово, должна тебе сказать!

– Нет, это я должен тебе сказать! Ты высмеиваешь мою профессию, моё предназначение...

– Твоё предназначение! Может, твоё предназначение и состоит в том, чтобы дать похоронить себя в пирамидах! Но это уж точно не моё предназначение! Или у тебя другие для меня планы? Ты уж скажи, Эдди, я же не могу читать твои мысли!

– Довольно, Роза, ты всё прекрасно понимаешь!

– Да, я прекрасно понимаю, зачем ты начал этот дурацкий разговор про твою противную красноносую великаншу! Чтобы меня позлить! И она будет, будет, будет пудрить свой

дурацкий нос! – кричит Роза в минутном приступе раздражения и упрямства.

– Как так получается, Роза, – со вздохом и почти смирившись говорит Эдвин, – что в каждом споре оказываюсь виноватым только я?

– Ну а чего вы хотите, сэр, если только вы всегда и виноваты? А если ты, Эдди, обиделся из-за Бельцони, или из-за того, что его тащили за ноги и он весь перепачкался, так тебе-то что за дело? На мёртвых ведь не обижаются, а он давно уже умер... По крайней мере, я очень на это надеюсь.²²

– Давай возвращаться, Роза. Не очень-то милая у нас получилась прогулка, правда?

– Милая, сэр?! Ужасная, отвратительная прогулка! Из-за неё я буду вынуждена не пойти на урок танцев, потому что у меня теперь все глаза заплаканные! И это всё твоя вина!

– Роза, давай помиримся. Будем друзьями, а?

– Ах, Эдди! – кричит Роза и плачет теперь уже настоящи-

²² Джованни Батиста Бельцони был итальянским инженером-гидравликом, бежавшим в Англию от Наполеона. Не найдя применения своим познаниям на новой родине, он был вынужден даже какое-то время выступать силачом в цирке, но потом он уехал на Мальту, познакомился там с представителем египетского правителя Мохаммеда Али и подрядился осуществить для него несколько ирригационных проектов. В Египте Бельцони увлёкся раскопками могил фараонов, вывез в Англию огромное количество древнеегипетских ценностей и музейных экспонатов, гастролировал с выставками и издал несколько богато иллюстрированных книг, имевших большой успех. История про то, как его «вытаскивали из пирамиды за ноги» является, однако, апокрифом – сам Бельцони нигде не упоминает о таком случае. К моменту событий романа (1842 год) Бельцони действительно уже двадцать лет как умер.

ми слезами. – Как бы я хотела, чтобы мы были только друзьями! Но ведь в том-то всё и дело, что друзьями мы быть уже не можем! Поэтому-то мы и ругаемся всё время! Я ещё слишком молода, чтобы иметь на сердце такое горе, но оно там есть, я его чувствую! И я знаю, что и ты чувствуешь то же самое! Я бы всё отдала, только бы мы не были этими дурацкими женихом и невестой, а были бы просто друзьями! Я серьёзно, Эдди, я не шучу! Только бы мы перетерпели друг друга при встрече хоть разочек, как мы оба того так желаем!

Обескураженный и задетый этой внезапной вспышкой подлинно женских чувств, столь неожиданных в этом юном создании, почти ещё ребёнке, Эдвин молча смотрит, как Роза рыдает, и всхлипывает, и прижимает обеими руками кружевной платочек к глазам. Затем, когда она немножко успокаивается и даже начинает слабо улыбаться, как бы подтрунивая над собственной минутной слабостью, ведёт Розу к скамейке под вязами.

– Роза, дорогая моя, давай будем откровенны. Я не такой сообразительный во всём, что не касается моей профессии... Да, если честно, в ней я тоже не такой уж сообразительный, но тут уж я хотел бы всё по уму сделать. Скажи, нет ли у тебя... то есть у тебя же может быть... чёрт, не знаю как и сказать-то! Но я должен узнать это, прежде чем мы расстанемся! Может быть, у тебя есть... кто-то другой?

– Ах, нет, Эдди, нет! Так мило, что ты спрашиваешь, но – нет, нет, нет!

В этот момент звуки органа и пение хора, доносящиеся из-за окон собора, в тени стен которого они сидят, на минуту смолкают, и Эдвин внезапно вспоминает вчерашние мрачные откровения Джаспера. Действительно, как же не соответствует эта возвышенная и благозвучная музыка мучительному разладу, царящему сейчас в их душах!

– Я просто слышу голос Джека во всём этом... – задумчиво произносит Эдвин.

– Ой, давай уйдём отсюда, Эдди, – вдруг торопит его Роза, вставая. – Сейчас они, наверное, будут уже выходить. Не хочу никого видеть. Музыка чудесная, но лучше мы не будем ждать конца и пойдём уже сейчас.

Лишь выйдя за пределы церковного подворья, Роза успокаивается, снова берёт Эдвина под руку, и они чинно и степенно идут по Главной улице в направлении «Приюта Монахинь». У дверей, убедившись предварительно, что на улице вокруг не видно ни души, Эдвин пытается поцеловать Розу на прощание, но та со смехом уворачивается.

– Ах, нет, Эдди, не надо! Говорю же тебе, у меня губы липкие. Дай мне лучше свою ладонь, я подарю тебе туда воздушный поцелуй.

Эдвин протягивает руку, Роза быстро чмокает её, а потом преувеличенно серьёзно вглядывается ему в ладонь.

– Ну, Эдди, видишь ли ты там что-нибудь?

– Что вижу, Роза?

– Наше счастливое будущее, например? Разве вы, египтя-

не, не можете читать будущее по линиям ладони?²³

Но только одно можно сказать со всею уверенностью: ни один из них не верит в своё счастливое настоящее в тот момент, когда двери школы закрываются, разделяя их.

²³ Умение гадать по руке приписывалось в викторианские времена не только цыганам, но и египтянам. Собственно, цыгане и считались тогда египтянами в прошлом. Так же эта сцена служит отсылкой к роману Коллинза «Лунный камень», в котором египетские жрецы прозревают будущее, вглядываясь в налитые в ладонь мальчику-слуге чернила.

Глава IV.

Мистер Сапси

Если считать ослов символом самодовольной глупости и чванства – образно, конечно, ибо сами по себе ослы довольно приятные животные – то самым патентованным ослом в Клойстергэме является мистер Томас Сапси, аукционер.²⁴

Лет ему под шестьдесят, он богат, высокомерен и бестолков, в одежде и манерах он подражает отцу-настоятелю, он чрезвычайно горд своим звучным (как он считает) голосом, на выборах он неизменно голосует за самых консервативных кандидатов и уверен, что в области морали он, мистер Сапси, с самого детства на голову опережает весь прочий род людской – так как же, скажите, такая пустоголовая бездарность может быть чем-то иным, кроме как украшением клойстергэмского общества?

Проживает мистер Сапси, разумеется, на Главной улице в собственном своём доме, прямо напротив принадлежащего тоже ему «Приюта Монахинь». В данный момент мистер Сапси сидит в своей унылой и тёмной гостиной, выходящей окнами в скучный замощённый булыжником дворик и в соб-

²⁴ «Говорящую» фамилию Сапси (Sapsea) можно перевести как «море глупости».

ственный мистера Сапси сад, обнесённый колючей проволокой. По правую руку от кресла мистера Сапси располагается столик с бутылкой портвейна и выстроенными в ряд стаканчиками для вина, слева на стене взоры мистера Сапси радует его собственный поясной портрет, а ноги он протянул к жаркому пламени камина – дорогое, но приятное удовольствие в такой сырой осенний день.²⁵

Когда старшая горничная докладывает о приходе мистера Джаспера, мистер Сапси делает рукою знак «Пусть заходит!» и выдвигает два стаканчика вперёд из шеренги, словно выбирая двух солдат-добровольцев для выполнения опасного задания.

– Очень рад видеть Вас, сэр, очень! Я поздравляю себя с честью принимать Вас в собственном своём доме, сэр! – так витиевато (и несколько бессвязно) приветствует мистер Сапси своего гостя.

– Вы слишком добры ко мне, сэр. Я тоже поздравляю себя с честью быть приглашенным к Вам.

– Рад слышать это. Уверяю Вас, дорогой сэр, что Ваш визит в моё скромное жилище доставил мне большое удовольствие, – продолжает мистер Сапси с непередаваемым высо-

²⁵ Образ мистера Сапси списан Диккенсом с реально существовавшего человека, мистера Томаса Эдмета, аукциониста и содержателя ломбарда, бывшего в 1842 году (то есть именно в тот год, когда, по расчетам исследователей, и происходит действие романа) мэром соседнего с Рочестером городка Мэйдстоуна. Дом в Рочестере, в котором Диккенс поселил своего персонажа, тоже сохранился до наших дней. Сегодня его называют «Домом Сапси».

комерием, словно желая сказать: «Сам удивлён, как такое могло получиться!»

– Я уже давно мечтал с Вами познакомиться, мистер Сапси.

– А я, сэръ, со своей стороны уже давно слышал о Вас, как о человеке, понимающем толк в прекрасном! Позвольте предложить вам вина. Я скажу тост. Итак:

*Чтоб если французы войною пошли,
То в Дувре бесславную гибель нашли!*

Этот патриотический тост был в ходу во времена детства мистера Сапси, то есть полвека назад, но он, похоже, считал и считает его годным на все времена и случаи жизни.

– Нельзя не признать, мистер Сапси, – с улыбкой замечает Джаспер, занимая предложенное ему место в кресле у камина и вытягивая к огню ноги, – что Вы знаете свет.

– Что ж, сэръ, – следует самодовольный ответ, – мне было бы трудно это отрицать. Да, я немножко знаю свет, немножко знаю.

– Именно из-за Вашей репутации знающего свет человека, я и искал случая познакомиться с Вами. Ведь Клойстергэм – такой маленький городок! Хотя я почти и не жил в других городах и не могу сравнивать, но я нахожу его очень маленьким и тесным.

– Я тоже не бывал в дальних странах, юноша... – начинает мистер Сапси и тут же обрывает себя. – Вы ведь позволите мне называть Вас юношей, мистер Джаспер? Ведь Вы на-

много моложе меня.

– Почту за честь, сэр.

– Так вот, юноша, хотя я тоже не бывал в дальних странах, но эти дальние страны как бы сами приходили ко мне. В рамках моего бизнеса, сэр – ведь я провожу аукционы. И вот, представьте, например, приносят мне на продажу французские часы. Я никогда их раньше не видел, сэр, никогда в жизни! Но я кладу на них мизинец – вот так – и тут же определяю: Париж! Или, скажем, приносят мне китайский сервиз, тоже мне совершенно не знакомый. И я снова, сэр, кладу на него мизинец и говорю безо всякой ошибки: Пекин, Нанкин, Кантон! И то же самое с Японией, Египтом, бамбуком или сандаловым деревом из Вест-Индии – я кладу на всё! Я могу положить палец даже на Северный полюс и сказать: «Сделан эскимосами, куплен за полбутылки огненной воды!»

Мистер Джаспер находит такой способ получать знания о мире и его жителях просто потрясающим и достойным всяческого восхищения. Мистер Сапси соглашается с этой оценкой с видом непередаваемого самодовольства.

– Очень интересно, мистер Сапси, очень интересно. Но Вы, как я понял из Вашего приглашения, хотели поговорить со мной о покойной миссис Сапси?

– Именно, сэр, – мистер Сапси снова наполняет стаканчики портвейном и убирает бутылку подальше. – Но прежде чем я попрошу Вас, как человека, понимающего толк в пре-

красном, высказать своё мнение об одной безделице – потребовавшей от меня, однако, известного напряжения ума и талантов – я хотел бы кратко обрисовать Вам основные черты характера моей недавно почившей супруги.

Мистер Джаспер, который как раз пытается скрыть зевоту рукою со стаканчиком вина, перебарывает приступ сонливости и придаёт лицу умеренно заинтересованное выражение.

– Примерно шесть лет назад, – начинает мистер Сапси, – когда я в очередной раз ощутил настоятельную потребность делиться плодами своего ума и знания света с кем-нибудь ещё, я стал задумываться о поиске брачного, так сказать, партнёра. Поскольку – как я всегда говорю – каждой твари должно быть по паре.

Мистер Джаспер выражает горячее желание сохранить это оригинальное высказывание покрепче в своей памяти.

– В те времена, юноша, в бедном районе нашего города располагалось одно образовательное учреждение – я не скажу, что конкурирующее с моей школой в «Приюте Монахинь», но могущее когда-то в будущем составить ей такую конкуренцию. Содержала эту школу некая мисс Бробити, и люди утверждали, что она настолько преклонялась перед моим умом и красноречием, что не пропускала ни одного аукциона с моим участием. Когда я, узнав о том, сделал ей предложение, мои манеры и любезность повергли её в такой, не побоюсь этого слова, священный трепет, что буквально лишили её дара речи. Она устремила на меня свои голубые

глаза, прижала к груди свои трепещущие руки и смогла вымолвить только три слова: «Ах, ты ж...» – имея в виду, разумеется, меня лично. Сразу же после регистрации брака я ликвидировал конкурирующее образовательное учреждение посредством частного соглашения, и мы соединились в общем бизнесе и во всём прочем – ну, насколько это вообще было возможно в нашем возрасте. Но до самой её смерти, последовавшей девять месяцев назад от разлития желчи, её обращение ко мне носило всё ту же незавершённую форму.²⁶

Мистер Джаспер, чьи глаза постепенно закрывались на всём протяжении этой речи, внезапно вздрагивает, просыпаясь, непонимающе озирается и открывает уже было рот, чтобы глубоким баритоном пропеть своё привычное «Аминь!», но вовремя окорачивает себя.

– С той поры, – продолжает мистер Сапси, уютно вытягиваясь в кресле и с довольным видом отпивая из стаканчика, – я не перестаю оплакивать мою покойную супругу и мою ставшую такой одинокой жизнь. Долгими пустыми вечерами я задаю себе один и тот же вопрос: что, если бы её супруг был чуть ближе к ней по уму? Если бы ей не приходилось всё время перенапрягаться, взирая на него снизу вверх? Может,

²⁶ Разговор между мистером Сапси и Джаспером происходит осенью 1842 года, предположительно – в двадцатых числах сентября. Во второй главе Эдвин упоминает, что приезжает к Джасперу раз в три месяца; его следующее посещение придётся на конец декабря. По словам мистера Сапси его супруга скончалась девять месяцев назад, т.е. в середине декабря предыдущего, 1841 года. Дата эта важна, так как она особым образом соотносится с другими событиями романа.

трагического разлития желчи тогда не произошло бы и вообще?

Мистер Джаспер с унылым видом отвечает в том смысле, что «вероятно, так было уж суждено».

– Да, это вполне вероятно, юноша, – милостиво соглашается мистер Сапси. – Но, как я всегда говорю, человек предполагает, а Бог располагает. Возможно, ту же самую мысль можно выразить и иначе, более красиво, но мне кажется, что и у меня неплохо получилось. Во всяком случае, в рифму.

Мистер Джаспер бормочет что-то одобрительное.

– И теперь, мистер Джаспер, – говорит аукционер, беря со столика исписанный и исчёрканный лист бумаги, – когда склеп, воздвигнутый мною в память покойной супруги, уже имел достаточно времени, чтобы просохнуть и осесть, пришло время украсить это скорбное сооружение подобающей случаю и моим чувствам памятной надписью на мраморной доске. Я прошу Вас, как человека, понимающего толк в прекрасном, прочесть вот этот составленный мною текст – давший мне, как я уже упоминал, не без известного напряжения ума и талантов – прочесть и высказать Ваше мнение. Вот он, сэр, можете взять его в руки, ибо расположение строк надо прочувствовать глазами, как и его содержание – душой.

Мистер Джаспер подчиняется, берёт листок и читает следующее:

– Прозект Эпитафии моей усопшей Супруге –

Здесь покоится
ЭТЕЛИНДА,
почтительная жена
МИСТЕРА ТОМАСА САПСИ, ЭСКВАЙРА,
АУКЦИОНЕРА, ОЦЕНЩИКА и ЗЕМЕЛЬНОГО АГЕНТА
в этом городе,
чьё обширное Знание Света
было бессильно указать ему другую
ДУШУ,
более способную взирать на него
с Благоговением.
ПРОХОЖИЙ, ОСТАНОВИСЬ!
И спроси себя,
СУМЕЛ БЫ ТЫ
поступить так же?
Если НЕТ – со стыдом удаись!

От созерцания потрясенного выражения лица мистера Джаспера гордого автора отвлекает старшая горничная, снова появляющаяся в дверях с известием, что «Дердлс пришел, сэр!». Мистер Сапси незамедлительно выдвигает из шеренги стаканчиков третьего рекрута, наполняет его вином, как того требует изменившаяся диспозиция, и только потом командует: «Давай его сюда!»

– Умопомрачительно! – резюмирует Джаспер, возвращая творение сочинителю.²⁷

²⁷ В конце 1860-х годов, т.е. как раз в год написания романа, в английской прессе широко обсуждался законопроект, призванный упорядочить правила составления надписей на могильных камнях с целью избавления их от разного рода «паганизмов» – т.е. ненужных выпренностей, словесного мусора и даже рекламы. Диккенс принимал в этом обсуждении живейшее участие и опубликовал несколько статей на эту тему. Эпитафия Этелинде, сочинённая Диккенсом для

– То есть Вы одобряете, сэр?

– Помилуйте, как же не одобрить?! Тут всё так... хлёстко, так характеризующе и так... паразительно в своей полноте!

Мистер Сапси слегка наклоняет голову, как человек, снисходительно принимающий заслуженные почести. Тут входит Дердлс, и аукционер с порога всовывает ему в руки стаканчик вина с предложением чуть-чуть согреться в такой холодный день.

Дердлс – это наш каменотёс при соборе, а также генеральный подрядчик во всём, что связано с надгробиями, склепами и мраморно-гранитными работами. В Клойстергэме он известен всем и каждому – не только как мастер своего дела (хотя никто никогда не видел его работающим), но и как распутник и горький пьяница (что каждый из горожан замечал неоднократно). Одетый круглый год одинаково – в запорошенную каменной пылью зелёную фланелевую куртку, старую шляпу скорее уже ржавого, чем чёрного цвета, с жёлтым засаленным платком на красной шее, в заляпанных известью сапогах на шнуровке – Дердлс ведет в Клойстергэме одинокое, холостяцкое существование.²⁸

Живёт он в напоминающей курятник лачуге, прилепившейся к развалинам старой городской стены; на людях же

своего романа, как раз и является сатирой на подобного рода могильные надписи.

²⁸ Образ Дердлса также списан с реального человека, каменотёса Рочестерского собора, запойного пьяницы немецкого происхождения. «Говорящая» фамилия Дердлс (Durdles) образована от слова «gurgles» («полоскать горло», т.е. пить спиртное).

не появляется без ставшего уже притчей во языцех тряпичного узелка, в котором кроме футовой линейки и молотка носит также и сухари, которыми он любит пробавляться, присев то на одну, то на другую могилу. До буйства напивается он редко, но случается и такое; и тогда его вместе с узелком препровождают сначала к судье, а потом на пару дней в тюрьму – отсыпаться.

В суждениях своих Дердлс всегда крайне независим – настолько, что порою он даже говорит о себе в третьем лице, употребляя собственное имя как чьё-то прозвище. Хотя может быть, от постоянного пьянства он просто заработал себе что-то вроде раздвоения личности.

После того как Дердлс заглывает стаканчик портвейна, мистер Сапси передаёт ему плод своего вдохновения – «проект Эпитафии». Дердлс вытягивает из узелка футовую линейку и, пачкая бумагу каменной пылью, равнодушно вымеряет строки.

– Это вот для памятника что ли, мистер Сапси? Как раз поместится, дюйм в дюйм.²⁹ Моё почтение, мистер Джаспер.

– Здравствуйте, Дердлс.

– Да, немножко здоровья Дердлсу бы не повредило. *Грбматизм* его совсем замучил.

– Вы хотели сказать – ревматизм? – резко поправляет его

²⁹ Весьма необычно, что мистер Сапси хочет разместить доску с эпитафией на стене склепа, стоящего на кладбище, а не так, как это было принято в ту эпоху – внутри собора на стене. Такая странность нужна была Диккенсу по сюжету, так как в романе всё вертится именно вокруг склепа Сапси.

мистер Сапси, раздосадованный безразличным отношением Дердлса к своему творению.

– Дердлс лучше знает, что он хотел сказать. Когда Дердлс говорит «гробматизм», то он имеет в виду именно его и ничто другое. Вот мистер Джаспер не даст соврать. Вы попробуйте хоть разок остаться в подземелье собора зимней ночью, как мне частенько уже приходилось делать, чтобы вовремя закончить заказ – тогда и поймёте, о чём это я.

– Да, у нас в соборе чертовски холодно, – подтверждает Джаспер, зябко передернув плечами.

– И уж если нашему *хормастеру* там наверху, среди живых людей, холодно чертовски, то мне внизу, среди мертвецов и могил, холодно просто адски, – подводит черту Дердлс. – Так что же, мистер Сапси, мне сразу приступать или как?

Мистер Сапси со всем нетерпением начинающего автора, желающего увидеть своё творение опубликованным, требует и начать и закончить как можно скорее.

– Тогда давайте мне ключ от склепа, – протягивает руку каменотёс.

– Зачем вам ключ, Дердлс, доска же должна висеть снаружи?!

– Дердлс не хуже вашего знает, где должна висеть доска. Кого хотите спросите – вам всякий подтвердит, что Дердлс своё дело понимает.

Мистер Сапси встаёт, вынимает из шкатулки ключ

от стенового сейфа, отпирает его тяжёлую дверцу и достаёт изнутри другой ключ, гораздо больших размеров.

– Просто когда Дердлс кладёт, так сказать, последний штрих на свою работу, то ему надо осмотреть её со всех сторон – и снаружи, и изнутри – чтобы уж увериться, что дела своего он не посрамил, – поясняет каменотёс, забирая ключ.

С этими словами Дердлс растёгивает свою испачканную известью куртку и пытается погрузить ключ во внутренний нагрудный карман, но безуспешно – что-то ему там мешает. Из глубин кармана он достаёт ещё два ключа, чуть меньших по размеру, но всё равно очень представительных.

– Ну и ну, Дердлс! – говорит Джаспер, с усмешкой наблюдая за его манипуляциями. – Да у вас карманы просто бездонные!

– А какую тяжесть я в них таскаю, знали бы вы, мистер Джаспер! Вот взвесьте-ка сами на руке, – отвечает Дердлс, передавая ключи хормейстеру.

– Дайте мне и тот, который мистера Сапси. Держу пари, он самый тяжёлый из трёх.³⁰

– Ну разве что чуточку. Это всё ключи от склепов, мистер Джаспер, а склепы-то – всё Дердлсова работа. Дердлс все ключи всегда с собой носит, вдруг пригодятся...

³⁰ Во время разговора с Дердлсом хормейстер Джаспер вдруг понимает, что склеп, от которого существует только один ключ – очень удобное место для совершения ранее задуманного им преступления и сокрытия мёртвого тела, после чего он решает попытаться как-то завладеть ключом. Это удастся ему в девятой главе.

– Кстати, Дердлс, давно хотел вас спросить... – говорит Джаспер, задумчиво рассматривая ключи. – Я слышал, как кое-кто из горожан называет вас *Стони* Дердлс.

– В Клойстергэме меня все называют просто Дердлс, мистер Джаспер.

– Конечно-конечно, я знаю. Но вот мальчишки иногда...

– Вы поменьше слушайте этих оборвышей, – перебивает его Дердлс.

– Я слушаю их не больше вашего. Но вот у нас в хоре мы на днях заспорили, происходит ли имя Стони от полного имени *Антон*... – говорит Джаспер, позвякивая ключами друг о дружку.

Поосторожнее, хормастер, не погните ключи.

– Или от имени *Стефан*...

Не балуйте с ключами, хормастер, верните их лучше Дердлсу.

– Или от какого-нибудь другого, *тайного* вашего имени?³¹

Мистер Джаспер зажимает все три ключа в кулаке и с улыбкой заглядывает помрачневшему Дердлсу в глаза, затем он разжимает кулак и вежливо протягивает каменотёсу его имущество. Не удостоив хормейстера ответом, тот возвращает два ключа в нагрудный карман куртки, а третий – который от склепа Сапси – засовывает в свой выдавший ви-

³¹ Перечисляя имена, Джаспер намекает Дердлсу, что знаком с некоторыми моментами его биографии, которые каменотёс тщательно скрывает. Намёк не проходит мимо внимания Дердлса, отчего каменотёс и мрачнеет. Но позднее Дердлс, напившись, забывает об этом разговоре с хормейстером.

ды узелок с завтраком (как будто он любит, подобно страусу, закусывать время от времени железом³²). После чего, с видом угрюмым и обиженным, нахлобучивает пониже шляпу и, не простившись, выходит.

Мистер Сапси предлагает своему новому другу мистеру Джасперу сначала карточную партию в криббедж, а затем лёгкий ужин из холодной говядины с салатом, во время которого хозяин щедро делится со своим почтительно внимающим гостем плодами житейской мудрости и знания света. Наконец, мистер Джаспер прощается, обещая при первой же возможности прийти снова, и мистер Сапси, с наказом поразмыслить на досуге над уже полученной порцией поучений, милостиво отпускает его.

³² Поверие, что африканские страусы питаются железом, пошло от античного историка Плиния Старшего. У Шекспира в драме «Генрих IV» бунтовщик Джек Кед угрожает дворянину Айдену «накормить его железом, будто страуса» – т.е. проткнуть ему живот мечом. Действительно, в желудках у убитых страусов часто находят камешки и небольшие кусочки металла. Однако, глотают их страусы не от голода, а для того, чтобы эти твёрдые предметы перетирали у них в желудке растительную пищу – ведь зубов у страуса не имеется.

Глава V.

Дердлс и компания

Джон Джаспер, возвращаясь домой через залитое лунным светом церковное подворье, замечает вдруг странную сцену: каменотёс Дердлс – голова опущена, неразлучный узелок в руке – стоит, прислонившись к кованой оgrade, что отделяет земли кладбища от монастырских развалин,³³ а какой-то уличный мальчишка бросает в него камешками. Некоторые пролетают мимо, большинство метко попадает в цель, но Дердлс и в том и в другом случае остаётся странно безразличен к происходящему. Мальчишка же, напротив, каждое попадание встречает победным свистом, а при редких промахах кричит «Обратно смазал!» и затем пытается получше прицелиться и повернее попасть.³⁴

³³ Монастырскими руинами в романе названы развалины Рочестерского норманнского замка, который, как написано в путеводителе Бедекера, «был построен в 1126—39 годах Уильямом Корбиллом, архиепископом Кентерберийским. Квадратная башня, 104 фута высоты в настоящее время, является прекрасным образчиком Норманнской архитектуры и предлагает хороший обзор окружающей местности. Рочестер был разрушен Этельбертом Саксонским, дважды разграблен датчанами, был осаждён Вильгельмом Рыжим, сыном Вильгельма Завоевателя. Замок неоднократно менял владельца во время раздоров короля Джона и баронов.»

³⁴ Сцена «побивания камнями» Дердлса представляет собой забавную параллель с библейской историей святого Стефана, одного из первых христианских

- Эй, ты чего к нему привязался? – громко говорит Джаспер, выходя на свет.
- Делаю из него мишень! – заявляет на это оборванец.
- Прекрати немедленно! Дай сюда камни!
- Ага, как же! Вот залеплю тебе сейчас камнем в башку, только тронь! – отвечает мальчишка, отбегая в сторону. – Прямо в глаз, чтоб ты ослеп!
- Ах ты, чертёнок! Но ведь мистер Дердлс тебе же ничего не сделал!
- Он домой не идёт!
- Тебе-то какая разница?!
- У нас с ним уговор! Если я поймаю его ночью на улице и загоню домой, то получу от него полпенни! – и оборвыш начинает напевать, притоптывая дырявыми башмаками:

*Видди-видди-ви,³⁵
Попался после десяти!
Видди-видди-ву,
А ну, пошел в свою нору*

мучеников, «который за проповедь Слова Божьего был приговорён Синедрионом к забиванию до смерти камнями и умер с молитвой за своих преследователей на устах (7:60). Свидетелем тому явился юный фарисей Савл из Тарса; сцена сия и слова, которые он слышал, оставили в юноше неизгладимый след (см. Деяния 22:19,20), обратив его душу ко Христу. Позднее Савл принял крещение; ныне мы знаем его как апостола Павла.» (Томас Джеймс Шеперд, «Вестминстерский Библейский Словарь»). Одним из возможных полных имён Стони Дердлса как раз и является имя Стефан (см. примечание к главе IV).

³⁵ Widdy – искаж. Widdie, произносится как «Видди», означает верёвку палача.

Махнув на него рукой (и тем ещё немного отогнав сорванца), хормейстер подходит к Дердлсу, выглядящему не столько пьяным, сколько глубоко задумавшимся.

– Вы вправду, что ли, знаете этого... это чёртово отродье? – спрашивает Джаспер, косясь на мальчишку, снова принявшегося за сбор камней.

– Депутат, – мрачно кивает Дердлс.

– Это что, имя такое?

– Ага, – соглашается Дердлс.

– Это меня так зовут в ночлежке, где я работаю, – задиристо поясняет мальчишка. – Знаешь «Койку за два пенса», что возле Газовой станции? Я там прислуживаю. У нас там всю прислугу называют депутатами, не только меня.³⁶ Когда все дела поделаны, мне дозволяется пойти погулять для здоровья, – с этими словами Депутат занимает боевую стойку и начинает прицеливаться в Дердлса и Джаспера, снова заводя своё визгливое «видди-видди-ви».

– Пошёл прочь! – со злостью кричит ему Джаспер. – Вздумашь швыряться, пока я рядом стою, я тогда тебя поймаю и убью!.. Идёмте, Дердлс. Сегодня я провожу вас до дома. Давайте, я понесу узелок.

– Нет нужды, – отвечает Дердлс, убирая руку с узелком

³⁶ Deputy – Депутат, Представитель, от старо-англ. «depute», означает персону, прислуживающую или помогающую кому-либо, в гостиницах или полиции.

за спину.³⁷ – Я тут как раз размышлял, когда вы подошли... размышлял я тут, посреди своих творений, как пу-пулярный автор... поскольку это всё Дердлсова работа, – он делает широкий жест рукой, показывая на окружающие их надгробия. – Вот тут в саркофаге ваш покойный родственник, Друд-старший, вон там в склепе незабвенная миссис Сапси, а эта вот надломленная колонна – это безвременно усопший прежний отец-настоятель, а вон та траурная ваза – это светлой памяти налоговый инспектор. Всё в лучшем виде, присмотрено и ухожено. А вон там, где просто дощечки в землю воткнуты, там бедняки, по которым никто и слезинки не прольёт. Без гробов зарыты и давно забыты.

– Эта тварь... этот Депутат, похоже, увязался следом, – перебивает его Джаспер, оглянувшись на ходу. – Он что, следит за нами?

Дердлс с пьяной медлительностью оборачивается; Депутат по дуге отбегает подальше и занимает оборонительную стойку.

– Ты сегодня начал без предупреждения! – кричит ему Дердлс с таким видом, будто только сейчас сообразил, что уговор был нарушен.

– Врёшь, я кричал! – швыряя в него камень, заявляет Депутат.

³⁷ Во время прогулки с Дердлсом Джаспер несколько раз на пробу предпринимает попытку завладеть на время его узелком, в котором, как мы помним, находится ключ от склепа Сапси.

– Исмаил, сэ, – говорит Дердлс, не обращая внимания на проступок и снова поворачиваясь к Джасперу. – Точно как библейский Исмаил, сын Авраама. С виду человек, ди-карь изнутри. Но я дал ему цель в жизни.

– В которую он и швыряет камни? – усмехается Джаспер.

– Именно, сэ, – торжественно кивает Дердлс. – В которую он и швыряет камни. Кем он был раньше? Разрушителем. Что он нёс людям? Одни неприятности. И чем они ему за это платили? Чаще всего – трёхдневной отсидкой за решеткой. Никто – ни один человек, ни один предмет частной собственности, ни одно окно, ни одна лошадь, свинья, овца или кошка – никто не мог избежать града его камней, а всё почему? Потому, что он не имел ясной цели в жизни. Я поставил перед ним эту ясную цель, и теперь он честно зарабатывает швырянием камней полпенни за вечер или три за неделю.

– Странно, что у него не находится соперников.

– Да сколько угодно, мистер Джаспер, просто он их всех отгоняет камнями, – сообщает Дердлс с пьяной серьёзностью. – Я вот всё думаю, вот эта моя система... она ведь, по сути, родственна Системе Народного Образования.

– Я бы так не сказал, Дердлс, – отвечает Джаспер.

– Если не так, – заявляет Дердлс, – то попробуйте сами дать ей другое название.

– Он всё ещё идет за нами, – повторяет Джаспер, глядя через плечо. – Как будто выслеживает.

– Он просто идёт в свою ночлежку – она тут, по дороге, – отвечает Дердлс. – Это кратчайший путь. Там он от нас отстанет.

Таким порядком они и следуют дальше; последним идёт Депутат, не пропуская ни одного столба, дерева или дома, чтобы не запустить в него камнем.

– Слышно что-нибудь новенькое из подземелий собора, Дердлс? – с улыбкой интересуется Джон Джаспер.

– Что-нибудь старенькое, хотите вы сказать? – ворчит Дердлс. – Откуда там взяться новенькому?

– Я слышал, будто там что-то нашли.

– Да, ещё одну старую могилу возле седьмого столба, слева от входа в бывшую часовню. Это я её нашёл. Как я понимаю – там ещё один их этих стариканов с посохами, из епископов то есть. Там, внизу, хватает подобного добра.

– Интересная у вас жизнь, Дердлс, там, внизу!

– У вас наверху не лучше.

– Да, мы оба растрачиваем свои жизни по этим старым унылым местам, в которых столетиями ничего не меняется. Это так. Но в вашей жизни внизу столько тайн и загадок, будоражащих воображение, что мне даже вдруг захотелось как-нибудь примкнуть к вам в ваших исследованиях подземелий собора. Возьмёте меня на денёк в качестве ученика или, скажем, практиканта? Очень уж интересно посмотреть на ваши находки.

– Чего ж не взять? – отвечает Дердлс. – Вы знаете, где

меня найти, если соберётесь.

– Что мне ещё не совсем понятно, – продолжает Джаспер, развивая тему подземных исследований, – как это вы их находите, эти могилы? У вас что, на них какой-то особый род чутья? Шестое чувство?

Дердлс останавливается и ищет взглядом, куда бы положить узелок, чтобы его развязать. Джаспер приходит к нему на помощь.

– Достаньте мне мой молоток из узелка, и я покажу вам, – говорит Дердлс.

Джаспер передаёт каменотёсу его инструмент, при этом в узелке что-то тихонько звякает.

– Теперь смотрите. Вы же пользуетесь камертоном, мистер Джаспер?

– Конечно.

– Так вот, и я тоже. Мой камертон – это мой молоток. Я беру его и стучу по стене, вот так, – и Дердлс начинает выстукивать стену ближайшего дома. – Я стучу и стучу. Тум, тум, тум! Звук получается звонкий, и это означает, что стена сплошная. Стучу дальше. Всё ещё сплошная. Теперь здесь. Бум! Бум! Звук стал глухой: значит, здесь есть какое-то пустое пространство за стеной! Обстукиваем его со всех сторон... Звук такой, будто за стеной в пустоте лежит что-то твёрдое, а в этом твёрдом опять пустота! Не иначе – каменный гроб епископа в замурованной стенной нише!

– С ума сойти!

– Я вам даже больше скажу. Дайте-ка мне ещё и линейку...

Джаспер вытягивает просимое из узелка, и опять внутри него что-то едва слышно звякает. Завладев линейкой, Дердлс продолжает:

– Предположим, вот эта стена моей работы. Измеряем... Два, четыре, и ещё два... Итого: шесть. Вот, в шести футах за этой стеной лежит миссис Сапси.

– Вы что, серьёзно?!

– Просто предположим, что там лежит миссис Сапси. Её стена потоньше будет, но предположим, что это стена её склепа. – Дердлс снова принимается обстукивать стену дома, делая вид, что внимательно прислушивается. – Ага! Что-то имеется между стеной и гробом, в этих шести футах пустоты! Что-то твёрдое! Что же ещё, как не куча битого кирпича и прочего строительного мусора, которую там второпях оставили мои работнички?!

Поражённый Джаспер высказывается в том смысле, что такой тонкий слух – это просто какой-то дар Божий.

– Никакой это не дар, – отмахивается от комплимента Дердлс. – Это всё плоды долгих тренировок. Я работал над собой, сэр! Дердлс потому так хорошо свой предмет знает, что он в него по уши закапывается. И тянет на свет тоже за уши, сэр, если тот вдруг вылезать не хочет!.. Эй, Депутат, держи-ка за работу!

Мальчишка отвечает свистом и подбегает получить свой

полупенсовик.

– И проваливай в свою ночлежку, чтобы я тебя сегодня больше не видел!

Оборванец снова свистит, шутовски «берёт под козырёк», сигнализируя этим жестом полное своё согласие, и исчезает в темноте.

Дердлс и Джаспер как раз проходят мимо упомянутого ночлежного заведения – это обшарпанный и покосившийся двухэтажный дом, оставивший свои лучшие времена далеко позади. Порвавшийся во многих местах бумажный фонарь над полусгнившим крыльцом у входной двери, драные красные занавески в окнах, покачивающиеся от сквозняка, дуящего в щели, щербатый штакетник, местами сломанный, местами поваленный на землю – всё это создаёт впечатление безнадёжного запустения.³⁸ Уличные мальчишки, в количестве дюжины или около того, самого оборванного и дикого вида – то ли клиенты ночлежки, то ли прислуга, то ли просто банда местных хулиганов – привлечённые свистом Депутата, выбегают из-за угла и лезут из кустов, слетаются, словно стервятники на падаль, и тут же затевают перестрелку камнями, не забывая запустить камень-другой и в Джаспера с Дердлсом.

– Прочь, мерзавцы! – в ярости кричит Джаспер. – Дайте

³⁸ Под ночлежкой «Койка за два пенса» в романе выведен сохранившийся до наших дней «Restoration House». Рядом в диккенсовские времена располагались остановка дилижансов и, как и сказано в романе, газовая станция.

нам пройти, маленькие негодяи!³⁹

Это оскорбление вызывает новый шквал камней и диких воплей, который заставляет хормейстера чуть не бегом спастись в переулке. Дердлс, бормоча под нос что-то вроде «А всё потому, что они не имеют цели в жизни», тоже поспешает следом.

«Берлога» Дердлса, в лунном свете напоминающая заброшенный склеп, уже видна в конце проулка; путь к ней лежит через лабиринт каменных глыб и недоделанных надгробий. Похоже, только хозяину и ведом безопасный путь через этот лунный пейзаж, но даже и он несколько раз чуть не падает, натыкаясь на валяющиеся повсюду обломки мрамора и песчаника, и только чудом не разбивает себе голову о какую-нибудь могильную плиту.

Джон Джаспер возвращается к своему жилищу – домику над воротами – другой дорогой. Неслышно отперев дверь ключом, он проходит в гостиную (камин уже догорает), достаёт из потайного отделения стенного шкафчика странного вида курительную трубку, наполняет её (но не табаком) и на цыпочках поднимается по ступеням спиральной лестницы, ведущей к двум спальням на чердаке. В обеих горит свет; собственная спальня Джаспера пуста, в гостевой же спит его племянник.

³⁹ Банды уличных мальчишек в те времена, действительно, терроризировали жителей Лондона и провинции. Уголовная ответственность для детей наступала с пяти лет; с этого же возраста ребёнок считался правомочным подписывать договор найма на работу.

Джон Джаспер какое-то время стоит в дверях, внимательно вглядываясь в лицо спокойно и безмятежно спящего юноши. Затем, всё так же неслышно, он проходит к себе, раскуривает трубку и, откинувшись в кресле, отдаётся во власть призрачных полночных видений.

Глава VI. Благотворительность в доме младшего каноника

Искупавшись на рассвете холодного осеннего дня в уже подёрнутом первым ледком пруду у Клойстергэмской плотины, подтянутый и спортивный младший каноник Септимус Криспаркл разогревает свою кровь, боксируя у зеркала в задней комнате домика, где он «имеет удовольствие проживать» со своей матушкой, миссис Криспаркл. Зеркало показывает нам пышущий здоровьем портрет преподобного Септимуса, как он с большим мастерством проводит мощные хуки слева и справа, апперкоты и свинги; при этом его добродушное лицо священнослужителя являет собой разительный контраст с лишёнными всякого милосердия к противнику ударами и атаками.⁴⁰

⁴⁰ Внешность и характер спортивного и добродушного каноника Септимуса Криспаркла списаны Диккенсом с реального человека, младшего каноника Рочестерского собора в 1840-х годах преподобного Роберта Уайстона. Диккенс был дружен с Уайстоном и всячески поддерживал его в знаменитом «противостоянии Уайстона» с иерархами Английской церкви в защиту воспитанников Рочестерской начальной школы, в которой Роберт Уайстон был директором. Эта история, сегодня интересная лишь для специалистов, подробно описана в книге Ральфа Арнольда «The Whiston Matter». К роману «Тайна Эдвина Друда» она, однако, не имеет никакого отношения, показывая разве что твёрдую готовность обоих каноников – и романного, и реального – отстаивать благо ближнего, невзирая на любые авторитеты.

Миловидное лицо хрупкой старой дамы появляется в дверях – это миссис Криспаркл пришла звать своего любимого сына к завтраку. Преподобный Септимус тотчас прекращает свои прыжки и размахивания руками, расплывается в улыбке, а потом, осторожно взяв это милое личико между боксёрских перчаток, почтительно и с огромной сыновней любовью целует свою матушку в румяную щёчку.

Что может быть симпатичнее хорошо сохранившейся пожилой дамы, если глаза её всё ещё блестят, если фигура её аккуратна и стройна, если прекрасно подогнутое платье нежных пастельных цветов делает её похожей на фарфоровую статуэтку китайской пастушки? Разве что молодая дама тех же свойств, – думает младший каноник, усаживаясь за богато и со вкусом накрытый к завтраку стол напротив своей матушки. А вот то, что его матушка в эту минуту думает – это можно уложить в два гордых и нежных слова: «Мой Септимус!»

Этим редким именем, означающим по латыни «Седьмой», миссис Криспаркл – тогда ещё не вдова, а любимая жена и мать – нарекла своего новорожденного сына после того, как шесть его менее удачливых старших братьев покинули сей мир незадолго после своего рождения. Её седьмой ребёнок выжил, и с тех пор, вот уже почти тридцать пять лет, миссис Криспаркл не устаёт каждый день благодарить Бога за эту милость. В данный момент пожилая дама тоже возносит молитву, перед трапезой, а её взрослый сын – стоя

и склонив голову – смиренно внимает ей, так же как делал это ещё ребёнком.

– Так что же, дорогая мамочка, было в том письме, которое принесли с утренней почтой? – спрашивает младший каноник, намазывая масло на кусочек тоста.

Фарфоровая Пастушка, уже успевшая к тому моменту распечатать письмо, передаёт конверт сыну.

– Конечно же это от мистера Хонитандера, – говорит она, вытирая затем руки салфеткой.

– Ага! Так я и думал, – отвечает младший каноник, надевая очки и разворачивая листок.

Тут надо сказать, что этот почтительный сын всегда при чтении и письме надевает очки, хотя в них ещё совершенно не нуждается, и они вызывают у него лишь резь в глазах и слёзы. Делает это он для того, чтобы его матушка, которая в свои годы тоже ещё вполне в состоянии читать без очков, чувствовала себя в этот момент хоть чуть-чуть моложе.

– *Благотворительный Фонд, главная штаб-квартира, Лондон, среда*, – читает вслух преподобный Септимус. – *Милостивая госпожа! Я пишу это письмо, сидя в...*

Младший каноник снимает очки с носа и ошеломлённо смотрит на свою матушку. Та отвечает ему вежливой улыбкой.

– Мой бог! Он пишет, сидя... где?!

– В кресле, – отвечает старая дама, прочитавшая письмо ещё до завтрака.

– В кресле! Но нам-то зачем об этом сообщать?!

– Ах, дорогой мой, ты упускаешь из виду конец предложения, а там всё сказано совершенно ясно! Дай мне, я сама прочту.

Младший каноник, радуясь, что ему не придётся далее утомлять глаза очками, с удовольствием возвращает письмо своей матушке.

– *Я пишу это письмо, сидя в кресле,* – громко и отчётливо читает миссис Криспаркл, – *к которому я буду прикован ещё не менее нескольких часов...*

Младший каноник поражённо переводит взгляд на ряд кресел, выстроившихся у стены комнаты.

– *...поскольку в эту минуту я имею честь находиться на заседании Генерального штаба нашего Благотворительного Фонда, и единогласным желанием всех присутствующих здесь его членов я был избран занять кресло Председателя.*

Преподобный Септимус переводит дыхание и бормочет:

– Ах, вот оно что! Тогда понятно...

– *Поэтому, пока дебатировается резолюция, разоблачающая и осуждающая некоего предавшего интересы Благотворительности негодяя, я хотел бы этим письмом, которое я рассчитываю отправить уже вечерней почтой, окончательно обговорить известное Вам дельце.*

– Это удивительно, мамочка, – кротко замечает младший каноник, – как эти столичные благотворители всегда рады

случаю кого-нибудь разоблачить и осудить. И точно так же удивительно, как много они находят в своих рядах предателей и негодяев.

– ...обговорить известное Вам дельце, – повторяет последние строки старая дама. — *Всем сердцем осуждая прискорбную необразованность и невоспитанность двух моих новых юных подопечных, Невила и Елены Ландлесс, я хотел бы ознакомить Вас с моим планом по исправлению означенных упущений, каковой состоит в следующем: не далее как в будущий понедельник упомянутый Невил, хочет он того или нет, будет передан мною в Ваше, милостивая госпожа, и Вашего уважаемого сына мистера Септимуса попечение, выражающееся в проживании означенного недоросля в Вашем доме на срок, потребный оному для должной подготовки к экзаменации.*

– Хочет он того или нет! – бормочет младший каноник. – Просто поразительно, мамочка, насколько эти столичные благотворители готовы любого встречного схватить за воротник и силой – я бы даже сказал, пинками – загнать на тропу добродетели, хотят те такого или нет. Прости, мамочка, что перебил.

– *Сестра же его Елена на тот же срок будет водворена для обучения в рекомендованную Вами Школу и Пансион для Молодых Девиц, носящую, как мне помнится, подходящее случаю наименование «Приют Монахинь». Прошу Вас, милостивая госпожа, озаботиться их принятием и разме-*

щением. Оплата Ваших любезных услуг будет произведена мною на тех условиях, которые Вы означили мне в одном из Ваших предыдущих писем (три фунта и десять шиллингов в месяц).

Кланяюсь Вашему достопочтенному сыну мистеру Септимусу и Вам, милостивая госпожа, и остаюсь Ваш любящий брат (во Благотворительности) Лукас Хонитандер.

– Что ж, мамочка, – говорит Септимус, почесав за ухом, – я думаю, что у нас найдётся место для одного постояльца, а у меня найдётся время и желание обучать его. Хорошо, что это будет не сам мистер Лукас Хонитандер. Хотя, наверное, так было бы невежливо говорить, ведь я его никогда не видел. Скажи, мамочка... ведь он, без сомнения, представительный собой мужчина?

– Более чем, – отвечает миссис Криспаркл. – Но голос у него ещё более представительный.

– Чем он сам?

– Чем кто бы то ни был ещё.⁴¹

– Ага! Вот, значит, как... – раздумчиво говорит мистер Криспаркл, и так же раздумчиво заканчивает завтрак. Создаётся ощущение, что после этих слов матери яичница с беконом, гренки и китайский чай потеряли для него значитель-

⁴¹ Образ громогласного и яростного благотворителя Лукаса Хонитандера («Honeythunder» можно перевести как «медовый гром») по мнению исследователей списан с Джона Брайта – квакера-реформатора, известного в 1840-х годах своей жёсткой политикой и зычным красноречием.

ную часть своего вкуса.

С мистером Хонитандером – «профессором Благотворительности», как он отрекомендовался при первой же встрече – миссис Криспаркл познакомилась в Лондоне, в доме своей сестры. Вторая миссис Фарфорова Пастушка, как две капли воды похожая на первую (так как они были близнецами, да и одевались тоже почти одинаково), была женою советника одной из столичных корпораций, и от избытка свободного времени (поскольку была бездетна) все свои силы отдавала делу благотворительности. Дело это было несложное: следовало сначала добыть подходящих сироток, а затем усиленно набивать им животы сладостями, а голову религиозной чепухой – вот и вся благотворительность, как её понимали обе Фарфоровые Пастушки. Сам же преподобный Септимус, слава богу, считал и считает иначе:

– Я думаю, мамочка, самое главное, чтобы этому молодому человеку было у нас хорошо. Потому что, если ему будет с нами хорошо, то и нам с ним никаких забот не будет. Я вспоминаю, мамочка, что как раз в эти дни у нашего хормейстера Джаспера гостит его племянник, молодой Эдвин Друд. Он очень милый и воспитанный юноша, а молодое тянется к молодому; поэтому я думаю, что было бы здорово пригласить его и мистера Джаспера к ужину. С нашими подопечными это будет четверо. Позовём ещё мисс Твинклтон и юную невесту мистера Друда, это будет шесть. Добавь ещё нас двоих, мамочка. Как ты полагаешь, восемь персон поместятся

за столом?

– Девять было бы уже чересчур, – заметно нервничая, отвечает пожилая дама.

– Я же сказал, всего восемь.

– Ну хорошо, это мы ещё осилим, Септимус, дорогой мой. Но, пожалуйста, не приглашай больше никого.

На этом и порешили. После завтрака миссис Криспаркл отправляется в «Приют Монахинь» предупредить мисс Твинклтон о приезде новой ученицы и заодно пригласить директрису и двух юных леди в гости; а младший каноник усаживается писать в штаб-квартиру Благотворительного фонда письмо с инструкциями: как именно мистеру Невиллу и мисс Елене лучше всего выехать из Лондона, чтобы вовремя поспеть к ужину.

В те времена в нашем городке ещё не было железнодорожной станции. При этом, некоторые горожане – и первым среди них был мистер Сапси, имевший долю в бизнесе дилижансов – утверждали, что такая станция нам и вовсе не нужна. Железнодорожная линия, связывающая Лондон и курорты Танбридж-Уэллса, проходила в стороне, миль за десять от Клойстергэма, поэтому все путешествующие вынуждены были сходить на неприметном полустанке посреди полей и уже оттуда добираться до города дилижансом.⁴²

⁴² Отсутствие железнодорожной станции в Клойстергэме – это реальное положение дел в Рочестере и соседнем с ним Мэйдстоуне в 1842 году. Из-за сопротивления мэра Мэйдстоуна мистера Эдмета (с которого и списан образ мистера Сапси) прокладке железнодорожной линии через город, ближайшая к Мэйдсто-

В назначенный час мистер Криспаркл ожидает прибытия гостей из Лондона у каретного сарая станции дилижансов, что расположен на задворках южной окраины Клойстергэма, в паре бросков камнем от знакомой уже нам ночлежки «Койка за два пенса». С некоторым опозданием на горизонте появляется небольшой омнибус, влекомый парой лошадей. На переднем сидении рядом с возницей, практически зажав того в угол скамьи своей массивной, почти квадратной, фигурой, восседает представительного вида господин с весьма недовольным лицом – определённо, это и есть профессор Благотворительности мистер Лукас Хонитандер. Когда карета останавливается, пассажир презрительно окидывает взглядом окрестные дома и небольшую группу встречающих.

– Это и есть Клойстергэм, что ли? – спрашивает он громоподобным голосом.

– Точно так, – полузадушенно говорит возница, пытаясь выбраться из-под придавившей его к поручням туши. – И я давно не был так рад увидеть его снова. Я уж и не надеялся.

– Тогда скажите вашему начальнику, что он должен сделать сиденье пошире! – гремит в ответ пассажир. – Это его

уну и Рочестеру станция Паддок-Вуд находилась в полях в десяти милях от города, откуда пассажиры должны были добираться до дома омнибусами. Мистер Эдмет имел долю в бизнесе речных и конных перевозок, и прокладка линии дешёвого и быстрого транспорта сильно повредила бы его интересам. Железнодорожная линия в Рочестере (и даже не в нём самом, а в городке Струд на другом берегу реки) появилась лишь двадцать лет спустя.

моральный долг – заботиться об удобствах для ближних. Иначе эти ближние должны будут подать на него в суд и взыскать с него штраф – да такой, который его разорит!

Возница благоразумно воздерживается от спора; вместо этого он сползает с сиденья на землю и, охая и кряхтя, принимается разминать кости, пытаясь восстановить кровообращение в конечностях, слишком долго остававшихся зажатыми в неудобном положении этим требовательным пассажиром.

– Я что, на вас сидел, что ли? – интересуется тот.

– Немножко, – отвечает возница. – Так, совсем малость.

– Вот, возьмите эту брошюру, друг мой.

– Не хотелось бы показаться невежливым, мистер, – говорит возница, бросив беглый взгляд на брошюру, – но на кой она мне?

– Прочтите и сможете вступить в наше Общество.

– И что я с того получу?

– Братскую любовь! – с угрозой в голосе говорит пассажир.

– Благодарю покорно, – фыркает возница. – Я у мамы один, и мама говорит, что с неё и меня хватит. Не нужны мне никакие братья.

– Но вы со всех сторон окружены братьями, – гремит пассажир, постепенно распаяясь, – хотите вы того или нет! Например, я тоже ваш брат!

– Эй-эй, полегче! – говорит возница, уперев кулаки в бо-

ка, – Не берите на себя слишком много, мистер! А то, знаете ли, всякому терпению...

– Джо, дорогой мой, не забывайся, прошу тебя! – выходит вперед мистер Криспаркл, примиряюще поднимая руки. – Где же твоё гостеприимство? А Вы, сэр, я полагаю, мистер Хонитандер, не так ли?

– Это я, сэр.

– Меня зовут Криспаркл.

– А! Преподобный мистер Септимус! Рад познакомиться, сэр. Невил и Елена сидят внутри. А мне что-то захотелось подышать свежим воздухом. Засиделся, знаете ли, в конторе! Но вечером уже назад. Значит, Вы и есть преподобный Септимус Криспаркл? – говорит прибывший господин, осматривая младшего каноника с головы до ног критическим взглядом. – Я представлял Вас себе значительно старше!

– Я ещё наверстаю, сэр, – с легкой улыбкой отвечает мистер Криспаркл.

– Э-э... что? – тарачится на него мистер Хонитандер.

– Нет, ничего. Просто неудачная шутка. Не обращайтесь внимания.

– Шутка, вот как! Шуток я не понимаю, сэр, – говорит мистер Хонитандер, почёсывая лоб. – Со мной шутить бесполезно, да и опасно. Эй, да где они там застряли?! Невил, Елена, немедленно вылезайте! Мистер Криспаркл пришел с вами познакомиться!

Неожиданно красивый невысокий юноша и, под стать ему, очень симпатичная молодая девушка появляются из дилижанса: юноша придерживает рукой дверцу, помогая сестре спуститься по ступенькам.⁴³ Лица у них очень смуглы; девушка красива какой-то особой, экзотической, почти цыганской красотой; волосы у обоих иссиня-чёрные, густые, цвета шкуры пантеры. Да и в движениях их ощущается что-то неукротённое, дикое, пугливое и вместе с тем опасное – равно готовое как спастись бегством, так и нападать и биться до последнего вздоха. И конечно невозможно с первого же взгляда не заметить их необычайную похожесть, почти идентичность, чрезмерную даже для близнецов, каковыми они, без сомнения, и являются. Таковы были первые впечатления мистера Криспаркла от его новых воспитанников.

Младший каноник приглашает мистера Хонитандера оказать им честь и остаться на ужин (и делает это с тяжёлым сердцем, поскольку прекрасно представляет все тревожные

⁴³ Считается почти общепризнанным, что образ Елены Ландлесс списан Диккенсом со своей любовницы Елены Лавлесс Тернан, однако, если не считать схожести имён, эти женщины совершенно различны – и характером, и внешностью. Более вероятно, что образ молодых людей, проделавших долгий путь к свободе из Цейлона в Англию, вдохновлён историей двух других молодых людей, Елены и Вильяма Крафт – двух метисов-молодожёнов, бежавших в 1848 году из рабства из Джорджии (США) сначала в северные штаты, а затем и в Англию. В Англии девятнадцатого века эта история была широко известна. В пользу этой версии говорит и то, что Елена Крафт бежала в мужском платье, а в главе седьмой Диккенс упоминает, что Елена Ландлесс для бегства от жестокого отчима тоже переодевалась мальчиком.

ния Фарфоровой Пастушки, которые ей доставит появление девятого, незапланированного гостя за столом), а так же предлагает Елене руку для небольшой прогулки пешком. Во время этой короткой экскурсии по городку оба новопривывших кажутся очень заинтересованными рассказами мистера Криспаркла о кафедральном соборе и монастырских развалинах, оба находят Клойстергэм просто очаровательным; при том мисс Елена выглядит словно прекрасная дикарка, взятая в полон в далёкой восточной стране, а её брат и смотрится и ведёт себя как её верный слуга и защитник.

Мистеру же Хонитандеру нет никакого дела до окружающих их красот: он вышагивает посреди улицы, расталкивая горожан локтями, и при этом громогласно излагает только что пришедший ему в голову гениальный план искоренения безработицы в Клойстергэме, да и во всей Англии. Согласно этому плану и мистеру Хонитандеру всех безработных Соединённого Королевства следовало бы арестовать, запереть в тюрьму и там, под страхом смерти, заставить заниматься полезным обществу трудом – например, благотворительностью.

Мистер Хонитандер и всегда-то был, так сказать, прыщом на теле общества, но по прибытии в дом младшего каноника разросся до размеров настоящего фурункула: он до краёв заполнил маленькую гостиную миссис Криспаркл своей массивною фигурою, а весь дом – своим зычным всепроникающим голосом, уместным более на митинге чартистов, чем

среди провинциальных, привыкших к тишине и неторопливости людей. Да и вёл себя мистер Хонитандер словно на митинге: он без устали излагал всевозможные идеи и проекты радикальнейших преобразований общества, призванных нести добро всем и каждому, но у него постоянно получалось как-то так, что любое благо для ближнего будет возможно не ранее, чем этот ближний будет всеми возможными способами унижен, оболган и проклят. Армии должны быть распущены и войны прекращены, но сначала надо расстрелять всех офицеров и солдат за те жестокости, которые они допускали на поле боя. Смертная казнь должна быть отменена, но не раньше, чем всех юристов и законников сотрут с лица земли за то, что они «судили судом неправедным». Словом, благотворительность по мистеру Хонитандеру если чем-то и отличалась от ненависти и жестокости, то чем-то незначительным, не стоящим и упоминания.

Званный ужин обернулся из-за него настоящей катастрофой. Мистер Хонитандер нарушил своим присутствием не только покой Фарфоровой Пастушки, но и всю симметрию стола: он влез со своим креслом (которое специально для него пришлось принести из спальни) прямо в проём двери, через которую из кухни подавали кушанья – из-за чего судки и тарелки пришлось передавать через его голову. За столом он никому и слова не давал сказать, подавляя любой разговор своим громоподобным голосом, причём он избрал младшего каноника кем-то вроде «риторического про-

тивника», всячески обвиняя и порицая в лице последнего каких-то неведомых негодяев и предателей, позорящих великое дело Благотворительности. Мистер Криспаркл от возмущения и растерянности не мог сказать и слова, его бедная матушка едва не плакала; остаток ужина оттого прошёл крайне скомканно, поскольку все присутствующие потеряли и аппетит и присутствие духа, и могли противиться натиску профессора Благотворительности не более, чем какое-нибудь малиновое желе.⁴⁴

Но, к счастью, та же волна слов и звуков, которую поднял мистер Хонитандер в доме младшего каноника, и смысла его прочь. Кофе ему подали на час раньше запланированного; затем все присутствующие клялись, что часы на башне собора уже пробили три четверти, хотя они не звонили ещё и одного раза; мисс Твинклтон убеждала всех, что до остановки омнибуса надо идти полчаса скорым шагом, хотя дотуда не было и пяти минут спокойной ходьбы. Бьющая через край приветливость и услужливость всего общества втиснула мистера Хонитандера в пальто и выставила его за дверь с той же скоростью и неумолимостью, с какой он сам изгнал из рядов столичных благотворителей изменников и пре-

⁴⁴ Сцена за ужином – это, по сути, описание реального поведения Джона Брайта в гостях у семейства Адамсов, данное в мемуарах последнего в 1907 году; тогда за столом Брайт (как и мистер Хонитандер) разглагольствовал о сопротивлении английских судей реформе уголовного права, при этом вёл себя вызывающе и договорился даже до того, что утверждал, будто «англичане – это нация скотов, достойная быть уничтоженной до последнего человека».

дателей. Мистер Криспаркл вместе со своим новым воспитанником, отправившиеся провожать мистера Хонитандера до остановки дилижансов (больше из беспокойства, чтобы он не сбился с дороги и вдруг не вернулся), под предлогом того, что он простудится на холодном ночном воздухе, заставили его подняться в карету и ожидать отправления внутри, после чего тут же распрощались с ним и ушли, хотя до времени отъезда ещё и оставались добрые полчаса.⁴⁵

⁴⁵ Хотя Диккенс первые пять глав романа написал в настоящем времени, в шестой главе он, неожиданно для читателя, переходит на более привычное в литературе прошедшее время. Этот технический приём связан с необходимостью сохранить для читателя в тайне мысли Джона Джаспера и Розы Буттон, что в ретроспективном прошедшем времени сделать было бы затруднительно. Рассказчик как бы сидит в театре и только наблюдает за делами и словами персонажей, не проникая в их планы и лишь гадая, что означают те или иные видимые поступки. И далее по тексту романа некоторые главы будут написаны в прошедшем, а некоторые – в настоящем времени.

Глава VII.

Исповедь, и даже не одна

– Честно говоря, – признался Невил младшему канонику, когда они шли обратно, – я ведь этого джентльмена почти и не знаю.

– Вашего опекуна? – удивился мистер Криспаркл. – Как же тогда получилось, что...

– Что он стал моим опекуном? Хороший вопрос, сэръ! Что ж, попытаюсь объяснить Вам. Как Вы уже знаете, мы с сестрою прибыли из Цейлона.

– Вот как! Нет, я этого не знал.

– Странно... Ну, как бы то ни было, мы приехали именно оттуда. Мы жили там у нашего отчима, поскольку наша дорогая матушка умерла, когда мы были совсем ещё детьми. Жили мы тяжело. Перед смертью она назначила его нашим опекуном, но он – вместо того, чтобы опекать нас – держал нас в чёрном теле, часто отказывая нам не то что в новой одежде, но даже и в еде. Фантастический был скряга. И вот перед своей уже смертью наш отчим и передал нас мистеру Хонитандеру – не знаю, почему именно ему. Может, они были знакомы когда-то, а может быть, отчим просто увидел его имя в газетном объявлении.⁴⁶

⁴⁶ Из рассказов Невила о своём отчине вырисовывается следующая карти-

– Умер он, как я понимаю, недавно?

– Пару месяцев назад, сэр. Вы не поверите, какой жестокой и наглой скотиной он был! Его счастье, сэр, что он сам умер, а то ещё немного – и я бы его просто убил.

Мистер Криспаркл остановился как вкопанный и ошеломлённо уставился на своего нового подопечного.

– Похоже, что я удивил Вас, сэр, – сказал Невил, отводя взгляд.

– Я не только удивлен, я потрясён! Я до глубины души потрясён Вашими словами!

– Просто Вы, сэр, никогда не видели, как это чудовище бьёт Вашу сестру, – глухо сказал Невил после долгой паузы. – А я видел, сэр, видел – не раз и не два! И я этого до смерти не забуду.

– Ничто на свете, – горячо ответил на это младший канон-

на: офицер Британского флота Ландлесс женился на Цейлоне (который лишь за 16 лет до времени действия романа стал колонией Англии) на туземной женщине. Она родила ему двух близнецов, получивших христианские имена Елена и Невил. Ландлесс-старший через какое-то время умер, завещав всё своё имущество (и хорошую офицерскую пенсию) жене и детям. Затем другой англичанин (фамилия Диккенсом не названа, она выяснится позднее), в расчёте завладеть богатством, взял вдову с детьми замуж, плохим обращением свёл женщину в могилу и стал распоряжаться имуществом, но только как опекун, т.е. не имея возможности выгнать детей вон – в этом случае он терял бы всё. Поэтому-то малолетних беглецов и ловили. Отчим умер ещё до наступления совершеннолетия приёмных детей и по завещанию передал опекунство представителю благотворительного фонда – вместе с платой за их содержание из сумм наследства и в обмен (незаконный) на значительную часть средств и имущества. Т.е. отчим напоследок ещё и ограбил Елену и Невилу.

ник, – ничто на свете не может оправдать этих Ваших ужасных слов, мистер Невил! Даже слёзы Вашей красавицы сестры!

Внезапно смутившись, мистер Криспаркл прошёл вперёд и сделал Невилу знак следовать за ним. Подавленный, тот поплёлся следом.

– Я прошу прощения за свои слова, сэр, – сказал Невил через полсотни шагов. – Тем более не стоило их говорить именно Вам. Вы совершенно правы, сэр – это ужасные слова. Но в одном, сэр, я никак не могу с Вами согласиться. Вот Вы сказали про слёзы моей сестры... Моя сестра, сэр, скорее даст злодею разорвать себя на куски, чем прольёт перед ним хоть единую слезу!

Мистер Криспаркл вспомнил своё первое впечатление от этой юной леди и подумал, что в такое верится охотно.

– Вы позволите мне, сэр, – снова начал Невил, – сказать пару слов в свою защиту?

– Защиту, мистер Невил? На Вас никто не нападает.

– Я знаю, сэр. Но, возможно, это поможет Вам лучше понять мой характер.

– Мистер Невил, прошу Вас, – было ему ответом, – предоставьте уж мне самому разбираться с Вашим характером.

– Как хотите, сэр, – пробормотал Невил, обиженно разводя руками. – Это было просто движение души, но если Вам угодно оставить его без внимания, то это, конечно, Ваше право.

Эти с лёгким вызовом произнесённые слова смутили младшего каноника. Ему показалось вдруг, что он слишком уж положился на свою власть поучать и направлять эту юную душу, и тем едва не потерял доверие своего нового ученика. В этот момент они как раз подошли к порогу дома мистера Криспаркла; освещённые окна были приоткрыты – из-за них слышались музыка и голоса.

– Знаете что, мистер Невил, – сказал младший каноник, поворачиваясь к юноше, – давайте-ка мы с Вами ещё немного пройдемся. Тогда у Вас будет время мне всё объяснить. Вы сказали, что я ничего не желаю слушать? Вовсе нет, наоборот, я прошу Вас довериться мне и всё рассказать.

– Конечно, сэр, я и сам давно хотел это сделать... Забавно, что я говорю «давно», как будто мы с Вами, сэр, знакомы уже несколько недель. Но вот что я скажу Вам, сэр, честно и с полным доверием... Мы с сестрой ведь приехали с желанием поругаться с Вами. Да, сэр, устроить скандал, поругаться и тем самым вынудить Вас отправить нас обратно!

– Вот как! – пробормотал мистер Криспаркл, не зная, что и сказать.

– Это только потому, сэр, что мы не знали заранее, какой Вы... А так как мы ещё не встречали человека, которому мы бы сами понравились, то мы и заключили, что и Вы нам не понравитесь.

– Понимаю, – сказал мистер Криспаркл.

– Но Вы нам вдруг очень понравились, сэр! И Ваш милый

дом, и то, как Вы нас принимали – это всё очень отличается от того, что мы до сих пор встречали. И вот эта прогулка вдвоём, и эта тишина вокруг (с тех пор, конечно, как мы избавились от мистера Хонитандера), и эти старые дома, такие красивые в лунном свете – всё это и побудило меня открыть Вам сердце.

– Я очень рад это слышать, мистер Невил, – с улыбкой ответил младший каноник. – Пусть и дальше так будет.

– Но только не подумайте, сэр, что описывая свои собственные недостатки, я хочу сказать то же самое о моей сестре. Она гораздо лучше меня! Она так же выше всех неприятностей нашей убогой жизни, как башня вашего собора выше вон тех каминных труб!

В глубине души мистер Криспаркл позволил себе в этом усомниться.

– С первых же лет жизни, – продолжал Невил, – я вынужден был давить в себе жестокую, смертельную ненависть к моим мучителям. Это сделало меня замкнутым и злопамятным. Меня ведь постоянно жестоко унижали и подавляли. Слишком слабый, чтобы противиться этому, я приучился лгать и притворяться. Жизнь отказывала мне во всём: в образовании, в свободе, в деньгах, одежде, в самом необходимом! Не было и речи, сэр, о счастливом детстве или нормальной юности! Потому-то и нет во мне тех чувств или того опыта, инстинктов – Вы видите, сэр, я даже не знаю, как это и назвать! – на которые Вы могли бы опереться, которые Вы

привыкли находить в прочих ваших учениках!

Мистер Криспаркл подумал, что всё это очень похоже на правду, пусть и не очень обнадеживающую. Между тем, они дошли до конца улицы и снова повернули к дому.

– И примите ещё во внимание, сэр, что я вырос среди туземцев – среди угнетённого, порабощённого, но не смирившегося народа – и я вполне мог перенять что-то и от них. Иногда мне кажется, сэр, будто и во мне есть капля их неукрощённой, тёмной, их тигриной крови.

Мистер Криспаркл мысленно признался себе, что весь жаркий монолог Невила, пожалуй, только подтверждает такую его характеристику.

– И ещё одно слово, сэр, в защиту моей сестры. Пусть мы и близнецы, сэр, но насколько же она отличается от меня в лучшую сторону! Тяготы нашей несчастной жизни могли заставить покориться меня, но они были бессильны сломить её! В детстве мы четырежды убегали из дома, четыре раза за шесть лет, сэр!⁴⁷ Конечно же, нас всегда быстро ловили и потом жестоко наказывали... Но моя сестра сразу же начинала строить планы следующего побега. Всякий раз она, переодевшись мальчиком, вела и направляла нас, выказы-

⁴⁷ Как сказано в романе, начиная с семи лет Елена и Невил сбегали четырежды за шесть лет. В тринадцать лет побеги прекратились, но не потому, что брат и сестра смирились. Сбегая, Елена всегда переодевалась мальчиком, а типичный наряд туземного мальчика на Цейлоне состоит из одних штанов-лунгов и, в редком случае, чего-то вроде жилетки на голое тело. Став девочкой-подростком, Елена просто потеряла возможность расхаживать полуголой.

вая при том больше отваги, чем даже взрослый мужчина.⁴⁸ А ведь ей было всего семь лет! Помню, сэр, я раз потерял карманный ножик, которым она рассчитывала обрезать себе коротко волосы – так с каким отчаянием она пыталась вырвать их или перегрызть зубами! Что мне к этому добавить, сэр? Только то, что я могу лишь надеяться на Ваше терпение и снисходительность ко мне.

– В этом Вы можете быть уверены, мистер Невил, – ответил ему младший каноник. – Но поймите меня правильно: все мои усилия будут напрасны, если Вы сами не поможете мне. Тогда и Небеса помогут нам обоим.

– Я буду стараться, сэр.

– И я тоже буду стараться, мистер Невил. Вот Вам моя рука. Да благословит Господь наши предстоящие труды.

Теперь они снова стояли перед входной дверью и освещенными окнами жилища Криспарклов.

– Знаете что, мистер Невил, – сказал младший каноник, прислушиваясь к весёлым голосам и смеху, доносившимся из-за двери, – давайте-ка мы пройдем ещё кружочек. Поскольку мне хотелось бы задать Вам ещё вот какой вопрос:

⁴⁸ История побегов Невила и Елены также очень напоминает реальную историю бегства от злого отчима тринадцатилетней Констанции Кент и её родного брата Уильяма, случившуюся в Англии в 1857 году. История эта широко обсуждалась в газетах, и Диккенс не мог её не знать. Констанция, так же как и Елена, обрезала волосы и оделась мальчиком, и вместе с братом попыталась сбежать в Бристоль, чтобы покинуть Англию на корабле. История эта была частично использована Уилки Коллинзом в романе «Лунный камень».

когда Вы говорили о том, что Вы переменяли к лучшему Ваше представление обо мне, Вы имели в виду и Вашу сестру тоже? Или только себя?

– Я говорил от лица нас обоих, сэр. Как же иначе?

– Поправьте меня, мистер Невил, если я ошибаюсь, но мне казалось, что у Вас ещё не было случая узнать её мнение. Сначала мистер Хонитандер не давал никому и слова сказать, а потом мы пошли его провожать, а Ваша сестра осталась вместе с другими. Может, Вам не стоило бы говорить за Вашу сестру тоже, не узнав сначала точное её мнение?

Невил рассмеялся и покачал головой.

– Вы пока ещё не знаете, сэр, какое глубокое взаимопонимание существует между мною и Еленой. Нам не нужны слова, чтобы понять мысли друг друга. Часто достаточно одного лишь взгляда, а порою и он излишен. Вот мы сейчас разговариваем, сэр, а она там уже точно знает, о чём шла речь, и какие доводы я приводил в её и свою защиту.⁴⁹

Мистер Криспаркл недоверчиво покосился на своего спутника, но лицо Невила выражало такую уверенность в правоте своих слов, что младший каноник не нашёлся что возразить и потому молчал всю обратную дорогу до дома.

– Теперь я хотел бы кое о чём спросить Вас, сэр, – нару-

⁴⁹ В эпоху Диккенса особый род врождённого «безмолвного взаимопонимания» между близнецами считался чем-то само собой разумеющимся. Многие исследователи включали эту телепатию или месмеризм в собственные разгадки тайны романа. Высказывались даже предположения, что в конце главы Елена гипнотизирует Розу и заставляет ту стать своей подругой помимо её желаний.

шил молчание Невил, когда они уже подходили к дверям. – Этот мистер Эдвин Друд... кстати, я правильно произношу его имя?

– Вполне правильно.

– Так вот, этот мистер Друд... он тоже Ваш ученик, сэр?

– Нет, он учится в Лондоне. А сюда лишь приезжает иногда – навестить своего родственника, мистера Джаспера.

– А эта мисс Буттон... она тоже его родственница?

«Почему он спрашивает это, да ещё таким деланно-безразличным тоном?» – подумал мистер Криспаркл. Тем не менее он в нескольких словах объяснил Невилу, что Роза и Эдвин помолвлены уже много лет, с самого их детства.

– Ага, вот как! – пробормотал Невил. – Теперь-то я понимаю, почему он обращается с ней как с рабыней.

Эти сказанные вполголоса слова настолько очевидно не предназначались для ушей мистера Криспаркла, что тот решил тактично сделать вид, будто ничего сказано и не было. Вместо ответа он нажал на дверную ручку и пропустил Невила вперёд себя.

Когда они вошли, мистер Джаспер как раз сидел за пианино и аккомпанировал мисс Розе Буттон, дрожащим голоском исполнявшей какую-то старинную балладу. Играя без нот, мистер Джаспер не спускал пристального взгляда с лица и губ своей ученицы, то и дело мягким, но властным нажатием на ту или иную клавишу возвращая её неуверенное пение на правильный тон. Рядом с Розой стояла Елена, одной

рукой приобняв её за талию, глаза же её неотрывно следили за хормейстером. Обменявшись с сестрой беглым, но внимательным взглядом (и мистер Криспаркл не мог не заметить в нём то самое глубокое взаимопонимание, о котором ему только что рассказывали), Невил занял место сбоку от пианино, напротив певицы. Младший каноник сел рядом с матушкой и обменялся вежливой улыбкой с мистером Эдвином Друдом, который в этот момент рассеянно хлопывал себя по ладони веером, доверенным ему мисс Твинклтон. Престарелая же директриса, прикрыв глаза, внимала пению с такой же удовлетворённой улыбкой, с какой, наверное, соборный пристав мистер Топ каждый день наслаждался органной музыкой во время мессы.

Песня меж тем лилась дальше. Мисс Роза очень старалась, но то ли потому, что мистер Джаспер так пристально следил за её дрожащими губами, то ли потому, что в каждом интонированном нажатии клавиши пианино певице чудился мягкий, но властный шепот, исходящий из его уже губ – только пение её становилось всё более неуверенным, всё более нервным, пока, наконец, Роза не ударилась в слёзы и не воскликнула, спрятав лицо в ладони:

– Ах, я не могу больше! Мне страшно, я боюсь! Пожалуйста, уведите меня отсюда, уведите!

Быстрым, каким-то почти кошачьим движением подхватив начавшую уже оседать на пол Розу, Елена в мгновение ока положила несчастную красавицу на диван и, став возле

неё на колени и прикрыв смуглой ладонью её вздрагивающие губы, успокаивающе протянула ладонь другой руки к окружающим, как бы удерживая их на расстоянии.

– Ничего страшного, ничего, прошу вас! Не беспокойте её, дайте ей прийти в себя, и через минуту с ней всё будет снова в порядке!

Джаспер, замерший перед пианино и не повернувший даже и головы на шум, плавным движением отнял пальцы от клавиш и, слегка пошевеливая ими в воздухе, как бы продолжил беззвучно играть дальше. Даже и тени беспокойства не отразилось на его лице, в то время как все остальные пребывали в смятении и движении.⁵⁰

– Киска просто не привыкла выступать перед публикой, вот в чём дело, – с натянутой улыбкой сказал Эдвин Друд. – Поэтому она так занервничала. Право, Джек, ты такой требовательный учитель! Немудрено, что она тебя так боится.

– Немудрено, – эхом отозвалась Елена.

– Видишь, Джек! Наверное, мисс Ландлесс, Вы бы тоже упали в обморок перед ним, в такой-то ситуации!

– Ни в какой ситуации, – резко ответила Елена.

Джаспер, покосившись на неё через плечо, вежливо и вполголоса поблагодарил Елену за такое глубокое понима-

⁵⁰ Манера Джаспера в минуту сильного душевного волнения беззвучно наигрывать в воздухе над клавишами пианино очень напоминает манеру главного героя романа Троллопа «Смотритель» во время раздумий «играть» на невидимой виолончели. Как уже отмечалось ранее, роман «Смотритель» имеет очень много общего с сюжетом «Тайны Эдвина Друда».

ние его характера. Затем он снова принялся беззвучно наигрывать, не касаясь пальцами клавиш, пока Розу за его спиной отпаивали водой и подводили глотнуть свежего воздуха к приоткрытому окну. Когда же Роза, благодаря всех, вернулась на своё место, стул перед пианино уже пустовал.

– Джек уже ушёл, Киска, – объяснил Эдвин Друд. – Думаю, ему не понравилось, как ты выставила его чуть ли не монстром, которого нужно бояться.

Роза на это ничего не ответила и лишь зябко передёрнулась.

Тут мисс Твинклтон принялась благодарить миссис Кри-спаркл за чудесный вечер и сетовать, что уже слишком поздно находиться вне уютных и надёжных стен «Приюта Монахинь». Общество восприняло эти сожаления как сигнал расходиться, и двое юношей практически одновременно высказали огромное желание сопроводить юных леди до дверей школы – что и было исполнено, и уже через десять минут прелестные воспитанницы были без приключений водворены в пределы своей обители.

Прочие школьницы все уже спали, и лишь миссис Тишер несла свою одинокую вахту, ожидая директрису и её подопечных. Елене было постелено в комнате Розы, и после некоторых положенных по случаю объяснений и наставлений девушкам пожелали приятных снов и оставили их одних.

– Удивительно, милочка, как всё устроилось к лучшему, –

сказала Елена, расправляя одеяло. – А то я ведь весь день боялась, что меня будут вам представлять, выведя перед строем, а вы будете меня разглядывать.

– Ах, нас тут и не наберётся на целый строй, – ответила Роза, – да и девочки у нас добрые и воспитанные. По крайней мере, все прочие. За них-то я могу поручиться.

– А я могу уже поручиться за тебя, – с улыбкой заметила на это Елена, беря руку Розы и смотря ей в глаза. – Чувствую, мы будем подругами.

– Ну, я бы хотела... Но, знаешь, глупо думать, что я могу быть кому-либо хорошей подругой. Особенно тебе.

– Почему же?

– Ах, потому что я ещё ничего из себя не представляю, а ты уже такая взрослая и красивая! И ты сильная, ты можешь меня одним пальцем побороть. В сравнении с тобою я ничто.

– Дорогая моя, на самом деле я почти не образованна и напроць лишена хороших манер, мне ещё учиться и учиться! Я знаю это, и я глубоко этого стыжусь!

– Но ты признаёшься в этом – мне!

– Разве могло быть иначе, красавица моя? В тебе есть что-то, располагающее к признаниям.

– Ах, неужели? – воскликнула Роза в шутовой обиде. – Как жаль, что Эдди не чувствует того же!

Елене не нужно было объяснять все особенности отношений между Эдвином и Розой, так как мисс Твинклтон ещё

в доме младшего каноника не удержалась, чтобы не посплетничать.

– Как же так, да он просто обязан любить тебя всем сердцем! – воскликнула Елена с почти гневной серьёзностью в голосе.

– Ах, возможно он-то и любит... – обиженно протянула Роза. – Наверное, я не вправе в этом сомневаться. Наверное, это всё моя вина. Наверное, это я недостаточно мила с ним. Но, право, это всё такая глупость!

Елена посмотрела на неё непонимающе.

– Глупость, что мы с ним жених и невеста, – объяснила Роза, – Потому что мы с ним постоянно ссоримся.

– Из-за чего?

– Как это, из-за чего?! Из-за того, дорогая моя, что мы оба понимаем, насколько это всё нелепо! – воскликнула Роза с таким видом, будто это был самый очевидный ответ на свете.

На что Елена, заглянув Розе в глаза властным взглядом и крепко сжав её ладони, сказала:

– Будешь моей подругой и поможешь мне?

– Ах! Ну, конечно же! – ответила Роза таким по-детски доверительным тоном, что Елена не могла ей сразу же не поверить. – Если такое слабое создание, как я, вообще может быть подругой такой королеве, как ты! Но и ты помоги мне, пожалуйста! Я сама себя не понимаю – так может, ты будешь той подругой, которая меня поймёт?

Елена с улыбкой поцеловала её и, отпустив её ладони, спросила:

– А мистер Джаспер? Кто он такой?

– Он дядя Эдвина, – ответила Роза, отводя взгляд. – И ещё он мой учитель музыки.

– И ты его не любишь.

– Ой, нет! – замотала головой Роза, закрыв лицо руками и содрогаясь, будто от отвращения.

– А ты знаешь, что он тебя любит?

– Ах, нет, нет, пожалуйста, не надо! – закричала Роза, падая на колени и прижимаясь к своей новой защитнице. – Не говори о нём! Я боюсь его! Он мне снится по ночам, преследует меня, будто кошмарный призрак! От него нигде нельзя скрыться! Мне кажется, что, называя его имя, ты будто призываешь его, и он сейчас войдёт сюда – через стену!

И Роза, действительно, с ужасом оглянулась, как будто и вправду ожидала увидеть в тёмном углу привидение.⁵¹

– Расскажи-ка мне чуть больше обо всём этом.

– Да-да, конечно, я всё тебе расскажу. Потому что ты сильная, ты защитишь меня.

– Дитя моё, ты так говоришь это, как будто он насыляет

⁵¹ Страхи Розы, что если имя Джаспера будет названо, то он тут же явится сквозь стену, отсылает нас не только к пословице «не поминай черта к ночи», но и к предыдущему роману Диккенса «Наш общий друг». Там один из действующих лиц, убийца Брэдли Хедстоун, объясняясь в любви героине, заявляет ей: «Если меня запрут в тюрьму – я разобью стены и всё равно приду и заполучу вас!».

на тебя какие-нибудь тёмные чары...

– Он никогда не угрожал мне... прямо.

– Что же он тогда делал?

– Он всего лишь смотрел на меня, но он одним взглядом делал меня своей рабыней. Он без единого слова заставлял меня заглядывать ему в душу, и без единой угрозы заставлял меня молчать о том, что я там видела. Когда я музицирую, он не отрывает взгляда от моих рук. Когда я пою, он не отрывает взгляда от моего лица. Когда я из-за этого ошибаюсь в тоне или аккорде, он поправляет меня – но так, как будто он при этом признаётся мне в любви! Признаётся и запрещает мне рассказывать об этом кому-либо! Я боюсь поднять на него взгляд, но что толку? Даже с закрытыми глазами я ощущаю, как он смотрит на меня. Даже когда взгляд его порой мутится – а с ним бывает иногда что-то вроде приступов, делающих его ещё отвратительнее и опасней – даже тогда он держит меня в своей власти и заставляет ощущать свою близость ещё мучительнее.

– Но что же это за такая безмолвная угроза, милочка? Чем же он тебе угрожает?

– Ах, я не знаю! Я не решаюсь даже и подумать, что это может быть!

– И сегодня вечером ты тоже это чувствовала?

– Особенно сегодня вечером. Когда он смотрел на мои губы, мне казалось, что он незримо целует их – и от этого мне было не только страшно, но ещё и невыносимо стыдно!

Но прошу тебя, только никому ни слова! Особенно Эдди – ведь он так любит своего дядюшку! Ты сегодня сказала, что ни в коем случае не упала бы перед ним без чувств, поэтому я и отважилась рассказать тебе обо всём – тебе, и только тебе! Ах, обними меня покрепче и не отпускай! Мне так страшно было бы остаться одной!

Смуглое лицо склонилось над заплаканным светлым, смуглые руки обняли трепещущие светлые плечи, и смоляные чёрные волосы, пав, укрыли хрупкую детскую фигурку, словно ангельскою защитой. Чёрные глаза блеснули грозным огнём, хотя и смягчённым состраданием и любовью. Пусть побережется тот, кому предназначается этот взгляд!

Глава VIII.

На ножах

Проводив девушек, двое молодых людей неторопливо возвращаются по залитой лунным светом Главной улице Клойстергэма.⁵²

– Когда уезжаете, мистер Друд? – спрашивает Невил.

– Ну не прямо сейчас, конечно, – беззаботно отвечает Эдвин. – Завтра с утра. Но я буду здесь ещё появляться наездами. А летом я покину и Клойстергэм, и даже Англию... И, полагаю, весьма надолго.

– Отправитесь путешествовать?

– Да, поеду немного расшевелить Египет, – следует самоуверенный ответ.⁵³

⁵² В этой главе Диккенс снова возвращается к повествованию в настоящем времени. Этим техническим приёмом он не позволяет читателю проникнуть в мысли Джаспера, и нам остаётся лишь гадать, какие у него планы, и почему хормейстер поступает так, а не иначе. Интересно, что мысли прочих действующих в этой главе лиц Диккенс передаёт совершенно открыто, и только Джаспер остаётся для нас «слепым пятном».

⁵³ Слова Эдвина о том, что он «собирается немножко расшевелить Египет» показывают, что он, как инженер, собирается принять участие в намечавшемся уже в те годы строительстве Суэцкого канала. Хотя «Организация по строительству канала в Суэце» была образована несколькими годами позднее 1842 года (т.е. времени событий романа) англичане уже тогда всю вели на перешейке изыскательские работы.

– А сейчас Вы учитесь?

– Учусь?! Не-ет... – отвечает Эдвин с ноткой презрения в голосе. – Я инженер – я не учусь, а делаю! Работаю, так сказать, руками и головой! Мой отец был инвестором в одной солидной фирме, и его пай станет моим, когда я достигну совершеннолетия. До той поры Джек – Вы имели честь познакомиться с ним за ужином – является моим опекуном и банкиром.⁵⁴

– От мистера Криспаркла я узнал, что Вам и ещё кое в чём повезло, не так ли?

– Это в чём же мне, по-Вашему, повезло? – резко спрашивает Эдвин, останавливаясь посреди улицы.

Невил, который задал свой вопрос намеренно провоцирующим тоном, также останавливается, и оба молодых человека обмениваются враждебными взглядами.

– Надеюсь, мистер Друд, – вызывающе вежливо произносит Невил, – я не обидел Вас упоминанием о Вашей помолвке?

– Чёрт вас всех побери! – раздражённо кричит Эдвин и, отвернувшись, шагает дальше так быстро, что Невилу при-

⁵⁴ Интересно отметить, что Эдвин называет Джаспера не только своим опекуном, но и «банкиром», т.е. лицом, которому было доверено управление наследством Эдвина до момента его совершеннолетия. Сами деньги лежали в банке, и выдавались Эдвину в пределах тех сумм, на которые Джаспер давал письменное разрешение. Каждые три месяца Эдвин приезжал в Клойстергэм за очередным разрешением. Денежная сторона крайне важна в романе, поскольку она является одним из возможных мотивов преступления.

ходится почти бежать. – В этой проклятой дыре слишком любят сплетничать! Все, буквально все в курсе моей личной жизни! Удивляюсь, как никто ещё не открыл распивочную под названием «У счастливого жениха» с моим портретом на вывеске!

– Если мистер Криспаркл что-то и рассказал мне, то в этом нет никакой моей вины, – возражает Невил.

– Да никто Вас и не винит, – машет рукой Эдвин.

– Я вижу теперь, что мне не стоило рассказывать Вам об этом, – продолжает Невил. – Просто я полагал, что Вам приятно будет это услышать. Ведь такой помолвкой можно только гордиться!

Заметим, что ситуация в этот момент до забавного симметрична. Невил Ландлесс, с первого взгляда влюбившийся в прекрасный Розовый Бутончик, не на шутку возмущён, что Эдвин Друд, который не стоит и мизинца своей невесты, так легкомысленно относится к доставшемуся ему сокровищу. А Эдвин Друд, поражённый в самое сердце цыганской красотой Елены Ландлесс, весьма разгневан тем, что ничего из себя не представляющий брат красавицы так задирает нос и, судя по всему, и в грош не ставит его, Эдвина.

– Знаете что, мистер Невил, – высокомерно отвечает Эдвин Друд, желая, чтобы последнее слово в этом споре непременно осталось за ним, – если человек чем-либо гордится, то ему совсем не обязательно хочется, чтобы о предмете его гордости судачили на всех перекрёстках. Но я че-

ловек занятой и, может быть, отстал от жизни. Вы же, как я понимаю, человек наилучшим образом образованный – и по части сплетен, и по части всего остального – так, может быть, Вы поправите меня, если я ошибаюсь?

После этих презрительных слов ситуация накаляется до предела: теперь Невил пребывает в бешенстве очевидном, а Эдвин Друд – в тщательно скрываемом. Оба останавливаются. Невил, сжимая кулаки, пристально смотрит в лицо Эдвину; тот же делает вид, будто любит луну и звездами.

– Я нахожу не слишком воспитанным с Вашей стороны, – сквозь зубы произносит Невил, – попрекать незнакомого человека его недостаточной образованностью, тем более когда он специально для того и приехал, чтобы это образование получить. Но я вырос среди дикарей, а не среди таких «занятых людей», как Вы, поэтому мои понятия о вежливости и воспитанности могут отличаться от ваших, столичных.

– У нас тут «в столицах» – цедит Эдвин Друд, – считается вежливым и воспитанным, если человек не суёт носа в чужие дела. Если бы Вы, мистер Невил, показали бы мне в том пример, я бы с удовольствием ему последовал – даже если Вы и воспитывались среди дикарей.

– Вы слишком много себе позволяете, мистер Друд! – повышает голос Невил Ландлесс. – У нас на Цейлоне за такие слова Вас уже давно заставили бы отвечать!

– Это кто тут собрался меня заставить?! – презрительно спрашивает Эдвин Друд, поворачиваясь к противнику и по-

крепче перехватывая трость.

Но в этот момент на его плечо вдруг ложится тяжёлая рука, и Джон Джаспер становится между уже изготовившимися к драке молодыми людьми. Похоже, хормейстер прогуливался где-то неподалёку от «Приюта монахинь», а теперь незаметно и бесшумно догнал спорщиков, оставаясь невидимым в тени домов.

– Нэд, Нэд, мой мальчик! – говорит он, крепко сдавливая плечо племянника. – Довольно, прекрати! Мне это не нравится. Я слышал тут слова, которые лучше было бы не проносить. Не забывай, дорогой мой, о нашем традиционном гостеприимстве. Мистер Ландлесс – наш гость, поэтому, пожалуйста, относись к нему соответственно. А Вы, мистер Невил, Вы тоже должны смирить Ваш темперамент, уж простите за откровенность. Что это на вас нашло? Нет уж, давайте, скажите мне, что ничего особенного тут не случилось, и беспокоиться никому не о чем. Мы все трое – хорошие друзья, а между друзьями ведь чего только не бывает, верно?

С этими словами Джаспер кладёт вторую руку на плечо Невила и чуть пригибает книзу и его.

– Что касается меня, Джек, – хмыкнув, говорит Эдвин Друд, – то я вовсе не злюсь.

– Я тоже нет, – выдавливает Невил. – Просто я хочу сказать, что если бы мистер Друд знал всё, что мне пришлось пережить на родине, он мог бы лучше понять, почему некоторые слова могут ранить до крови.

– Вероятно, нам всем стоило бы воздержаться от оценок чьего-либо понимания, – успокаивающим тоном прерывает его Джаспер. – Вот только что Нэд честно и открыто заявил, что он не держит на Вас зла. А Вы, мистер Невил, можете честно и открыто сказать о себе то же самое?

– Да, конечно, мистер Джаспер, – после паузы произносит Невил. В голосе его, однако, не чувствуется особой честности и открытости.

– Вот и хорошо, теперь забудем об этом! Что ж, друзья мои, мы всего лишь в паре шагов от моего холостяцкого жилища, где уже и чайник на огне, и вино с бокалами на столе. Нэд уезжает с утра, так почему бы нам троим не зайти сейчас и не выпить за то, чтобы ему завтра удачнее ехалось?

– Ты же знаешь, Джек, что я всегда готов зайти и выпить!

– Я тоже, мистер Джаспер, – добавляет Невил, поскольку чувствует, что в сложившейся ситуации отказаться невозможно. Он стыдится того, что вышел из себя, поддавшись на подначивания Эдвина Друда, который сейчас так очевидно бравирует своим показным великодушием и беззаботностью.

Мистер Джаспер, который так и шагает, обнимая обоих юношей за плечи, своим превосходным баритоном затягивает первый куплет застольной песни, и таким порядком они заходят в арку под жилищем хормейстера и поднимаются по лестнице к двери. В комнате тепло, и мягким красным огнём горит лампа, освещающая незамысловатую обстановку.

ку – и портрет юной красавицы над камином. Войдя, оба молодых человека на несколько долгих секунд задерживают взгляд на этом рисунке, и у обоих во взгляде явно читается сожаление (впрочем, поводы для него у обоих весьма различны). Наблюдательный Джаспер, в ту же секунду догадавшийся об истинной причине только что произошедшей между юношами ссоры, с улыбкой указывает им на портрет.

– Узнаёте это лицо, мистер Невил? – спрашивает он, поднося лампу поближе.

– Да, нельзя не узнать. Хотя до оригинала портрет далеко не дотягивает.

– Экий Вы привередливый! Между прочим, это Нэд нарисовал его и подарил мне.

– Ох, я прошу прощения, мистер Друд, – восклицает Невил, неподдельно смущённый своим промахом. – Если бы я знал, что тут присутствует сам автор...

– Да перестаньте Вы, сэр, это же только набросок, – говорит Эдвин, зевая в ладонь. – Можно даже сказать – карикатура на Киску. Вот если она будет себя хорошо вести, то я тогда нарисую уже настоящий её портрет, красками.

Пренебрежительный и безразличный тон, которым Эдвин, развалившись в кресле и заложив руки за голову, произносит эти слова, снова пробуждает гнев в душе Невила. Джаспер, смерив обоих молодых людей оценивающим взглядом, понимающе усмехается и отворачивается к камину, чтобы размешать сахар и пряности в кастрюльке, в ко-

торой на огне медленно закипает вино. Надо отметить, что вся эта процедура – помешивания, добавления специй, пробы на вкус и снова помешивания – занимает у него необычно много времени.⁵⁵

– Я подозреваю, мистер Невил, – нарушает молчание Эдвин Друд, от которого не укрылось возмущённое выражение лица Невила – такое же, впрочем, очевидное, как и портрет на стене или пианино в углу комнаты, – что если бы Вы рисовали портрет вашей возлюбленной...

– Я не умею рисовать, – обрывает его Невил.

– Очень жаль, конечно, но это и не всякому дано. Но вот если бы Вы умели, то уж наверное изобразили бы её красивее всех богинь Олимпа... Или как?

– У меня нет возлюбленной, поэтому я не могу ответить.

– Вот если бы мне пришлось рисовать портрет мисс Ландлесс... не такой вот набросок, а именно настоящий портрет, – мечтательно говорит Эдвин, не замечая своей почти мальчишеской хвастливости, – вот тогда бы Вы увидели, какую красоту я могу нарисовать!

⁵⁵ Среди исследователей романа практически общепринятой является мысль, что Джаспер потому так долго приготавливает горячее вино, что добавляет в него кроме специй ещё и толику опиума. Действительно, небольшое количество опиума, принятое с алкоголем, обладает не седативным, а возбуждающим действием. При этом все симптомы такого наркотического опьянения описаны Диккенсом совершенно точно – покраснение, затруднённая речь и движений, головокружение и шум в ушах. Таким образом, можно считать доказанным, что Джаспер сознательно пытается разжечь между юношами склоку и довести дело до драки.

– Сначала Вам пришлось бы получить её согласие позировать, сэра. А поскольку она Вам такого согласия никогда не даст, то мне остаётся лишь сожалеть, что я так никогда и не увижу всей силы Вашего мастерства. Хотя, я подозреваю, невелика и потеря!

Джаспер возвращается к столу с бокалами вина в руках. Один бокал он вручает Невилу, другой отдаёт Эдвину, наливает также и себе и с улыбкой произносит:

– Давайте выпьем за моего племянника! Скоро, совсем скоро покинет он нас, но пока он ещё с нами – выпьем же за него! Эдвин, дорогой мой, мы пьём за твоё здоровье!

Показывая юношам пример, Джаспер, не отрываясь, осушает свой бокал, и Невилу приходится поднапрячься, чтобы не отстать от него. Эдвин Друд благодарит обоих за оказанную ему честь и тоже пьёт до дна. Вино горячо, бокалы глубоки, но желание не ударить в грязь лицом перед соперником ещё глубже.

– Нет, Вы только посмотрите на него, мистер Невил! – восклицает Джаспер, указывая на Эдвина жестом дружеским, но вместе с тем и слегка насмешливым. – Как замечательно он устроился – и тут, и вообще! Весь мир лежит у его ног, и ему нужно только наклониться, чтобы поднять любые его богатства! Захочет – и получит интересную и доходную работу, захочет – будет жить жизнью, полной путешествий и приключений, а не захочет – может выбрать семейный уют и любовь! Нет, Вы только посмотрите на его довольное лицо!

Лицо Эдвина Друда в этот момент довольно-таки красное – то ли от выпитого вина, то ли по какой-то другой причине. Лицо Невила раскраснелось тоже. Поджав губы, он внимательно смотрит на разлѐгшегося в кресле и заложившего ногу на ногу Эдвина.

– И как мало ценит он своё счастье! – продолжает Джаспер. – Ему буквально лень протянуть руку и сорвать тот золотой плод, который зреет для него на ветке. И как разительно отличается он в этом от нас обоих, мистер Невил! Нас-то с Вами не ждут ни интересная работа, ни путешествия, ни семейное счастье... Хотя Вам-то, может быть, и улыбнётся ещё удача. А вот я... меня ждёт только скучное и унылое прозябание в этой богом забытой дыре!

– Ну, перестань, Джек, – пьяно растягивая слова, говорит Эдвин. – Я что, должен перед вами теперь извиниться за всё это, что ли? Да и потом, ты же знаешь, что отнюдь не всё обстоит так солнечно. Я имею в виду все эти неприятности с Киской. Но мы с нею справимся, я уверен... Постепенно я с ней справлюсь...

И он вытягивает руку в сторону портрета своей невесты и громко щёлкает пальцами. Джаспер тут же переводит выжидательный взгляд на мгновенно побледневшего Невила.

– Мне кажется, – начинает Невил, и видно, как трудно даются ему эти слова, – мне кажется, что мистер Друд ведёт слишком уж беззаботную жизнь. Мне кажется, что ему не помешало бы... получить от судьбы парочку уроков!

– Вот как? – отвечает Эдвин, покосившись на говорящего. – Почему бы это?

– Да, – подключается Джаспер. – Хороший вопрос, мой мальчик! Действительно, почему?

– Потому что тогда он, может быть, глубже прочувствует, насколько он не достоин того счастья, которое ему так легко досталось! Счастья, которого он вовсе не заслужил!

Мистер Джаспер быстро переводит взгляд на моментально выпрямившегося в кресле племянника.

– А Вы? – резко говорит Эдвин. – Вы сами-то, позвольте спросить, получали такие уроки от судьбы?

Мистер Джаспер так же быстро переводит глаза на Невила.

– Да, я получал! – говорит тот.

– И что же Вы выучили?

– Я Вам уже сказал – там, на улице!

– Что-то я не припомню.

– Могу и повторить! Я говорил, что Вам не следовало бы слишком уж задаваться!

– Но Вы ещё что-то там такое сказали, мне помнится.

– Да, сказал!

– И сможете повторить, здесь и сейчас?

– Я сказал Вам, что у нас на Цейлоне Вас давно бы уже заставили отвечать за свои слова!

– Ах, на Цейло-оне!.. – восклицает Эдвин с презрительным смехом. – Чуть-чуть далековато, мне кажется! Такие ве-

щи легко говорить – с такой-то безопасной дистанции!

– Хорошо! Тогда и здесь тоже! Здесь, там, где угодно! – вне себя от гнева кричит Невил. – Я и здесь скажу: у вас слишком раздутое самомнение! Вы держите себя так, будто вы невесть какой талант и сокровище, а на самом деле вы – напыщенный индюк! Да-да, вы самое обыкновенное ничтожество, и самый обыкновенный индюк!

– Ну и ну, поглядите-ка! – цедит Эдвин, тоже взбешенный, но ещё контролирующийся себя. – Похоже, вы изрядно разбираетесь в индюках, мистер! Конечно! Я и забыл! Индюк-то – это ведь индийский петух! Тогда и не удивительно – вы же среди них выросли! Наверное, среди вас, туземцев, это так принято – называть друг друга при встрече индюками, но я бы посмотрел, как бы вы сказали такое вашему белому господину!

Этот оскорбительный намёк на тёмный цвет кожи Невила доводит юношу до последнего градуса бешенства: он выплёскивает остатки вина в лицо Эдвину и, занеся руку с бокалом для удара, бросается на обидчика – Джаспер едва успевает его перехватить.

– Нэд, дорогой мой, не надо! – громко кричит Джаспер, оттаскивая Невила. – Прекратите, прошу вас! Прекратите, я приказываю вам, хватит! Мистер Невил, стыдитесь! Руки прочь, сэр! Разожмите кулак, дайте мне бокал! Дайте мне сейчас же бокал, говорю Вам!

Но Невил с силой отталкивает его и долгую секунду мед-

лит с бокалом в поднятой руке, ничего не видя вокруг себя от бешенства. Затем он что было силы швыряет бокал в камин – так, что осколки разлетаются брызгами по всей комнате – поворачивается и выбегает вон из дома.

Холодный ночной воздух обжигает его разгорячённое лицо; багровая пелена, застилающая ему глаза, делает все предметы и дома вокруг него зыбкими и нечёткими; всё шатается и плывёт, и Невилу кажется, что он стоит в самой середине кроваво-красного шторма, что со всех сторон к нему подступают враги, и ему предстоит биться с ними, биться без жалости и до самой смерти.

Но никто не нападает на него из-за угла, и луна светит так печально и холодно, как если бы он давно уже умер от разорвавшей ему сердце ненависти. Кровь стучит ему в виски паровым молотом; он сжимает голову руками и плетётся прочь, слыша, как за его спиной спешно запирают на ключ двери, отгораживаясь от него, будто от бешеной собаки. Что же ему теперь делать-то?!

В голове его мелькает дикая мысль броситься в реку, но её тут же прогоняют другие мысли, и прежде всего – о сестре, и о том добром человеке, который лишь пару часов назад одарил его своим доверием, и которому он поклялся сдерживать свои порывы. С поникшей головой он бредёт через залитое лунным светом соборное подворье, вдоль кладбищенской решетки, мимо могил и надгробий, по направлению к домику младшего каноника, и там тихонько стучит в дверь.

Преподобный Криспаркл ещё не спит – он сидит за пианино и тихонько, чтобы не потревожить покой матушки, наигрывает свои любимые места из хоралов и ораторий. Прислуга давно отправилась домой, поэтому мистер Криспаркл со свечой в руке сам выходит отворить Невилу. Но умиротворённое выражение на лице каноника сразу же сменяется озабоченным, едва он видит стоящую на пороге взлохмаченную фигуру.

– Мистер Невил! Что с Вами? На Вас лица нет!

– Я был у мистера Джаспера, сэра. С его племянником.

– Входите скорее.

Мистер Криспаркл крепко берёт своего воспитанника под локоть – этот его жест весьма похож на особый боксерский захват, должный лишить противника возможности сопротивляться – и ведёт Невила в гостиную.

– Я плохо начал, сэра. Я чертовски плохо начал.

– Похоже на то. Вы не трезвы, мистер Невил.

– Боюсь, Вы правы, сэра. Но я готов поклясться, что выпил очень мало, всего-то пару глотков! Но и эта малость почему-то ударила мне в голову, и очень быстро. Необычайно быстро.

– Ах, мистер Невил, мистер Невил, – с грустной улыбкой говорит младший каноник, озабоченно покачивая головой, – сколько я уже слышал подобных оправданий...

– Я думаю, сэра... я не знаю, что и думать, сэра, но мне кажется... мне кажется, что племянник мистера Джаспера то-

же сходным образом опьянел, сэр. Сильно и быстро.

– Очень может быть, – сухо отвечает младший каноник.

– Мы повздорили, сэр. Он оскорбил меня, оскорбил самым непростительным образом. Он всё сделал для того, чтобы у меня кровь вскипела – та тигриная кровь, о которой я Вам рассказывал, сэр.

– Мистер Невил, – вежливо, но твёрдо прерывает его младший каноник. – Я попрошу Вас не сжимать кулаки, когда Вы разговариваете со мной. Пожалуйста, разожмите их.

– Он меня буквально раздражил, сэр, – продолжает Невил, немедленно послушавшись, – буквально раздражил, и сделал это специально. То есть я не знаю – специально или нет – но на то было очень похоже. А в конце он совершенно осознанно меня оскорбил! Короче говоря, сэр, я готов был его в кашу измолотить. И я попытался это сделать, видит бог, попытался!

– Вы опять сжали кулаки, – негромко замечает младший каноник.

– Простите, сэр.

– Что ж, Вы знаете уже, где Ваша комната – я показывал её вам перед ужином. Тем не менее я Вас туда провожу. Вашу руку, если позволите... Так, а теперь пойдём, но тихонечко, а то все уже спят...

Зажав руку Невила точно в том же боксёрском захвате, что и раньше, мистер Криспаркл препровождает своего воспитанника в приготовленную ему заранее небольшую,

но уютно обставленную комнату. Там молодой человек падает в кресло и с видом глубочайшей подавленности и отвращения к себе закрывает лицо ладонями. Младший каноник, посчитав, что любые нравоучения сейчас только ухудшат состояние юноши, беззвучно прикрывает за собой дверь, пожелав ему напоследок доброй ночи. Услышав в ответ лишь подавленный всхлип, мистер Криспаркл уходит – с мыслью, что раскаяние в собственных скверных поступках является первым шагом на пути к исправлению.

Стук во входную дверь выводит его из задумчивости. За дверью обнаруживается мистер Джаспер со шляпой Невила в руке.

– У нас там бог знает что случилось, – сообщает Джаспер, понизив голос.

– Что, настолько плохо?

– Едва до убийства не дошло!

– Нет, прошу Вас, не преувеличивайте! – протестует мистер Криспаркл.

– Я не преувеличиваю, сэр, я говорю как есть! Ещё секунда – и мой дорогой мальчик лежал бы у моих ног мёртвым! Если бы я не бросился убийце наперерез, если бы не схватил его за руку, то моего дорогого племянника измолотили бы в кашу прямо у меня дома!

«Боже, – мелькает в голове у младшего каноника мысль, – да это же его собственные слова!».⁵⁶

⁵⁶ Тому, что Джаспер так точно повторяет собственные слова Невила, есть про-

– Если бы видели, сэр, тот ужас, который я видел сегодня! – продолжает Джаспер. – Мне теперь и не уснуть будет! А что, если они опять встретятся – мой дорогой мальчик и этот... дикарь? И рядом не окажется никого, кто смог бы вмешаться и предотвратить страшное? Это было ужасно, сэр, просто ужасно. Словно у него вскипела тигриная кровь в жилах!

«Его слова, его собственные слова!» – снова мысленно поражается младший каноник.

– Он опасен, сэр, – не унимается Джаспер, – он опасен для всех и, в первую очередь, для Вас лично!

– Это очень мило с Вашей стороны, Джаспер – так беспокоиться за меня, – с улыбкой возражает младший каноник, – но я совершенно уверен, что мне ничто не угрожает.

– А вот я уже совсем не уверен, сэр! – отрезает хормейстер. – Он может быть не опасен для меня, поскольку я не являюсь предметом его звериной ненависти, но вот Вы, сэр... да и другие тоже... они вполне могут испытать на себе то, что сегодня едва не испытал мой племянник. Спокойной ночи, сэр, если она теперь вообще может называться спокойной!

Мистер Криспаркл закрывает за хормейстером дверь

стойкое объяснение – его острый слух позволил ему подслушать разговор Невила и каноника, когда в предыдущей главе оба они прогуливались рядом с приоткрытыми окнами жилища Криспарклов. Окна приоткрыты и в этой главе, поскольку на улице слышно, как каноник тихонько наигрывает на пианино, а сам он отлично слышит тихий стук Невила в дверь. Перед тем как постучать, Джаспер тоже мог стоять и подслушивать под дверью разговор, происходивший в гостиной.

и остаётся стоять со шляпой своего трудного воспитанника в руках. Затем он вешает её на крючок в прихожей, и в глубокой задумчивости поднимается в свою спальню.

Глава IX.

Птички в клетке⁵⁷

Розе едва исполнилось семь лет, когда она осиротела и осталась совсем одна на свете. С той поры её домом был «Приют Монахинь», а мисс Твинклтон худо-бедно заменяла ей мать. Когда Роза пыталась вспомнить свою собственную матушку, одно воспоминание заслоняло ей все остальные: как ту, худенькую и хрупкую, в лёгком летнем платье и с венком из полевых цветов на мокрых распущенных волосах, на руках принесли в дом отца Розы, принесли мёртвую – она утонула в реке во время воскресного пикника. В память маленькой Розы врезалось и безумное отчаяние, которое поначалу овладело её бедным отцом – отчаяние, сменившееся затем глухой безнадежной тоской и закончившееся смертью от разрыва сердца в первую же годовщину случившейся тра-

⁵⁷ Оригинальное название девятой главы у Диккенса звучит как «Birds in the Bush» (птицы в кустах), что является частью английской пословицы «Лучше одна птица в руках, чем две в кустах». Русский аналог этой пословицы – «лучше синица в руках, чем журавль в небе». Обычно название главы так и переводят: «Журавли в небе». Однако содержание главы не имеет ничего общего со смыслом пословицы и не убеждает довольствоваться меньшим и не гнаться за большим. Выражение «Birds in the Bush» тут надо понимать буквально: соученицы Розы, словно стая птиц на ветках куста, устраивают переполох в школе или, может быть, сама Роза чувствует себя птицей, запертой в клетке. Поэтому у я и перевёл название главы как «Птички в клетке».

В этот несчастный год и было заключено знаменитое соглашение о её помолвке с Эдвином Друдом, сыном близкого друга отца Розы, который не нашёл в себе сил противиться просьбам пребывающего в глубоком трауре школьного товарища. Но и мистер Друд, сам к тому времени бывший уже вдовцом, тоже скоро покинул этот бранный мир, оставив помолвленную юную пару в том состоянии, в котором мы и нашли её к началу нашего рассказа.

С той поры Розовый Бутончик рос и расцветал, не покидая стен «Приюта Монахинь», и постепенно превратился в очаровательную, жизнерадостную, несколько своевольную, но очень милую молодую леди, как две капли воды похожую на свою оставшуюся навсегда молодой покойную матушку. И все эти годы Роза была всеобщей любимицей в школе, и её соученицы наперебой спешили одарить её своей дружбой и прочими подарками – спорили, кому из них выпадет честь пригласить её к себе домой на каникулы, соревновались, кому она напишет больше дружеских писем, и заключали пари, встрече с какой из девочек она будет радоваться больше всего, возвратившись осенью в школу.

Конечно же, необычная помолвка Розы и всё, что с ней

⁵⁸ Трагическая история, произошедшая в детстве Розы – самоубийство её матери, а затем и отца – является одной из пружин сюжета романа. Это и есть те «скелеты в шкафу» (то есть семейные тайны), о которых Эдвин мельком упоминает во второй главе. Отметим попутно, что в год смерти матери Розы Эдвину было примерно девять лет, а Джасперу пятнадцать.

связано, служили темой бесконечных пересудов и непреходящего интереса среди прочих юных леди, не исключая, впрочем, и прислуги. Так и сегодня весть о том, что мистер Невил и Эдвин Друд поспорили и даже чуть не подрались на квартире учителя музыки, облетела весь немаленький дом со скоростью сороки, несущей на хвосте свежую сплетню. Трудно сказать, кто первый принёс в «Приют Монахинь» эту новость – то ли молочник вместе с молоком, то ли булочник вместе со свежим хлебом, то ли её первыми услышали служанки, когда выбивали половики на крыльце – но ещё до завтрака наслышаны о ней оказались все.⁵⁹ И с каждым новым пересказом новость обрастала всё более ужасными подробностями:

– Брат этой новенькой мисс Ландлесс бросил бокалом в мистера Эдвина Друда!

– Брат мисс Ландлесс по имени Невил бросил бутылкой в мистера Эдвина Друда!

– Невил Ландлесс бросился с ножом на мистера Эдвина Друда!

А кое-кто из девочек младших классов даже утверждал, что Невил бросился на Эдвина Друда не только с ножом,

⁵⁹ Известие о драке Невила и Эдвина в «Приют Монахинь» пришло, разумеется, не от Джаспера. Новость туда принесла миссис Топ, которая слышала все крики в комнатах у жильца (Джаспер же снимает у Топов квартиру). Миссис Топ, как мы узнаем позднее, «возглавляет» бригаду уборщиц, которая прибирает не только в соборе, но и в других домах, в том числе в школе, где учится Роза. Именно эта «стая птиц» и разнесла по городу весть о случившемся скандале.

но и с вилкой!

Но что же, во имя Господа, послужило причиной для этого ужасающего поступка?! Ну-у... мистер Невил заявил, что он до смерти влюблён в невесту мистера Друда, мисс Розу Буттон. Точно, а мистер Эдвин Друд на это заявил, что это непозволительная наглость со стороны мистера Ландлесса – быть до смерти влюбленным в его нареченную и завещанную невесту. Тогда мистер Ландлесс вспылил, схватил со стола бокал, бутылку, ножик с вилкой, а ещё графин (хотя насчёт графина кухарка была не совсем уверена, но пусть уж будет) – и всё это охапкой швырнул мистеру Друду в голову!

Бедная Роза, внезапно оказавшаяся посреди этого урагана сплетен, забилась в угол, заткнула уши пальчиками и жалобно умоляла ничего ей больше не рассказывать. Её новая подруга Елена Ландлесс поступила иначе: получив у мисс Твинклтон разрешение пойти поговорить с братом (причём сделав это таким тоном, что становилось понятно – если ей разрешения не дадут, она сама его возьмёт), она отправилась в дом каноника Криспаркла за точной и правдивой информацией.

Скоро вернувшись, она сообщила Розе (и только ей), что же в действительности имело место: выходило, что её брат был самым непозволительным образом оскорблён и спровоцирован. Краснея, Елена утверждала, что жених Розы легкомысленно позволил себе употребить «ряд слов, которых было бы много лучше вовсе не произносить и не слы-

шать», при этом она категорически отказывалась привести эти слова в точности. Ещё она передала Розе от своего брата горячую просьбу простить его – так же не объясняя, за что именно. На этом Елена, очевидно, сочла свой сестринский долг выполненным, а случай разъяснённым, и больше к этому разговору не возвращалась.

Она, но не другие девочки! Пересуды не стихали и во время занятий, и во время обеда; а мисс Фердинанд даже была выставлена из-за стола по той причине, что она, нацепив сделанные из салфетки усы, замахивалась на мисс Гигльс графином, а та оборонялась суповой ложкой.⁶⁰

Постепенно в душу Розы, не перестававшей думать об этом прискорбном случае с Эдвином, начало закрадываться неприятное чувство, что и она сама как-то замешана в произошедшем скандале – то ли как причина, то ли как следствие, то ли ещё на какой-то непонятный манер – и что всему виною их двусмысленный и донельзя фальшивый статус жениха и невесты. Розу и раньше посещали эти мысли, но сегодня жажда свободы завладела ею с особенной силой, и что самое плохое – она даже не могла посовет-

⁶⁰ Хотя мисс Фердинанд и изображала за столом Эдвина, нацепив бумажные усы, совершенно не известно, носил ли усы сам Эдвин – у Диккенса об этом нигде не говорится. На эскизе Коллинза к обложке романа Эдвин, действительно, изображён с усами, но на иллюстрациях Филдса усов у Эдвина нет. Как ни странно, такая незначительная деталь являлась предметом споров исследователей на протяжении десятилетий, поскольку считалась очень важной для расшифровки загадки романа.

товаться со своей новой старшей подругой, поскольку в ссоре с Эдвином участвовал именно её брат. Вдруг, в самый напряжённый момент её раздумий, в комнате Розы появилась миссис Тишер и сообщила ей, что приехал мистер Грюджиус, её опекун.

Этот господин, знаменитый своей безукоризненной честностью и точностью во всём, как нельзя лучше подходил на должность опекуна и доверенного лица малютки Розы – хотя, возможно, по его внешнему виду судить об этом можно было лишь с трудом. Мистер Грюджиус был высок, худ и угловат, седые его волосы были странного желтоватого оттенка и так взъерошены, что создавалось впечатление, что он носит парик. Черты его худого лица были резкими и носили отпечаток какой-то незаконченности, недоделанности природой: уши торчали, кадык далеко выдавался вперед, спина его была сутулой, руки костлявыми, походка шаркающей, но близорукие глаза смотрели ясно и живо – и, может быть, поэтому мистер Грюджиус, несмотря ни на что, с первого же взгляда вызывал всеобщее расположение и в целом производил приятное впечатление.⁶¹

Мистер Грюджиус ожидал свою подопечную в кабинете и в обществе директрисы школы, мисс Твинклтон. Когда Роза вошла, мистер Грюджиус очень обрадовался, поскольку

⁶¹ «Говорящая» фамилия Грюджиус (Grewgious) произведена от слияния слов «grew» и «egregious». Её можно перевести как «выросший исключительно хорошим».

было сразу заметно, что строгую директрису он слегка побаивался.

– Милое дитя, вот и Вы! Очень рад Вас видеть! Вы прекрасно выглядите, моя дорогая, просто прекрасно! Позвольте вот предложить Вам стул.

– Что ж, разрешите вас теперь оставить, – проворковала директриса, поднимаясь из-за стола.

– Что Вы, мадам, я прошу Вас, останьтесь! – вежливо запротестовал мистер Грюджиус, после чего мисс Твинклтон тут же охотно выполнила его просьбу и уселась обратно.

– Я ведь не помешаю тебе, моя милая? – поинтересовалась она у Розы, доставая вязание.

– Мадам! – воскликнул мистер Грюджиус. – Ни в коем случае! Как можете Вы – и помешать?!

Тем не менее Роза поставила свой стул поближе к камину, и мистер Грюджиус вынужден был перебраться со своим креслом туда же.

– Мои посещения, дорогое дитя, подобны посещениям ангелов... – начал мистер Грюджиус и тут же, смутившись, поправился: – Не подумай только, что я сравниваю с ангелом себя. Нет, ангелы сидят этажом выше.

Мисс Твинклтон, хорошо знавшая, что этажом выше находится только чердак, подняла глаза от вязания и поражённо уставилась на гостя.

– Ну или где они у вас тут сидят, милое дитя, – продолжил мистер Грюджиус, переводя подслеповатые глаза на мисс

Твинклтон, отчего Розе на мгновение показалось, что обращение «милое дитя» предназначалось директрисе. – Под ангелами я имею в виду других молодых леди, твоих соучениц.

Мисс Твинклтон, успокоившись, вернулась к рукоделию.

Мистер Грюджиус, почувствовав, что начало его речи едва не обернулось катастрофой, крепко провёл ладонью по волосам ото лба к затылку, словно выжимая из них пот, и вытянул из кармана сюртука блокнот и карандаш в серебряном зажиме.

– Я тут написал... – заново начал он, – я тут составил небольшой списочек тезисов... то есть вопросов к тебе, дитя моё. Я всегда так делаю, поскольку я не мастак произносить речи без подготовки. Так что я тебе их просто зачитаю, моя милая, а ты ответишь. Хорошо?

– Очень хорошо, сэр.

– Первым пунктом у меня стоит: «Здорова и счастлива». Ты ведь здорова и счастлива, дорогая моя? Мне кажется, ты такой выглядишь.

– Да, конечно, сэр, – с улыбкой ответила Роза.

– Вот и славно. Да и как может быть иначе, в такой-то прекрасной школе, при таком замечательном руководстве, – сказал мистер Грюджиус с лёгким поклоном в сторону мисс Твинклтон. – Тогда я вычёркиваю «Здорова и счастлива» и перехожу ко второму вопросу. Он называется так: «Фунты, шиллинги и пенсы».

Роза тихонько вздохнула.

– Да, дорогая моя, я понимаю. Фунты, шиллинги и пенсы – это слишком сухая материя для юных девиц, но при том и очень важная. Вся наша жизнь, милое дитя, это не что иное, как фунты, шиллинги и пенсы. Да и смерть тоже... – тут мистер Грюджиус вспомнил о сиротстве Розы, смутился и закончил уже гораздо более мягким тоном: – Нет, конечно же, смерть – это не фунты, шиллинги и пенсы.

Пусть его голос и был скрипуч и сух, всё же в этом угловатом человеке таилось немало доброты, и не его вина, что его недоделанное природой лицо не могло её выразить. Но, по крайней мере, его глаза лучились любовью и расположением к Розе.

– Итак, «фунты, шиллинги и пенсы». Тебе же хватает карманных денег на все твои нужды, моя дорогая?

Так как у Розы никаких особых нужд и не было, она могла только кивнуть.

– И долгов у тебя нет?

Роза лишь рассмеялась нелепости мысли, что у неё могли откуда-то взяться долги.

– Ах, я и забыл, что нахожусь среди ангелов, – сказал мистер Грюджиус, вычёркивая второй пункт своего списка. – Ангелы же не делают долгов! Тогда третий пункт...

Роза, уже догадавшаяся, каким будет этот третий пункт, слегка покраснела и, чтобы скрыть смущение, принялась разглаживать ладонью складки на своей юбке.

– «Свадьба!» – возгласил мистер Грюджиус, а затем, сно-

ва привычным движением пригладив непослушные волосы, продолжил, понизив голос и придвинувшись в кресле чуть ближе к своей подопечной: – Теперь я перехожу к той теме, обсудить которую я, собственно, и приехал. Но тут я должен сразу же предупредить, что я, как человек в таких вещах неловкий и совершенно для подобного счастья не предназначенный, чувствую себя в этой теме словно грустный медведь на цепи, который должен, тем не менее, сплясать разудалую шотландскую джигу.

Живо представив подобную картину, Роза весело рассмеялась.

– Вот видишь, дитя моё, ты тоже согласна, что я неловкий, – сказал её опекун, ничуть не обидевшись. – Вот и хорошо. Но вернёмся к моим заметкам. Мистер Эдвин навещает тебя раз в три месяца, как и было договорено, и потом отчитывается мне письмом. Тут тоже всё замечательно. Он любит тебя, а ты любишь его.

– Да, сэр, он мне очень *нравится*, – с лёгким нажимом на последнее слово сказала Роза.

– Именно это я и говорю, – ответил её опекун, не заметив намёка. – Очень хорошо. И вы переписываетесь, не так ли?

– Так, – подтвердила Роза и слегка надула губки, вспомнив их кое-какие эпистолярные разногласия.

– Славно, славно! Ну, я вижу, всё идёт по плану. Сразу после Рождества я формальным образом извещу руководство твоей школы, что твоё обучение будет закончено к маю.

Конечно, тебя со школой связывает нечто много большее, чем простые формальности, но дело требует такого уведомления. Я уже сказал тебе, что я человек сухой и неловкий, и весь состою из формальностей. А ведь мне будет доверена честь вести тебя к алтарю – мне, который и отцом-то ни разу не был! Наверняка я что-нибудь напутаю. Если бы меня кто-нибудь смог формально заменить в этом непростом деле, то я был бы у него просто в неоплатном долгу.

Потупившись, Роза пролепетала, что до дня свадьбы ещё далеко, поэтому такая замена может и найтись.

– Очень на это надеюсь, дитя моё, – ответил мистер Грюджиус, снова пригладив (и тем только ещё больше взъерошив) свою непокорную шевелюру. – Например, тот господин, который учит вас танцам. Уж он-то смог бы в точности выполнить все эти торжественные шаги, повороты и поклоны. А я нет, я очень неуклюж. Тут же или споткнусь, или ещё как-нибудь иначе опозорюсь.

На это Роза не ответила ничего. Похоже, так далеко в будущее она заглядывать ещё не решалась.

– Теперь, дорогая моя, перейдём к следующему пункту моих заметок, – сказал мистер Грюджиус, вымарывая карандашом слово «свадьба». – Этот пункт называется «Завещание». Это ещё одна формальность, дитя моё. По закону я обязан передать тебе и твоему жениху по заверенной копии завещания твоего покойного отца. Вот это вот твоя копия, и точно такую же я отправлю мистру Джасперу...

– Только не ему! – быстро сказала Роза, вскидывая глаза. – Нельзя ли отдать копию сразу Эдвину?

– Ну почему же, конечно можно... Просто я думал... мистер Джаспер ведь его опекун.

– Пожалуйста, отдайте её сразу Эдди! – серьёзно и настойчиво сказала Роза. – Я не хочу, чтобы мистер Джаспер был тут как-то замешан.

– Что ж, так я и сделаю. Поскольку, я полагаю, это совершенно естественно – что ты не хочешь иметь никаких посредников между тобой и твоим будущим супругом. Заметь, я говорю: «полагаю». Да, я могу только полагать, а не знать точно, поскольку я человек в высшей степени неуклюжий и ничего в делах сердечных не понимающий.

Роза посмотрела на него с лёгким удивлением.

– Видишь ли, – попытался объяснить ей мистер Грюджиус, – я ведь никогда не испытывал тех чувств, которые испытываете вы, юная поросль. Если вы рождены, чтобы цвести и любить, то я, похоже, был рождён лишь для того, чтобы сохнуть в одиночестве. Хорошо, что тебя ожидает совсем другая, лучшая судьба... Как ты можешь узнать из твоей копии завещания, твой доход от ценных бумаг и прочих вложений составит двести пятьдесят фунтов в год. Вдобавок тебя ожидает ещё единоразовая выплата в одну тысячу семьсот фунтов, из которой, однако, некоторая сумма будет потрачена на подготовку твоей свадьбы. Вот, в общем-то, и всё, что

я хотел тебе сказать.⁶²

– Можно я задам Вам один вопрос? – сказала Роза, вертя в руках сложенную вчетверо копию завещания, но не делая, однако, и попытки её прочесть. – Вы ведь понимаете все эти юридические штучки много лучше меня и сможете мне всё хорошо объяснить... Скажите, вот мой бедный папа и покойный отец Эдди... они же были близкими друзьями? И они хотели, чтобы и мы с Эдди тоже были близкими друзьями, потому они и составили такое завещание?

– Да, это так, дорогая моя.

– И они ведь при этом заботились о нашем счастье, чтобы нам обоим было хорошо?

– Разумеется, дитя моё.

– Чтобы мы с Эдвином стали даже чем-то большим, чем они были друг другу?

– Именно так.

– Но ведь мы же не будем каким-то образом наказаны или оштрафованы, если... если...

– Боже мой, конечно же, нет! Прошу тебя, успокойся, дитя моё. В том случае, от одной мысли о котором, как я вижу, у тебя наворачиваются слёзы... Так вот, даже в случае если

⁶² В этой главе мы узнаём, какой величины наследство получит Роза по достижении совершеннолетия (или какое приданое получит за женой Эдвин). 1700 фунтов единовременно и 250 фунтов годового дохода – это огромная сумма, равная примерно миллиону сегодняшних долларов в год. То есть Роза является весьма и весьма выгодной партией, пусть по её повседневной жизни это и не заметно.

вы вдруг раздумаете жениться – нет, никаких последствий или наказаний для вас тогда, конечно же, не будет. Я, как твой опекун, продолжу заботиться о тебе вплоть до твоего совершеннолетия, и это всё. Ничего более плохого не произойдёт.

– А что будет с Эдди?

– А что может с ним быть? По достижении совершеннолетия он вступит в права наследства и получит тот пай в фирме, который завещал ему отец; плюс, может быть, какие-то дополнительные средства, если таковые найдутся. Словом, всё в точности, как сейчас.

Роза сидела задумчивая, хмуро смотря в пол и покусывая уголок вручённой ей копии завещания.

– Коротко говоря, – продолжал мистер Грюджиус, – желание ваших покойных родителей видеть вас супругами – это только пожелание, просьба, мечта, выраженная письменно. Да, этого они очень хотели, но ведь обстоятельства за столько лет могли и измениться! Представь себе, что твой отец был бы сегодня жив. Неужели он стал бы принуждать тебя к браку? Нет, этого и вообразить себе невозможно! Так вот, то же самое и с его волей, закреплённой в завещании.

Роза на это ничего не сказала и лишь понимающе кивнула.

– Что ж, если я ответил на твой вопрос, моя дорогая, то позволь мне перейти к последнему пункту моего списка. Итак, «Пожелания». У тебя есть какие-то пожелания или просьбы, которые я мог бы исполнить, дитя моё?

Так же молча Роза покачала головой, словно сожалея, что кое-какие её желания мистер Грюджиус был совершенно бессилён исполнить.

– Или, может быть, у тебя перед свадьбой есть какие-либо инструкции для меня, как для твоего опекуна и доверенного лица?

– Я... я хотела бы сначала поговорить с Эдди, если Вы позволите, – ответила Роза, разглаживая на платье несуществующую складочку.

– Конечно, конечно, дитя моё, – сказал мистер Грюджиус, вставая. – Это так естественно, что вы хотите во всём быть единого мнения. Здесь ли ещё мистер Эдвин?

– Он сегодня с утра уехал, сэр. Теперь приедет только на Рождество.

– Что ж, тоже хорошо. Значит, у вас будет время всё обдумать и подготовиться. А после Рождества ты дашь мне знать, я приеду и выполню все формальности, – сказал мистер Грюджиус, закрывая блокнот и пряча его в карман сюртука. – А теперь, моя дорогая, нам пора прощаться.

– Прошу Вас, ещё кое-что, сэр! – воскликнула Роза, вскакивая со стула. – Не могли бы Вы уже сейчас пообещать мне приехать после Рождества? Мне нужно будет кое-что Вам сообщить... по секрету.

– Ну разумеется, дорогая моя, разумеется! – уверил её мистер Грюджиус, польщенный, что такая юная красавица может пожелать поделиться с ним своими секретами. – Сам я

человек, как ты знаешь, скучный и необщительный, но рождественским вечером я традиционно ужинаю с моим клерком, человеком таким же скучным и необщительным, и поэтому прекрасно подходящим мне в компанию. Его отец содер­жит ферму в Норфолке и каждый год присылает нам в подарок на Рождество превосходно откормленную индюшку. А на следующий день я могу уже и приехать. Я очень рад, дорогая моя, что ты уже сейчас хочешь меня видеть. Меня мало кто хочет видеть... поскольку обычно я прихожу к лю­дям получить с них арендную плату.

Тут Роза доставила мистеру Грюджиусу ещё одну радость, обняв его за плечи и, поднявшись на цыпочки, поцеловав его в шершавую щёку.

– Боже, благослови нас всех! – воскликнул на это мистер Грюджиус. – Спасибо Вам, дорогая моя! Это для меня и честь, и радость. Прощайте, дитя моё, до встречи после Рождества! Мисс Твинклтон, мадам, на этом я заканчиваю, передаю мою подопечную снова в Ваши заботливые руки, от­кланиваюсь и освобождаю Вас от докучливой необходимости далее терпеть здесь моё присутствие.

– Ах, что Вы, сэр! – галантно запротестовала директриса, старательно делая вид, что до этой минуты она была полностью поглощена рукоделием. – Не говорите так! Никакой до­куки, могу Вас уверить! Я положительно наслаждалась Ва­шим обществом!

Распрошавшись с «Приютом Монахинь», мистер Грюд-

жиус, однако, не вернулся в Лондон сразу. Пройдя ещё несколько кварталов по Главной улице, он свернул в каменную арку под домиком хормейстера, поднялся по ступенькам к его двери и постучал. Никто не отозвался и не открыл ему, но во время этого краткого ожидания мистер Грюджиус заметил клочок бумаги, торчащий из щели между дверью и косяком; в записке почерком хормейстера было проставлено одно только слово: «Собор». И действительно – был как раз час вечерней службы в соборе. Поэтому мистер Грюджиус снова спустился по каменным ступенькам, вышел переулком на церковное подворье и прошаркал к широко распахнутым главным воротам входа в собор.

Едва мистер Грюджиус, приблизившись, нерешительно заглянул за порог в сумрак и сырость соборного нефа, как тут же мощно заиграл орган, и слабый надтреснутый голос священника, до того что-то бормотавший, утонул в море звуков и пении хора. Музыка вздымалась и опадала, накатывая волнами, и над этим океаном музыки властно господствовал один ясный и сильный голос, то чайкой взлетающий под своды и арки крыши собора, то коршуном падавший вниз в прозрачные струи льющейся органной музыки. Но вот голос взметнулся ввысь в последний раз, музыка схлынула, океан звуков высох, и навстречу мистеру Грюджиусу потекли людские толпы. Тут же мистер Грюджиус заметил и спешащего к нему хормейстера.

– Что-то случилось? – с ходу поинтересовался Джаспер,

тревожно глядявываясь в лицо собеседнику. – Разве за Вами посылали?

– Вовсе нет, вовсе нет! Я приехал по собственной необходимости. Мне нужно было проведать мою подопечную. Сейчас я уже уезжаю, а сюда просто заглянул по дороге.

– А с ней... всё в порядке?

– В полном порядке, сэр, в полнейшем! Даже стала ещё краше. Я приехал всего лишь ещё раз объяснить, что означает её ранняя помолвка с юридической точки зрения.

– Вот как? И что же она означает, с этой самой точки зрения?

Мистер Грюджиус про себя отметил, что мистер Джаспер как-то уж излишне нервно покусывал бледные губы, ожидая ответа на свой вопрос, но списал это на творческое возбуждение певца после безукоризненного исполнения вокальной партии.⁶³

– Что означает? Только то, сэр, что такую помолвку не нужно рассматривать как нечто принудительное и обязывающее – в том почти невероятном случае, если вдруг обнаружатся какие-либо препятствия к браку... например, недостаток привязанности друг к другу или что-то другое.

– Могу ли я спросить, сэр, имелись ли какие-то особые

⁶³ Из разговора Грюджиуса и Джаспера в соборе читатель узнаёт, что Джаспер одновременно и хочет разрыва помолвки племянника с его невестой, и боится, что она действительно произойдёт. Такая его двойственность не должна нас смущать – он всего лишь боится, что разрыв помолвки случится слишком рано, что могло бы разрушить его планы.

причины объяснять это?

– Ни малейших, кроме тех, которые продиктованы мне моей ролью опекуна, – ответил мистер Грюджиус чуть резче обычного и тут же поправился, перейдя на более доверительный тон: – Поймите меня правильно, мистер Джаспер. Я знаю, что Вы души не чаете в Вашем племяннике. Так вот, могу заверить Вас, что в ходе беседы с моей подопечной с её стороны не было высказано ни малейших сомнений насчёт его чувств и не было дано ни малейшего намёка на какое-либо охлаждение в их отношениях.

– Благодарю Вас, – ответил мистер Джаспер, жестом приглашая мистера Грюджиуса пройти несколько шагов вместе. – Право, Вы это замечательно сформулировали.

Мистер Грюджиус кашлянул, снял с головы шляпу, пригладил ладонью волосы и снова водрузил шляпу на место.

– Готов поспорить, – продолжил Джаспер, криво улыбаясь всё ещё бледными губами, – что о разрыве этих их отношений речь тоже не шла.

– Что ж, сэр, этот спор Вы бы точно выиграли! – подтвердил мистер Грюджиус. – Но мы должны, конечно же, делать определенную скидку на известную скромность в проявлениях чувств у молодой леди, воспитывающейся в таких условиях, сэр, да ещё и без материнской любви. Но я в чувствах ничего не понимаю, так что поправьте меня, если я ошибаюсь.

– Вы абсолютно правы.

– Рад это слышать. Потому что моя подопечная... – и тут мистер Грюджиус мягко подошел к сути того дела, которое он и хотел обсудить с мистером Джаспером. – Моя подопечная из-за присущей ей скромности, даже стыдливости, из-за понятного в сложившейся ситуации нежелания посвящать кого бы то ни было ещё в свои девичьи переживания, выразила недвусмысленное желание, чтобы все формальности в предсвадебной подготовке улаживались напрямую с её женихом. Понимаете? Без нашего с Вами посредничества.

Мистер Джаспер положил руку на грудь жестом человека, пытающегося унять сердцебиение, и пробормотал:

– Значит, я ей не нужен?

– Значит, она хочет обойтись без нас обоих, – поправил его мистер Грюджиус. – Поэтому, если Вы позволите, я в следующий мой приезд после Рождества решу с мистером Друдом все детали, всё улажу, а потом встречусь с Вами, и мы вместе всё обсудим.

– А, так Вы вернётесь сюда снова, после Рождества? – понимающе кивнул Джаспер. – Что ж, посмотрим! Мистер Грюджиус, Вы абсолютно правильно заметили, что я души не чаю в моём дорогом, удачливом, счастливом, незаслуженно счастливом племяннике! И это совершенно правильно, что его невеста, как Вы сказали, должна ещё раз всё обдумать – и моё участие будет тут не к месту. С этим я согласен, с этим я не могу не согласиться. Значит я правильно понимаю – они хотят после Рождества сами всё устроить для сва-

дъбы в мае, после которой нам с Вами не останется ничего другого, кроме как сложить с себя все обязанности опекунов и этим удовлетвориться?⁶⁴

– Совершенно верно, – ответил мистер Грюджиус, протягивая Джасперу руку на прощание. – Благослови их Господь!

– Да, точно, спаси их всех Господь! – воскликнул Джаспер.

– Я сказал «благослови», – заметил мистер Грюджиус, оборачиваясь.

– Ну а я сказал «спаси», – возразил Джаспер. – Разве это не одно и то же?

⁶⁴ Сумма наследства Розы известна только самой Розе и её опекуну, но не Эдви-ну и тем более не Джасперу. Более того – Диккенс устраивает всё так, что не получивший копии завещания Джаспер до самого конца романа останется в неведении относительно финансового положения Розы. Случись иначе, весь сюжет мог бы пойти совершенно по другой линии.

Глава X.

Спрявление пути

– Мне кажется, мамочка, что ты слегка несправедлива к мистеру Невилу, – сказал как-то за завтраком младший каноник своей матушке.

– Нет, я так не думаю, – возразила старая леди.

– Может быть, нам обсудить это, дорогая моя?

– Ты напрасно полагаешь, мальчик мой, что я не хочу это обсуждать, – тут голос миссис Криспаркл слегка задрожал, так же как и её чайная чашка. – Я всегда готова к любой дискуссии. Но не думай, пожалуйста, что твои доводы способны меня переубедить.

– Вот и славно, мамочка, – примирительно сказал её сын. – Ничего не может быть лучше готовности к дискуссии. Просто я хочу тебе сказать, что во время того прискорбного случая мистер Невил потому так вышел из себя, что был на это спровоцирован.

– А ещё и не трезв! – добавила старая леди.

– Да, и это тоже. Хотя, думаю, там оба молодых человека были примерно в одинаковом состоянии.

– А я так не думаю, Септимус!

– Почему же, мамочка?

– Потому что не думаю, и всё! – заявила старая леди. –

Но я по-прежнему, как ты видишь, готова к дискуссии.

– Но, мамочка, мы не сможем дискутировать, если ты будешь всё время придерживаться только обвинительной линии...

– Не надо меня за это стыдить! Лучше пусть твой мистер Невил этого стыдится! – сказала старая леди с поистине королевским достоинством.

– Дорогая моя! Он-то тут при чём?!

– При том! Он здесь при том, что он пришёл напившись, чем сильнейшим образом дискредитировал мой дом! И ещё унизил нас при этом!

– Не буду отрицать, мамочка. Но это было тогда, а сегодня он весьма об этом сожалеет.

– А я сожалею, что ты попытался от меня всё скрыть, Септимус! Если бы мистер Джаспер не подошёл ко мне на другой день в церкви и не рассказал, какие ужасы тут творились, я бы так ничего и не узнала.

– Просто я полагал, мамочка, что тебя такими вещами лучше не беспокоить. Собственно, я и Джаспера хотел попросить о том же, но опоздал – он тебе уже проговорился.

– Именно что опоздал! Мистер Джаспер стоял весь бледный, когда рассказывал, чему был свидетелем в собственном доме!⁶⁵

⁶⁵ Бледность Джаспера при разговоре с миссис Криспаркл в церкви объясняется не его взволнованностью, а последствием приёма опиума. Похоже, вернувшись от Криспаркла в ночь ссоры Эдвина и Невила, Джаспер опять курил опиум. Это означает, что дневниковые записи о событиях той ночи сделаны Джаспером

– Мамочка, я только одно хочу сказать: если я что-то и хотел утаить от тебя, то только в твоих же интересах и для твоего же спокойствия. А так же в интересах обоих молодых людей и в интересах дела – то есть исполнения моего долга так, как я его понимаю.

Миссис Криспаркл тотчас отложила салфетку, встала со своего места, обошла стол и крепко поцеловала своего дорогого и любимого сына.

– Никогда, дорогой мой, никогда я в этом и не сомневалась!

– Однако, мамочка, в городе начались разговоры, – сказал младший каноник, когда старая леди снова вернулась к завтраку. – Можно сказать, ситуация вышла из-под контроля.

– А я тогда ещё сказала, что я плохого мнения о мистере Невиле, – тряхнула бровями старая леди. – Я и сейчас своего мнения не переменяла. И я ещё тогда сказала, да и сейчас повторю, что я не думаю, что мистер Невил изменится к лучшему.

– Мне грустно это слышать, мамочка...

– Ещё более грустно мне это говорить, Септимус! – встала старая леди, подливая сыну ещё чая. – Но тут уж ничего не поделать.

– Мне грустно слышать это потому, что Невил с той поры исключительно прилежен и внимателен в учёбе и уже далеко продвинулся в предметах. И к тому же – полагаю, я имею

право это сказать – он очень расположен ко мне.

– Это его совсем не извиняет, – тут же возразила старая леди. – А если он считает иначе, то он просто хвастун!

– Но, мамочка, это говорю я, а не он!

– Может быть и так, – упорствовала старая леди, – но это ничего не меняет. Значит, он ещё и скрытный.

Во взгляде, которым младший каноник наградил свою ма-тушку не было и тени раздражения, а только слегка юмори-стическое понимание того факта, что его любимая Фарфо-ровая Пастушка всё-таки не совсем предназначена для того, чтобы вести аргументированные дискуссии.

– И кроме того, Септимус, – продолжала миссис Кри-спаркл, – кем бы этот мальчишка был без своей сестры? Вспомни, какое влияние она на него имеет, вспомни о её способностях и талантах. Ты же знаешь, что всё, что ты пре-подаёшь Невилу, она растолковывает ему ещё раз. Учитывай ещё и это, когда хвалишь Невила – и много ли тогда останет-ся на его долю?

Эти простые слова заставили младшего каноника задуматься. Он вспомнил вдруг, как часто он встречал брата и сестру прогуливающимися вместе – иногда в утренние ча-сы, иногда на закате – и всегда разговор вела Елена, а брат лишь слушал её и кивал. Он подумал, что уже неоднократно его посещало такое чувство, будто обучая одного, он на са-мом деле учит двоих; и что он сам того не сознавая, строит свои занятия так, чтобы материал был понятен им обоим.

На память ему пришёл и тот разговор, в котором он участвовал при посещении «Приюта Монахинь» – тогда речь шла об Елене, о том, как смело и безоглядно доверилась она Розовому Бутончику и как училась у неё всему, чему могла. Он осознал, что совершенно ошибочно считал Елену чересчур гордой и властной, что она много лучше его представления о ней. И он удивился, поняв, что всего за пару недель Елена и Невил стали неотъемлемой – и значительной! – частью его жизни.

Вечером того же дня преподобный Септимус, отслужив вечерню в холодном и гулком соборе, решил порадовать себя последними лучами заходящего солнца на холме над рекой – там у него был любимый уголок среди монастырских развалин, с которого открывался восхитительный вид, при этом местечко было хорошо защищено от ветра фрагментом древней стены. Взбежав на холм в хорошем темпе (и несколько при том не запыхавшись), он остановился в нескольких шагах перед обрывом и оглядел реку. Клойстергэм располагался неподалёку от моря, и часто приливом в реку заносило немало морских водорослей, которые кучами гнили потом вдоль берегов. Этим вечером их было тоже достаточно – их бурая и тёмно-зеленая бахрома висела на иззубренных камнях и плотной пеленой укутывала притопленные стволы и ветки свалившихся в реку деревьев. По водорослям и прибрежному песку разгуливали крикливые чайки, что обещало ветреную ночь. Рыбацкие баркасы возвращались с мо-

ря, сворачивая коричневые просоленные паруса и укрываясь от приближающегося шторма в бухточках на обоих берегах реки. Внизу под обрывом, на котором стоял мистер Криспаркл, жителями городка была протоптана тропинка для прогулок, и на ней младший каноник вдруг заметил две фигуры, в которых он не без удовольствия узнал Невила и Елену Ландлесс. Какое совпадение! Весь день он думал о них – и вот теперь встретил, и снова вместе! Без промедления мистер Криспаркл начал спуск по едва приметной тропе вдоль обрыва, по которой иному альпинисту пройти было бы опасно и при свете дня. Но мистер Криспаркл был отменным спортсменом, да и знал на этой тропе каждый камушек и древесный корень, поэтому не прошло и минуты, как он уже стоял внизу.

– Холодный вечерок, мисс Ландлесс, не правда ли? Не слишком ли ветрено здесь для Вашей обычной прогулки с братом? Особенно на закате, когда ветер гонит волну с моря?

Нет, Елена так не думала. Она любила тут гулять – ведь тут было так уединённо!

– Пожалуй, даже слишком уединённо, – рассмеялся младший каноник, подходя ближе. – Хотя эта тропа должна быть прекрасным местечком для тех, кто ищет именно уединения. Простите, что помешал вам. Мистер Невил, что я хотел спросить... Вы ведь рассказываете Вашей сестре без утайки всё, о чем мы говорим с Вами вдвоём?

– Абсолютно всё, сэр.

– То есть Ваша сестра в курсе того, что я Вам неоднократно предлагал? А именно найти какой-нибудь способ извиниться за тот прискорбный случай, произошедший в ночь Вашего прибытия в Клойстергэм?

– Да, – ответила за брата Елена.

– Я называю этот случай прискорбным, мисс Елена, – объяснил младший каноник, – прежде всего потому, что он вызвал в горожанах предубеждение против Невила. Теперь в глазах всего города он – юноша с неконтролируемым и бешеным темпераментом, опасный и вспыльчивый. Дикарь, которого следует избегать.

– Да, так его и называют, бедняжку, – ответила Елена, бросив на брата взгляд, в котором смешались и сострадание, и гордость за него. – Вот и Вы это тоже подтверждаете. Но мы не только слышим это, мы ещё и ощущаем на себе всю тяжесть этого предубеждения, ощущаем каждый день и час.

– Именно поэтому, – продолжал младший каноник мягко, но настойчиво, – мне представляется необходимым это положение как-нибудь исправить. Конечно, со временем горожане сами бы разобрались, что ошиблись в Невиле. Но насколько лучше было бы не ждать долго, а что-нибудь сделать для этого прямо сейчас! Особенно потому, что Невил ведь и в самом деле был не прав.

– Его спровоцировали, – жёстко ответила Елена.

– Но он охотно поддался на эту провокацию, – возразил

младший каноник.

Несколько шагов они прошли в молчании, затем Елена посмотрела на младшего каноника с упреком и сказала:

– Ах, мистер Криспаркл, неужели Вы желаете, чтобы мой Невил с извинениями бросился в ноги этому молодому Друду, или хуже того – этому Джасперу, который позорит Невила на каждом углу и распускает про него слухи? Я не верю, чтобы такое могло быть Вашим желанием! Вы и сами бы так не поступили, окажись Вы на его месте.

– Я уже говорил мистеру Криспарклу, Елена, – вступился за учителя Невил, – что извинился бы, но только от чистого сердца. Но пока что я такого чистосердечия в себе не чувствую, потому и не могу просить прощения. Я мог бы, конечно, притвориться, но мне противна даже сама мысль о таком! И ещё – мистер Криспаркл никогда не оказался бы на моём месте, поскольку он никогда не поступил бы так, как поступил я!

– Ну хорошо, простите меня тогда за такое сравнение, – сказала Елена.

– Вот видите, вы оба в душе согласны, что Невил был не прав, – попытался мягко направить разговор в нужное русло мистер Криспаркл. – Почему бы не сделать следующий шаг и не признать это перед другими людьми открыто?

– Но ведь есть же разница, перед кем это признавать, – с лёгкой запинкой сказала Елена, – перед честным человеком, или перед низким и порочным?

Прежде чем преподобный Септимус нашёлся что ответить, вмешался Невил:

– Прошу тебя, сестра, помоги мне объяснить мистеру Криспарклу, что я не могу сделать первый шаг, пока не изменюсь сам, и не могу просить прощения, пока сам не прощу. Всё иное будет ложью и притворством. А правда состоит в том, что я и сегодня всякий раз задыхаюсь от гнева, стоит мне только вспомнить события той ночи.

– Невил, – строго упрекнул его младший каноник, – Вы опять сжимаете кулаки. Я же просил Вас больше так не делать.

– Извините, сэр, это было непроизвольно. И это только доказывает, как сильна до сих пор моя обида.

– А я-то надеялся на лучшее, – заметил на это мистер Криспаркл.

– По крайней мере, сэр, я Вам не лгу. Вероятно, придёт время, когда Ваше благотворное влияние на меня – наверное, самого трудного из Ваших учеников – достигнет своей цели. Но пока это время не наступило. Ведь так же, Елена? Ты же можешь подтвердить, что я стараюсь, что я борюсь со своим характером, но ничего у меня не выходит?

– Да, это так, – подтвердила Елена, не сводя с мистера Криспаркла своих чёрных цыганских глаз.

– Я хотел бы Вам кое в чём признаться, сэр, – неуверенно продолжил Невил, и Елена подбодрила его лёгким кивком. – Я давно хотел Вам это сказать, да только боялся показаться

смешным. А теперь присутствие моей сестры поддерживает меня, и вот что я хочу сказать... Я настолько преклоняюсь перед мисс Буттон, сэр, настолько боготворю её, что мне глубоко оскорбительно видеть то высокомерие и безразличие, которое проявляет к ней молодой Друд. И даже если бы он не оскорбил меня, сэр, то я точно так оскорбился бы и сам – за мисс Буттон!

Мистер Криспаркл перевёл изумлённый взгляд с брата на сестру и прочитал в её взоре полное подтверждение сказанному и немую мольбу о совете.

– Мистер Невил, – резко ответил младший каноник, – эта юная леди – есть чужая невеста. И скоро она станет Эдвину Друду законною женою. Поэтому всё Ваше перед нею преклонение – особенно если оно такого свойства, в каком Вы хотите меня уверить – оно направлено совершенно не по адресу! Тем более не по адресу направлены и Ваши претензии к её жениху и защитнику, мистеру Друду. Я нахожу чудовищным, что Вы имеете дерзость противопоставлять себя её наречённому и избранному мужу! Я так же до глубины души удивлён, мистер Невил, что Ваша сестра, будучи при том ещё и близкой подругой мисс Буттон, не заставила Вас свернуть с этого безрассудного и даже преступного пути!

– Она пыталась, сэр, да только ничего у неё не вышло. Жених он для мисс Буттон или не жених, но у него нет и со-той доли того чувства, которое я ощущаю к этой прекрасной юной леди. Он относится к ней как к кукле, как к игруш-

ке! Он не способен её любить, он не достоин её! Не женой она станет ему, как Вы говорите, а жертвой! А я люблю её... А его ненавижу! Да, ненавижу и презираю!

Встревоженная его страстным монологом, Елена шагнула к раскрасневшемуся и яростно жестикулирующему брату, мягко приобняла его за плечи и успокаивающе проговорила: «Невил, Невил!» Внезапно осознав, что он опять не справился со своим бешеным темпераментом, Невил спрятал лицо в ладонях и отвернулся с видом несчастным и полным раскаяния.

Младший каноник прошёл несколько шагов в молчании, раздумывая – как бы попонятнее сформулировать и донести до Невила те мысли, те слова, которые он обязан был высказать.

– Мистер Невил, мистер Невил... После того, что я здесь только что узнал... и учитывая ещё то, что Вы живёте под моей крышей... я не могу допустить, чтобы примирение между Вами и мистером Друдом откладывалось дальше. Пусть Вы всё время и говорите, что у Вас взрывной и злобный характер, но я могу Вас уверить, что это не так – характер у Вас добрый и открытый, поверьте мне. Я точно знаю, что я могу положиться и на Вас, и на Ваш характер. Поэтому обдумав всё и выслушав ещё и Вашу сестру, я должен согласиться с Вами – часть вины за произошедшее лежит и на молодом Друде. Более того – я согласен и с тем, чтобы мистер Эдвин сделал к примирению первый шаг. Но и Вас я прошу

пообещать мне честным словом христианина и джентльмена, что с Вашей стороны эта ссора будет закончена раз и навсегда. Что будет у Вас на сердце, когда Вы протянете вашему противнику руку дружбы, то будет, конечно же, известно только Господу и Вам... Но я предупреждаю Вас, что любой обман и притворство будут здесь губительны. И последнее: всё то, что Вы сейчас доверили мне, всё это должно остаться известным только нам троим! Больше никому ни слова, понимаете меня?

– Только нам троим и никому более! – понизив голос, подтвердила Елена.

– Вы же ещё не рассказали это Вашей подруге, молодой леди?

– О Боже! Нет-нет...

– Тогда и Вы пообещайте мне, мистер Невил, никогда никому не открывать этих Ваших чувств. А ещё лучше – попытайтесь излечиться от них. Я мог бы сказать Вам, что всё это преходяще, что Ваша любовь есть только минутное увлечение, что в Вашем возрасте чувства приходят и уходят, но я не стану этого делать. Вряд ли Вы меня поймёте сейчас и вряд ли Вы в таком состоянии мне поверите.

Во время этих его слов Невил два-три раза открывал уже было рот, чтобы возразить, но всякий раз сдерживался.

– Теперь я оставляю Вас наедине с Вашей сестрой, – сказал мистер Криспаркл в заключение. – Обдумайте мои слова. А когда она приведёт Вас домой... я буду ждать Вас в своей

комнате.

– Нет, прошу Вас, не уходите пока, – взмолилась Елена. – Ещё минуту!

– Мне не нужно и минуты, чтобы пообещать Вам это, сэр, – воскликнул Невил, прижимая ладонь к пылающему лбу. – Потому что Вы так добры ко мне, так терпеливы и так готовы меня понять и простить! Ну почему у меня ещё в детстве не было такого учителя!

– Так учись же у него хотя бы теперь, Невил, – прошептала Елена, и было что-то такое в её голосе, что заставило преподобного Септимуса смолчать и потупиться. – И следуй за своим учителем, Невил, следуй за ним – и Небесами!

– Я обещаю Вам, мистер Криспаркл, обещаю от всего сердца и без малейшего притворства! – продолжал Невил со слезами в голосе. – И я прошу у Вас прощения за мою достойную одного только сожаления вспышку гнева!

– Не у меня, Невил, не у меня надо просить прощения. А у того, кто много выше меня. У того, кто всех нас одаряет прощением – этим высшим из сокровищ. Мисс Елена, Вы же с вашим братом близнецы. Вы родились и выросли в тех же самых условиях. Почему же то, что Вы смогли победить в себе, Вы не можете победить и в нём тоже? Вы же видите, какой камень лежит на его пути! Кто же, кроме Вас, может помочь Вашему брату не споткнуться?!

– Кто же, кроме Вас, сэр? – возразила ему Елена. – Что мои силы по сравнению с Вашей мудростью?

– У Вас есть мудрость Любви, – ответил младший каноник, протягивая ей на прощанье руку, – а выше этой силы нет в мире ничего. Что же до меня... Впрочем, чем меньше человек говорит о себе, тем только лучше. Доброй вам ночи!

Елена взяла его руку и почтительно, едва ли даже не благоговейно, поднесла её к губам.

– Нет-нет, – мягко сказал мистер Криспаркл, – вот это уже лишнее.⁶⁶

На обратном пути через церковное подворье младший каноник раздумывал, должен ли он сам написать молодому Друдру письмо или лучше попросить об этом Джаспера. Тут его внимание привлёк свет в окнах домика над воротами – вероятно, хормейстер ещё не ложился. Решившись ковать железо, пока оно горячо, мистер Криспаркл свернул к жилищу Джаспера и поднялся по каменной лестнице.

Дверь была не заперта, но на стук никто не отозвался. Мистер Криспаркл осторожно нажал на ручку двери, заглянул внутрь и осмотрелся. Джаспер спал на кушетке возле догорающего камина, и мистер Криспаркл деликатно кашлянул, чтобы привлечь его внимание.

Ещё долгие годы после окончания всей этой истории мистер Криспаркл вспоминал, как Джаспер в ответ на этот ти-

⁶⁶ Этот поцелуй руки обычно трактуется исследователями как доказательство влюблённости Елены в каноника Криспаркла. Однако целование рук в Индии выражает лишь уважение к старшему по возрасту человеку или к учителю. Кстати, на иллюстрации Филдса к сцене целования руки Невил изображён опирающимся на трость. Однако в тексте Невил купит её только в 14-й главе.

хий звук резко привстал и тревожно выкрикнул в полусне:
«Что случилось?! Кто это сделал?!»⁶⁷

– Не волнуйтесь, Джаспер, это только я. Извините, что разбудил Вас.

Джаспер, протирая глаза, сполз с кушетки и отодвинул её к стене, освобождая место перед камином. Затем без сил опустился в кресло, указав младшему канонику на другое.

– Мне снились бог знает какие ужасы... Спасибо, что разбудили меня. Мне не стоило спать после плотного обеда.

– Не знаю, будете ли Вы так же благодарны мне, – сказал младший каноник, садясь, – когда узнаете, зачем я пришел. Сейчас я выступаю в роли, так сказать, посланника мира – а именно: я хотел бы, Джаспер, чтобы мы с Вами как-то помирили обоих наших молодых подопечных.

Сказав это, мистер Криспаркл с удивлением заметил, что Джаспер как будто бы не очень-то и обрадован таким его предложением.

– Каким же это образом? – глухо спросил Джаспер после долгой паузы.

– Это мы и должны придумать вместе, Джаспер. За этим-то я к Вам и зашёл. Мне думается, что если бы Вы в письме Вашему племяннику объяснили всю невозможность и нежелательность отсрочки примирения (как я уже сделал то же

⁶⁷ Крик Джаспера спросонья «Что случилось?! Кто это сделал?!» перекликается с таким же точно возгласом Макбета в тот момент, когда он увидел призрак Банко: *Макбет: Кто это сделал?! Лорды: Что, наш повелитель? Макбет: Меня не можешь в смерти ты винить! Зачем киваешь головой кровавой?*

с мистером Невилом) и побудили бы его написать Вам ответное письмо с согласием протянуть Невилу руку дружбы – это было бы замечательно. Ведь я знаю, что Эдвин на самом деле добрый юноша. И вы имеете на него огромное влияние. К тому же, нисколько не защищая Невила, нельзя ведь не признать, что он был сильнейшим образом оскорблён...

Выражение недовольства и раздражения на лице Джаспера стало только сильнее. Теперь хормейстер пристально и напряжённо смотрел прямо в пламя, и мистеру Криспарклу показалось на секунду, что Джаспер что-то лихорадочно обдумывает и планирует.

– Я знаю, что Вы не слишком расположены к мистеру Невилу... – начал было младший каноник, но Джаспер тут же резко перебил его.

– Вы правы, я совсем не расположен к нему. И в этом я не одинок.

– Бесспорно, мой друг, бесспорно. Всеми виною его взрывной темперамент. Но мне уже удалось получить от мистера Невила обещание смирять свои порывы, особенно в присутствии Вашего племянника. И я уверен, что мистер Невил сдержит своё слово. Дело теперь только за Эдвином Друдом.

– Вы уверены в том, что Ваш подопечный не обманет Вас?

– Абсолютно, Джаспер.

После этих слов младшего каноника лицо хормейстера разгладилось, и он энергически кивнул, словно бы придя

к какому-то трудному решению.

– Тогда Вы убедили меня. Спасибо, этим Вы избавили меня от большой тревоги и сняли огромный груз с моего сердца, – сказал Джаспер. – Я сделаю это.

Обрадованный тем, что так легко и быстро добился желаемого, мистер Криспаркл тепло поблагодарил его.⁶⁸

– Я сделаю это, – повторил Джаспер. – Я сделаю это ещё и потому, что с Вашей помощью я понял всю беспочвенность моих страхов. Наверное, Вы найдёте это смешным, но... Скажите, Вы ведёте дневник?

– Да, но записываю туда не более пары слов за день.

– Мне бы хватило и пары слов в неделю, при моей-то скучной жизни, – сказал Джаспер, беря со стола тетрадку в коленкоровом переплёте, – но в моём дневнике я описываю ещё и жизнь моего племянника. Вот, прочитайте это... Только не смейтесь, прошу Вас.

Мистер Криспаркл взял тетрадку, уже открытую на нужном месте, и прочитал:

«Час пополуночи. После того, чему я только что был свидетелем, меня терзает болезненный страх за моего доро-

⁶⁸ В планы Джаспера не входило мирить Невила и Эдвина. Наоборот, сначала он надеялся, что Невил когда-нибудь в припадке ярости забьёт Эдвина до смерти, и тем освободит Джаспера от необходимости убивать племянника самому. Но во время разговора с каноником Джаспер меняет своё решение: во-первых, он приходит к выводу, что самому убить Эдвина будет надёжнее, а во-вторых, находит для Невила новую роль в своём плане убийства – теперь Невил поможет выманить Эдвина ночью на улицу. Для Джаспера такое решение есть «спрямление пути» к преступлению – отсюда и название главы.

того Эдвина – страх, который я не могу ни побороть, ни как-то заглушить. Все мои попытки тщетны. Демоническая страсть этого Невила Ландлесса, сила его ярости, дикая ненависть, явившаяся в стремлении уничтожить моего племянника, внушают мне необоримый ужас. Поистине, есть что-то от тигра в его тёмной крови. Моё впечатление от увиденного так глубоко, что уже дважды заходил я в его спальню – просто чтобы удостовериться, что мой дорогой мальчик спокойно спит, а не валяется мёртвым в луже собственной крови.

Дописываю утром. Нэд уехал – в добром настроении, как то обычно для него. Снова и снова предупреждал я его, но его без толку предупреждать – такой уж он человек. Сказал, что справился бы с Ландлессом и один, как и подобает мужчине. Но мужчине не подобает справляться с бешеной собакой иначе, чем палкой! – возражал я ему. Но моего Нэда предупредить невозможно. Сколько мог, проехал с ним и слез уже за городом, полный мрачных подозрений и предчувствий – если можно назвать предчувствиями мою уверенность в надвигающейся на моего дорогого мальчика катастрофе.»

– Вот видите, какие мрачные настроения время от времени овладевают мною? – улыбаясь, сказал Джаспер, снова забирая тетрадку. – Но теперь у меня есть Ваши уверения и гарантии. Я тоже запишу их сюда, и буду читать их всякий раз, когда снова впаду в эту чёрную меланхолию и тоску.

– Бросить эту тетрадку в огонь было бы лучшим лекарством от этой Вашей меланхолии, Джаспер, – ответил младший каноник. – Мне кажется, что Ваша привязанность и любовь к племяннику слишком уж довлеет над Вами. Она-то и заставляет Вас так всё преувеличивать.

– Ну Вы же сами видели, в каком я был состоянии той ночью, – сказал Джаспер, пожимая плечами. – Разве я мог написать иначе? Вы сами помните, каким словом я тогда охарактеризовал случившееся. Вы ещё упрекнули меня за него...

– Хорошо-хорошо, не будем больше об этом. Возможно, со временем Вы увидите всё в другом свете... Что ж, Джаспер, у меня есть за что поблагодарить Вас – и я с удовольствием это делаю.

– А я, со своей стороны, могу уверить Вас, что я не брошу это дело на полдороге, – ответил Джаспер, провожая младшего каноника к дверям. – Если уж Нэд должен пройти со мной этот путь до конца, то он уж его пройдёт, будьте уверены.⁶⁹

⁶⁹ Когда Диккенс писал свой роман, детективный жанр в литературе ещё не родился. До триумфа Шерлока Холмса оставалось ещё двадцать лет. Диккенс писал роман-загадку, роман-тайну. Поэтому в тексте романа ещё отсутствуют такие непременные составляющие детективного жанра, как ложные следы, множество подозреваемых, лжесвидетельство и прочее. Убийца известен с самого начала, непонятны только его мотивы, детали его преступления, и то, как именно преступник будет пойман. Более того, убийца поначалу даже не лжёт окружающим – он говорит двусмысленностями: «Я сделаю это (*т.е. убью Эдвина*). Если уж Нэд должен пройти со мной этот путь до конца, то он уж его пройдёт, будьте увере-

Три дня спустя, когда Криспаркл и Джаспер переодевались в ризнице перед началом службы, хормейстер отозвал младшего каноника в сторону и показал ему письмо от племянника:

«Дорогой Джек! Я очень уважаю и ценю мистера Криспаркла, поэтому не могу оставить его просьбу без положительного ответа. Передай ему, пожалуйста, что я признаю, что тоже был не прав тем вечером, что я глубоко об этом сожалею и от всей души хочу примирения с мистром Ландлессом.

И вот что я придумал, старина: пригласи его к нам на ужин в Рождественский вечер! Когда ведь и мириться, если не в такой день? Мы соберёмся втроём, пожмём друг другу руки – и всё снова будет в полном порядке.

*Как всегда, сердечно твой,
Эдвин Друд*

P.S. Большой привет Киске на следующем вашем занятии!»

– То есть я могу передать Невилу Ваше приглашение, Джаспер? – с улыбкой спросил младший каноник.

– Очень на это рассчитываю, – серьёзно ответил хормейстер.

Глава XI.

Картина и кольцо

В Холборне, в одном из самых тихих и старых районов Лондона, есть группа стоящих прямоугольником зданий, называемая Степл-Инн. Трёхэтажные здания, выстроившиеся в каре вокруг замощённого булыжником гулкового двора, давно облюбовали для своих контор адвокаты; а в одном из его углов есть даже что-то вроде небольшого здания суда – этакий обшитый морёным дубом холл со световым окном в крыше, помостом для обвиняемого и массивным столом для судьи – вот только там уже лет сто не проводят никаких судилиц, а здание нынче используют как библиотеку.⁷⁰

В одном из подъездов Степл-Инна – отличавшимся от прочих своих собратьев разве что таинственной надписью

Р.
J. T.
1747

⁷⁰ Здания, составляющие комплекс Степл-Инна в Лондонском районе Холборн, сохранились до сегодняшнего дня в том же виде, что и во времена Диккенса. Перед написанием главы Диккенс специально посещал Степл-Инн, поэтому расположение подъездов, комнат, каминов, окон и прочего передано в романе фотографически точно, и их можно идентифицировать даже и сегодня.

на мраморной доске над входом – располагалась и небольшая контора мистера Грюджиуса.⁷¹ Множество папок и коробок с корреспонденцией заполняло шкафы, выстроившиеся вдоль стен, множество юридических книг и прочих документов лежало на столах и стояло на полках, но сказать, чтобы они комнату загромождали – было нельзя, так как во всём был заметен строжайший порядок и чистота. Внешний порядок являлся отражением внутреннего, поскольку и сам мистер Грюджиус среди узкого круга коллег по юридическому ремеслу славился безукоризненной честностью, пунктуальностью и обязательностью. Шутили даже, что он, наверное, каждую минуту опасается умереть и поэтому ни одного дела не откладывает на завтра и не оставляет незавершённым, не сведя дебет с кредитом до последнего пенса.

В конторе старого юриста не было и следа какой-либо роскоши, всё было по-деловому. В передней комнате редких посетителей встречал клерк мистера Грюджиуса – бледный долговязый тип лет тридцати на вид, с одутловатым лицом (сделанным, казалось, из непропечённого теста) и чёрными сонными глазами под такой же чёрной нечесаной шевелюрой. Этот вечно угрюмый персонаж обладал, однако, какой-то трудно определяемой властью над своим начальником,

⁷¹ Оригинальная мраморная доска с надписью «PJT-1747» над одним из подъездов Степл-Инна не сохранилась, она была разрушена в годы Второй мировой войны. Сейчас на том же месте висит её копия. Надпись была сделана в честь некоего Джона Томпсона, бывшего в 1747 году Президентом одной из адвокатских коллегий в Степл-Инне.

выражавшейся в независимом и даже почти дерзком поведении вкупе с полным отсутствием чиновничества; причём мистер Грюджиус склонен был прощать своему клерку все его прегрешения и порой казалось, едва перед ним не заискивал.⁷²

– Ну-с, Баззард, – сказал мистер Грюджиус, закрывая бухгалтерскую книгу, в которую он только что аккуратно занёс все за сегодняшний день доходы, налоги и пени, – что у нас было сегодня новенького, исключая туман на улице?

– Мистер Друд, – пробурчал клерк.

– А что с ним такое?

– Заходил, сэр, – сказал Баззард.

– Заходил, но когда?! Почему же Вы не провели его ко мне?!

– Я это и делаю, – отрезал Баззард, впуская гостя в кабинет шефа.

– Боже мой, Баззард! – укоряюще воскликнул мистер Грюджиус. – Вы так это сказали, как будто он лишь заглянул в дверь и тут же снова ушёл. Добрый день, мистер Эдвин! Эге, да Вы что-то кашляете!

– Это всё из-за проклятого тумана, – с трудом проговорил

⁷² Образ клерка Баззарда, как я считаю, является карикатурой на молодого Энтони Троллопа, тоже вынужденного в годы юности за нищенское жалование служить клерком. Из-за своего дерзкого и неуживчивого характера Троллоп на этой службе долго не удержался и скоро был уволен, успев, однако, написать в присутственные часы свой первый, не нашедший успеха у публики роман. «Говорящая» фамилия Баззард (Bazzard) произведена от слова «buzzard» – глупец, ворчун.

Эдвин, сплевывая в платок. – Режет глаза и горло так, будто в них перца насыпали.

– Что, неужели на улице действительно так скверно? Прошу Вас, снимайте пальто и садитесь вот к огню. Я и не замечаю плохой погоды за окном – так у нас в конторе славно натоплено! Это всё мистер Баззард, это он позаботился как следует растопить камин для меня.

– Даже и не думал, – отвечивал клерк из-за двери.

– Вот как! Ну значит, я сам растопил его и даже не заметил, – сказал мистер Грюджиус. – Прошу Вас, мистер Эдвин, садитесь в моё кресло, я его уже нагрел. Нет уж, я Вас прошу! Кто пришёл с такого холода, тот быстрее согреется в моём кресле.

Благодарно улыбнувшись мистеру Грюджиусу, Эдвин устроился в глубоком удобном кресле и протянул к огню избывшие ладони. Остатки тумана паром поднимались от подошв его мокрых сапог и тёплым воздухом утягивались в каминную трубу.

– Похоже, мне придётся у Вас задержаться, – сказал Эдвин. – Быстро мне не согреться.

– Так и задержитесь, если никуда не спешите, – ответил мистер Грюджиус. – Мы как раз собирались заказать обед из трактира напротив. Поэтому оставайтесь и присоединяйтесь к нам. А через час-другой и туман рассеется.

– Спасибо, Вы очень добры, – с улыбкой сказал Эдвин, заинтересованно осматриваясь по сторонам.

– Вовсе нет, ничуть, – возразил на это мистер Грюджиус. – Наоборот это Вы доставите мне удовольствие, согласившись разделить трапезу с такими скучными холостяками, как мы. Но сначала... сначала надо бы спросить Баззарда. Вдруг ему это не понравится... Баззард! Пожалуйста, пообедайте с мистером Эдвином и мной!

– Если Вы приказываете, сэр, то мне, конечно же, придётся согласиться, – последовал мрачный ответ из-за двери.

– Вот странный Вы человек! – воскликнул мистер Грюджиус. – Вам не приказывают, Вас приглашают.

– Спасибо, сэр. В таком случае я принимаю приглашение.

– Вот и славно. Тогда, если Вас не затруднит, сходите в трактир напротив и закажите нам обед на троих. Скажите им, что нам хотелось бы получить самый крепкий бульон, какой у них только есть, потом лучшее жаркое с подливкой – например, гуся или индюшку... только пусть хорошо прожарят, до хрустящей корочки. Ну или что у них там будет лучшего в меню... Словом, мы возьмём всё, что у них есть.

Пока мистер Грюджиус отдавал этот наказ тем же самым тоном, каким он, наверное, каждый день диктовал Баззарду деловые письма, клерк вытащил из угла круглый складной стол и расставил его посреди комнаты, после чего с тем же угрюмым и независимым видом удалился выполнять порученное.⁷³

⁷³ Нельзя сказать, чтобы у мистера Грюджиуса было настолько много работы, чтобы ему требовался клерк. Мистер Грюджиус был управляющим и сборщи-

– Конечно, это было несколько неделикатно с моей стороны, использовать мистера Баззарда как посыльного или разносчика пищи, – извиняющимся тоном сказал мистер Грюджиус. – Мне остаётся только надеяться, что он не обиделся...

– Он тут у Вас, похоже, делает только то, что хочет, – заметил Эдвин.

– Ох, нет, Вы его неправильно понимаете, – ответил мистер Грюджиус. – Если бы он, бедняга, делал только то, что хотел, он бы давно от меня уволился.

«Интересно только, кто бы его потом взял» – подумал Эдвин, но вслух этого, конечно же, не сказал. Мистер Грюджиус меж тем удобно облокотился о каминную полку, как бы готовясь к приятному и долгому разговору.

– Что ж, мистер Эдвин, буду ли я прав, если скажу, что Вы посетили меня для того, чтобы передать мне какое-нибудь послание от известной нам обоим юной леди? Или, может быть, для того, чтобы поторопить меня в каких-нибудь приготовлениях к известному нам обоим приятному событию?

– Я просто зашёл из вежливости, сэр, перед поездкой в Клойстергэм.

– Из вежливости, ну конечно! А не из-за нетерпения, нет?

– Какого нетерпения, сэр?

ком арендной платы в двух поместьях: одно когда-то принадлежало отцу Розы, мистеру Буттону, а чьим было второе – не известно. Отец клерка Баззарда был арендатором фермы в одном из этих двух землевладений. Интересно, что отец Энтони Троллопа (прототипа клерка Баззарда), бывший стряпчий, тоже под конец жизни арендовал ферму – так же, как и отец Баззарда.

Мистер Грюджиус чуть отступил от огня, как если бы ему вдруг стало слишком жарко.

– Я недавно навещал эту юную леди, о которой идёт речь, мистер Эдвин, и мне показалось – конечно, в той мере, насколько я вообще могу понимать чувства любви и молодости – мне показалось, что она Вас ждёт с нетерпением.

– В самом деле, сэр? Что ж, приятно узнать, что Киска ждёт меня и даже с нетерпением...

– Не знал, что Вы держите там *кошку*, – сказал мистер Грюджиус.

– Э-э... Киской я называю Розу, сэр, – ответил Эдвин, чуть покраснев.

– Вот как! – воскликнул мистер Грюджиус, с силой проведя ладонью по шевелюре. – Это мило!

Эдвин тревожно посмотрел на мистера Грюджиуса, пытаюсь понять, серьёзно ли он считает такое прозвище Розы милым или просто так шутит. Но в неподвижном лице старого юриста читалось не больше юмора, чем в каком-нибудь циферблате часов.

– Это такое дружеское прозвище, сэр, – снова попытался объяснить юноша.

– Гхм! – с силой произнёс мистер Грюджиус, ухитрившись вложить в это короткое междометие столько условного понимания и безусловного неодобрения, что Эдвин даже обеспокоенно заёрзал в хозяйском кресле.

– Рассказывала ли Вам Ки... то есть Роза... – попытался

нарушить неловкое молчание Эдвин.

– Ки? – нейтральным тоном отозвался мистер Грюджиус.

– Я хотел сказать «Киска», но потом поправился... Рассказывала ли она Вам про Ландлессов?

– Нет, не рассказывала, – ответил мистер Грюджиус. – Что такое «Ландлессы»? Название поместья? Фермы? Что-то другое?

– Это брат и сестра, сэр. Сестра учится в той же школе, что и...

– Ки, – подсказал мистер Грюджиус всё тем же нейтральным тоном.

– В той же школе, что и *Роза*. Она очень симпатичная девушка, сэр, и большая подруга Розы. Вот я и подумал, что Вам о ней могли рассказать. Или даже представили её Вам.

– Ничего подобного, – ответил мистер Грюджиус. – Однако вот и Баззард.

Действительно: в дверях в облаке тумана, принесённого с улицы, появилась означенная персона в сопровождении двух официантов из трактира. Странная это была парочка! Одного из официантов можно было бы назвать «летучим», а второго «стоячим». Пока летучий официант сновал туда и сюда, занося судки и тарелки, кастрюльки и стаканы, накрывал на стол и раскладывал еду по тарелкам, стоячий официант с невозмутимым видом разве что придерживал ему дверь, в которую летучий официант проскальзывал, тяжело гружёный, споро выполняя львиную долю работы. Ко-

гда же летучий официант, совсем уже запыхавшись, закончил свои труды, стоячий официант, перекинув салфетку через локоть, с непередаваемым достоинством подошел получить у мистера Грюджиуса чаевые. Весь его вид как бы говорил: «Вся заслуга принадлежит мне одному, моя же будет и награда, а этому жалкому рабу не на что и рассчитывать!». Глядя на эту картину, Эдвин поневоле подумал, что перед ним неплохая аллегория правительства и трудящегося класса.

После десерта мистер Грюджиус сходил в подвал (который он называл «мой винный погребок») и принёс оттуда пару бутылок прекрасного итальянского вина. Хлопнули пробки, и каждый из обедающих получил по бокалу живительной жидкости, рубиновой или золотистой, смотря по желанию. Баззард, уютно устроившись в кресле, прикрыв глаза, потягивал вино, совершенно размякнув на вид; а на мистера Грюджиуса вино не произвело смягчающего действия вовсе – его лицо оставалось всё таким же неподвижным, словно вырезанным из дерева, и только умные живые глаза внимательно следили за Эдвином.

– Баззард! – внезапно произнёс мистер Грюджиус, поворачиваясь на стуле к своему клерку.

– Весь внимание, сэр, – пробормотал Баззард, не открывая глаз и не меняя позы.⁷⁴

⁷⁴ В оригинальном тексте романа Баззард в разговоре с начальником постоянно употребляет фразу «Следую за Вами, сэр». Этой общепринятой формулой клер-

– Пью за Ваш успех, Баззард! Мистер Эдвин, выпьем за успех мистера Баззарда!

– С удовольствием, сэр, – ответил слегка удивленный Эдвин, оставив невысказанным вопрос, в чём же успех мистера Баззарда должен был заключаться.

– И очень возможно!.. вы знаете, я не мастак произносить речи, но... возможно!.. право, мне не хватает слов выразить то, что я хочу сказать... возможно!.. мне хотелось бы сформулировать это поэтически, но я ни в коем случае не поэт... поэтому я скажу просто: возможно! весьма возможно и очень возможно, что «Тернии Забот» когда-нибудь увидят свет!

Мистер Баззард смущённо хмыкнул и сделал свободной от бокала рукой над собственной головой такой жест, как будто он доставал колючки репейника из своих всклокоченных волос. Ничего не понявший Эдвин наблюдал за этими манипуляциями, приоткрыв от удивления рот. Никаких терний, однако, из шевелюры Баззарда на свет не появилось. Клерк лишь ещё раз скептически хмыкнул и сказал с благодарностью в голосе:

– Спасибо, сэр. Ваш слуга, сэр.

Тут мистер Грюджиус совершил нечто странное и совершенно не вязавшееся с невозмутимым его обликом. Он по-

ки при письме под диктовку давали понять диктующим, что успевают записывать все произносимые ими фразы. В этом переводе я заменил устаревшее словосочетание сходным по смыслу, но более современным и понятным.

ставил бокал с вином на стол, наклонился поближе к Эдвину и... подмигнул ему!

– А теперь, – продолжил мистер Грюджиус, снова выпрямляясь и как ни в чем не бывало подливая вино в бокал, – я хочу поднять тост за одну молодую леди. Первый тост мы выпили за Баззарда потому, что иначе он, как мне вдруг показалось, мог бы и обидеться.

После этих слов мистер Грюджиус повторил своё манёвр, а именно: опять наклонился поближе к Эдвину и снова подмигнул ему. Поражённый Эдвин не нашёл ничего умнее, чем подмигнуть мистеру Грюджиусу в ответ, хотя он и не имел ни малейшего понятия, чем было вызвано такое перемигивание.

– Итак, я поднимаю этот бокал за мою прелестную подопечную, мисс Розу! – провозгласил мистер Грюджиус. – Баззард!

– Я весь внимание, сэр, – пробормотал клерк. – Хотя я и так присоединяюсь.

– Я тоже, – поспешил сказать Эдвин.

Все выпили и помолчали.

– А теперь, спаси меня Господь, я хочу нарисовать перед вашим мысленным взором некую картину, – сказал мистер Грюджиус, закупоривая бутылку. – Я не мастак говорить красиво, но мне пришла в голову фантазия... если мне вообще позволительно говорить о фантазии, таковым талантом не обладая... итак, мне пришла фантазия нарисовать перед

вами картину, показывающую Истинного Влюблённого.

– Мы все внимание, сэр, – ответил на это Баззард, усаживаясь поудобнее, – и, если можно так выразиться, просто стораем от нетерпения увидеть эту Вашу картину.

– Пусть мистер Эдвин поправит меня, если я ошибаюсь, – начал мистер Грюджиус, с силой проведя ладонью от макушки к затылку, – но мне думается, что смысл всей жизни Истинно Влюблённого заключён в предмете его любви. Мне думается, что имя предмета любви является для Истинно Влюблённого самым ценным в мире сокровищем, и он не в состоянии не то что вслух, а даже и мысленно произнести это имя без того, чтобы сердце его от любви не забилося сильнее. Если же Истинно Влюблённый в дополнение к этому любимому имени имеет ещё и какое-нибудь особенно нежное прозвище для любимой персоны, он употребляет его только будучи с нею наедине. Поскольку такое прозвище есть огромная привилегия и честь, и употреблять его публично было бы явной бестактностью и, я бы даже сказал, показателем холодности и бесчувственности, если вообще не показателем неверности и измены.

Эдвин сидел ни жив ни мёртв, слушая эти простые и точные слова.

– Моя картина, мистер Эдвин – и Вы, несомненно, поправите меня, если я ошибаюсь – моя картина была бы не полна, если бы я не сказал, что Истинно Влюблённый пребывает в постоянном, трудно сдерживаемом нетерпении увидеть

любимую персону, и быть рядом с нею есть величайшее для него счастье. Если бы я сказал, что Истинно Влюблённого тянет к предмету его любви, как птицу тянет к гнезду, я бы выразился слишком поэтично. А я человек не рождённый для поэзии, и все мои познания в птичьих повадках исчерпываются наблюдениями за голубями Степл-Инна через окно моей конторы. Поэтому будем считать, что о птицах я ничего не говорил.

Эдвин неотрывно смотрел в огонь камина и кусал губы, чувствуя, что краска заливает ему щёки. Он не смел поднять глаза.

– Мне остаётся дополнить свою картину лишь несколькими штрихами, мистер Эдвин. Незачем и напоминать, кстати, что я по-прежнему жду Ваших замечаний и исправлений. Как мне кажется, в Истинно Влюблённом не найти и следа какой-либо холодности, скуки, безразличия, сомнений и двойственности чувств по отношению к предмету его любви. Всё это ему категорическим образом чуждо и не свойственно. На этом я закончил. Итак, мистер Эдвин, что скажете? Я обращаюсь к Вам, как к эксперту. Похожа ли вышла моя картина?

– Мне кажется, сэр, – проговорил Эдвин, отводя глаза, – что Вы были уж слишком безжалостны к тому, для кого её рисовали.

– Это возможно, – согласился мистер Грюджиус. – Я не мастак говорить обиняками.

– Я должен согласиться, сэр, – подавленно продолжал Эдвин, – что Ваша картина в целом правильна. Но, возможно, этот человек просто не показывает все свои чувства... Возможно, он...

Тут юноша погрузился в настолько продолжительное молчание, что мистер Грюджиус вынужден был его подбодрить:

– Возможно, он – что?

Но и после этого Эдвин не смог выдать и слова. Неловкую тишину нарушало одно только лишь вежливое похрапывание очень кстати задремавшего Баззарда.

– Поскольку, понимаете ли, на нём лежит очень большая ответственность, – сказал мистер Грюджиус, глядя на огонь камина.

Тоже уставившись на пламя, Эдвин смог лишь кивнуть.

– И он должен быть совершенно уверен, – продолжал мистер Грюджиус, – что он не играет ни с чьими чувствами. Ни с её, ни со своими.

Эдвин закусил губу, не отрывая взгляда от языков пламени в камине.

– Поскольку обладать таким сокровищем – это ему не игрушки. Это он должен записать себе на самом сердце, – произнес мистер Грюджиус. Затем, помолчав, он вдруг хлопнул себя ладонями по коленям и громко сказал: – Что ж, давайте-ка прикончим бутылочку, мистер Эдвин! Позвольте Вам налить! И я налью ещё и Баззарду, хотя он и спит. А то он ещё обидится...

С этими словами мистер Грюджиус разлил остатки вина по бокалам, разом осушил свой и со стуком поставил его донышком кверху перед собой на столешницу, словно поймав под него невидимую муху.

– А теперь, мистер Эдвин, снова к делу, – сказал он, помолчав. – Несколько дней назад я послал Вам заверенную копию завещания покойного отца Вашей невесты. Его содержание было Вам и без того известно, но послать Вам такую копию я был обязан. Вы получили её?

– Получил, сэр.

– Надо было сообщить мне об этом письмом. Дело есть дело – так оно во всём мире. Но Вы мне не написали.

– Я хотел сказать Вам сегодня, сэр, когда пришёл...

– Юридически этого было бы не достаточно, – возразил мистер Грюджиус, – ну да уж ладно. В этом завещании Вы могли заметить несколько слов, говорящих о том, что я должен буду вам кое-что сообщить устно – в тот момент, который я сочту наиболее подходящим.

– Да, сэр.

– Что ж, мистер Эдвин, мне кажется, что такой подходящий момент наступил как раз сегодня. Поэтому я на пару минут прошу Вашего внимания.

Разыскав в связке ключей нужный, мистер Грюджиус отпер потайное отделение своего стола и достал оттуда некий предмет, очень напоминающий бархатную коробочку, в которых обычно хранят дорогие перстни и кольца. С коробоч-

кой в руке он вернулся к Эдвину, и юноша заметил, что рука старого юриста заметно дрожит.

– Мистер Эдвин, это кольцо в форме розы из бриллиантов и рубинов, оправленных в золото, принадлежало когда-то матери мисс Розы. Это кольцо при мне снял с мёртвой руки супруги её несчастный муж – и не дай мне Бог ещё раз увидеть то отчаяние и душевную боль, которые он в тот момент испытал! Посмотрите, как сияют эти алмазы! – тут мистер Грюджиус открыл коробочку. – А вот глаза, которые сияли от счастья ещё ярче, глаза, которые так часто смотрели на это кольцо с безмерной радостью и гордостью, эти глаза закрылись навеки! Если бы я хотел выразиться поэтически – но я ни в коем случае не поэт! – то я бы сказал, что в красоте этих бриллиантов есть что-то безжалостное.

Мистер Грюджиус снова закрыл коробочку и с печалью во взгляде посмотрел на Эдвина.

– Это кольцо было подарено молодой леди её будущим мужем в знак их помолвки.⁷⁵ И он же был тем, кто снял это кольцо с её безжизненной руки – после того, как она погибла, утонув такой молодой! И он же передал это кольцо мне, чувствуя приближение и своей уже смерти. Передал с наказом хранить его до той поры, когда Вы, мистер Эдвин, будете

⁷⁵ Кольцо с алмазами и рубинами было у матери Розы так называемым «помолвочным» кольцом. У алтаря его снимали и заменяли кольцом обручальным. Тот факт, что мать Розы утонула (покончила с собой) с помолвочным, а не с обручальным кольцом на пальце, приоткрывает нам завесу над семейной тайной Буттонов. О ней будет рассказано позднее.

готовы вести мисс Розу к алтарю, и тогда вручить это кольцо Вам, чтобы Вы надели его на палец Вашей невесты. Если же что-то вдруг помешает событиям придти к этому счастливому и желаемому концу, тогда драгоценность должна остаться у меня.

Некоторое сомнение читалось во взгляде Эдвина, и некоторая нерешительность была видна в движении его руки в тот момент, когда он брал у старого юриста коробочку с кольцом.

– Надев это кольцо на палец мисс Розы, – сказал мистер Грюджиус, заметив это, – Вы подтвердите Вашу нерушимую любовь к живым, и к уже умершим. Возьмите его с собой, когда в следующий раз поедете в Клойстергэм, совершать последние приготовления к свадьбе. Но, мистер Эдвин... если в Вашем сердце есть хоть малейшее сомнение, если есть в Ваших отношениях хоть малейшая фальшь, если Вы идёте на этот шаг не из-за чувства безмерной любви, а только лишь по инерции и в силу привычки... тогда заклинаю Вас во имя чести живых и памяти уже умерших – возвратите мне это кольцо!

Последние громко сказанные слова разбудили Баззарда. Он подавился собственным храпом, выпрямился в кресле и обвёл комнату ничего не понимающим взглядом, словно пытаясь спросонья сообразить, куда это он попал.

– Баззард! – сказал мистер Грюджиус жёстче, чем обычно.

– Слушаю, сэр, – ответил Баззард. – То есть я и не пре-

кращал слушать.

– Во исполнение данного мне наказа я передал мистеру Эдвину бриллиантовое кольцо. Прошу Вас засвидетельствовать это.

Эдвин на секунду приоткрыл коробочку и показал Баззарду её мягко блеснувшее содержимое. Баззард серьёзно кивнул.

– Находясь в здравом уме и твёрдой памяти – свидетельствую, сэр.

Спрятав коробочку с кольцом в нагрудный карман пальто и испытывая настоящее желание побыть немного одному и ещё раз всё обдумать, Эдвин оделся, попрощался со ставшим вдруг очень молчаливым мистером Грюджиусом и вышел. Туман, по-прежнему едкий и плотный, никуда не делся, но Эдвин теперь не замечал его, погружённый в свои мысли.

Вскоре домой отправился и Баззард. Оставшись в конторе один, мистер Грюджиус ещё долго в глубоком раздумии сидел в кресле перед почти погасшим камином, пристально глядя на догорающие угли.

– Я только надеюсь, что поступил правильно, – проговорил он наконец, вставая. – Хорошо, что я сначала напомнил ему об ответственности. Конечно же расстаться с кольцом мне было непросто, но мне всё равно пришлось бы его скоро отдать.⁷⁶

⁷⁶ Многие исследователи упускают из внимания тот факт, что Грюджиус мог держать кольцо при себе только до совершеннолетия или замужества Розы. После

Он подошел к столу, закрыл и запер пустое теперь потайное отделение и задумчиво вернулся к камину.

– Её кольцо... – сказал он вполголоса. – Получу ли я его назад? Положительно, этот вопрос не идёт у меня из головы сегодня вечером... Да это и понятно – слишком долго я хранил его и слишком сильно ценил. Хотел бы я знать...

Тут мистер Грюджиус вздохнул и покачал головой.

– Старый ты дурак, Хирам, ведь ты уже десять тысяч раз задавал себе этот вопрос! Всё это давным-давно умерло, прошло; кого могут сегодня интересовать такие глупости?! Но всё равно... хотел бы я знать, подозревал ли он, когда завещал мне опекать его дорогую девочку – боже мой, как же она стала походить на свою красавицу-мать! – подозревал ли он, знал ли он, что когда он вёл под венец свою молодую жену, был ещё один, который любил её, обожал до безумия, безнадежно боготворил её, но издалека, на пристойном и безопасном для её чести расстоянии? Хотел бы я знать, пришло ли ему хоть один раз в голову, кто был этот несчастный влюблённый?!⁷⁷

Мистер Грюджиус снова вздохнул и привычным жестом провёл по волосам от макушки к затылку.

наступления любого из этих двух событий кольцо (вместе с прочим наследством) переходило Розе или её мужу.

⁷⁷ Читателю предлагается обратить внимание на любовный треугольник: мистер Грюджиус – миссис Буттон – мистер Буттон. При этом надо ещё учитывать, что мистер Грюджиус был управляющим в имении мистера Буттона, т.е. его наёмным работником.

– Что толку спрашивать себя об этом?! Спроси лучше, сможешь ли ты сегодня после всего этого заснуть...

Потушив свечи, мистер Грюджиус вышел из дверей конторы, запер их и пересёк лестничную площадку – жил он тут же, в квартире напротив. Комната его была сырой и холодной, с улицы проникал запах тумана и каминного дыма. Пробираясь к кровати со свечою в руке, старый юрист задержался на секунду перед висевшим на стене зеркалом.

– Да и то сказать, кому и в голову-то придёт подозревать в нежных чувствах такого как ты! – сказал он своему отражению. – Ну всё! Хватит уже ныть и жаловаться, хватит! Отправляйся в постель, старый ты дурак, и забудь обо всём этом!

Но долго ещё не мог заснуть старый юрист, долго ещё ворочался он на своём холодном и одиноком ложе, долго ещё вздыхал и вспоминал он прошлое – пусть и не такое далёкое, как проставленный над дверями его подъезда год тысяча семьсот сорок седьмой, но такое же безнадёжно прошедшее и невозвратное.

Глава XII.

Ночь с Дердлсом

Когда у мистера Сапси выдаётся свободный вечерок – то есть почти ежедневно – он любит прогуляться по церковному подворью и прилегающим к нему улицам. Вот и сегодня, заложив руки за спину, с видом собственника-домовладельца, навещающего свою недвижимость (а именно склеп своей достопочтенной супруги), мистер Сапси не спеша проходит дорожками кладбища в надежде увидеть одного-другого посетителя, застывшего в восхищении перед белеющей свежим мрамором доской с эпитафией. А если мистеру Сапси во время прогулки попадётся на глаза кто-нибудь, идущий быстрым шагом, то тут у мистера Сапси и сомнений не остаётся – это именно тот прохожий, кому эпитафия предписывала «краснея, удалиться».⁷⁸

За последний месяц в жизни мистера Сапси произошли кое-какие перемены. Во-первых, горожане избрали его мэром Клойстергэма.⁷⁹ А во-вторых, у него появился друг – ми-

⁷⁸ Судя по поведению мистера Сапси, мраморная доска с эпитафией его покойной супруге уже пару дней как прикреплена к стене склепа, но ключ от самого склепа ещё не возвращён ему Дердлсом. Прямых указаний на это факт в книге нет, но Джаспер по-прежнему стремится завладеть узелком Дердлса, в котором, как мы помним, и хранится этот ключ.

⁷⁹ Выборы глав городских администраций (мэров) в викторианской Англии

стер Джаспер. Мистер Сапси уже неоднократно посещал домик над воротами, и мистер Джаспер всегда с большим удовольствием принимал господина мэра, услаждал его слух пением и игрой на пианино, а самое главное – был готов часами напролёт с благодарной улыбкой выслушивать его поучения, морализаторство и весь его прочий глубокомысленный вздор.

Выйдя с территории кладбища и завернув за угол собора, мистер Сапси – какая приятная неожиданность! – встречает своего нового друга мистера Джаспера в компании ещё парочки представителей церковного клира: Его Преподобия отца-настоятеля и мистера Топа, соборного пристава. Мистер Сапси приветствует господ священнослужителей поклонном – элегантным настолько, что сам архиепископ Кентерберийский позавидует.

– Определённо, мистер Джаспер, Вы хотите написать о нас книгу, – говорит в этот момент отец-настоятель. – Что ж, наша богатая и древняя история может послужить для неё хорошим материалом! Жаль только, что мы богаты больше историей, чем земельными владениями!.. Но, возможно, именно Ваша книга и привлечёт внимание к этой вопиющей несправедливости, от которой все мы так страдаем.

Мистер Топ, верный служебному долгу, всем своим видом

традиционно проводились в первые выходные после Михайлова дня – в 1842 году они пришлись на 3—4 ноября. Мистер Сапси был кандидатом от консервативной партии тори.

выказывает полное одобрение этой идее своего начальника.

– Сказать по правде, сэр, становиться автором книги не входит в мои планы, – отвечает Джаспер. – Я интересуюсь местной археологией просто из любопытства. Кстати, даже это заслуга мистера Сапси, а не моя.

– Как это, господин мэр? – с улыбкой спрашивает церковный глава городского главу. – Каким образом это может быть с Вами связано, господин мэр?

– Я только что подошёл, Ваше Преподобие, поэтому пока не совсем понимаю, с чем именно Ваше Преподобие меня так любезно связывает, – с некоторой неуверенностью в голосе произносит мистер Сапси.

– Дердлс! – вдруг выпаливает мистер Топ.

– Да, это возможно, – отзывается настоятель. – Дердлс! Ну конечно!

– Дело в том, сэр, – объясняет Джаспер, – что именно мистер Сапси первым пробудил во мне интерес к нашему каменотёсу. Именно после той памятной встречи с Дердлсом в доме мистера Сапси я и захотел познакомиться с этим человеком поближе.

– Ах, это! – восклицает мистер Сапси с непередаваемым самодовольством. – Да-да, конечно! Вот о чём Вы изволили говорить, Ваше Преподобие! Всё верно: именно я и свёл вместе мистера Джаспера и Дердлса, признаюсь. Ох, уж этот Дердлс!.. Большой оригинал!

– Не могу забыть, мистер Сапси, как Вы его двумя-тре-

мя вопросами буквально наизнанку вывернули и, если можно так выразиться, просушиться вывесили, – поддакивает Джаспер.

– Нет-нет, не преувеличивайте, – с показной скромностью протестует мистер Сапси. – Возможно, я и вправду имею на него известное влияние, но это только потому, что я – если Его Преподобию отцу-настоятелю будет угодно вспомнить – имею некоторое знание света и человеческой природы.

– Что ж, господин мэр, – отвечает на это отец-настоятель, – тогда я прошу Вас употребить всё Ваше влияние на Дердлса и потребовать от него, чтобы он внимательнейшим образом следил за мистером Джаспером. А то он ещё свернёт себе шею! Да-да, его шея и его голос слишком дороги нам, чтобы так ими рисковать!

– Приложу все возможные усилия, чтобы с шеей мистера Джаспера ничего не случилось, – говорит мистер Сапси польщённо. – Непременно поговорю с Дердлсом. Уж меня-то он послушает!.. Кстати, а что за опасность грозит мистеру Джасперу?

– Просто я собираюсь побродить сегодня ночью с Дердлсом и при лунном свете полюбоваться всякими там руинами, могилами и склепами, – поясняет Джаспер. – Помните, Вы говорили мне при первой нашей встрече, что мне, как человеку с художественным вкусом, это может быть интересно?

– Как же, как же! Я помню! – восклицает аукционер. И старому ослу Сапси кажется, что он, и в самом деле, вспо-

минает этот случай!

– Вот я и последовал Вашему совету, – продолжает Джаспер. – Я уже пару раз сопровождал Дердлса днём, а теперь хочу прогуляться с ним и ночью.

– Кстати, а вот и он, – замечает настоятель.

Дердлс, со своим неразлучным узелком в руке, действительно, нетвёрдой походкой появляется из-за угла собора и тут же тормозит, завидев своё начальство. Затем, стянув с головы шляпу и зажав её под мышкой, пытается проскочить мимо беседующих, но неудачно – мистер Сапси останавливает его.

– Не забывайте, что Вы должны позаботиться о моём друге! – говорит аукционер.

– Не знал, что у Вас есть друзья, – бурчит Дердлс. – Что, ещё кто-то умер?

– Нет, я имею в виду моего живого друга, вот этого.

– Ах, этого?! – отвечает Дердлс. – Мистера Лжаспера? Ну он и сам о себе прекрасно позаботится.⁸⁰

– Но и Вы позаботьтесь о нём! – приказным тоном велит мистер Сапси.

Дердлс осматривает господина мэра с ног до головы тяже-

⁸⁰ У Диккенса в этой главе Дердлс начинает называть хормейстера чуть-чуть на другой манер – не Джаспером (Jasper), а Джарспером (Jarsper). Глагол «jars» в одном из своих значений переводится как «дребезжать, издавать неприятные звуки». То есть, называя так Джаспера, каменотёс как бы высмеивает его певческие способности. Я перевёл эту игру слов как «Лжаспер» – чтобы подчеркнуть двуличную натуру хормейстера.

лым взглядом.

– С позволения Его Преподобия отца-настоятеля, мистер Сапси, если Вы не будете указывать Дердлсу, что ему делать, то и он не будет указывать Вам, куда вам пойти.

– Говорил же я, что он большой оригинал! – обращается мистер Сапси к собеседникам, заговорщицки им подмигивая. – Мистер Джаспер мой большой друг, Дердлс, а я всегда забочусь о своих друзьях! И от Вас я ожидаю того же!

– Не имейте дурацкой привычки хвастаться, – говорит Дердлс, мрачно покачивая головой, – и на Вас не будут показывать пальцем.

– Большой оригинал! – повторяет мистер Сапси, слегка краснея, и снова подмигивает собеседникам.

– Не больше Вашего, – отрезает Дердлс. – Просто не терплю вольностей.

После этих слов Дердлс желает отцу-настоятелю доброго вечера, надевает шляпу и добавляет, обращаясь к хормейстеру:

– Вы найдёте меня дома, мистер Лжаспер, как и договаривались. А я пока пойду почищу.

Затем Дердлс уходит, оставляя всех гадать, что же он имел в виду под обещанием почиститься, поскольку никто ещё в Клойстергэме не встречал Дердлса в чистой одежде. Похоже, у него даже и щётки-то не было, так как его шляпа, куртка и ботинки (да и он сам, если на то пошло) всегда пребывали примерно в одной степени запылённости – а именно

в чрезвычайной.

На прилегающих к церковному подворью улицах уже редкими светлыми точками зажглись газовые фонари, и наши собеседники расходятся. Отец-настоятель отправляется ужинать, соборный пристав возвращается к жене пить чай, а хормейстер спешит к своему пианино. В комнатах домика над воротами темно, но мистер Джаспер не зажигает света, а вместо этого подсаживается к инструменту и, не заглядывая в ноты, принимается наигрывать и вполголоса напевать хоралы и кантаты. Так проходит два или три часа, пока на землю не опускается темнота, и круглая луна не поднимается над окрестными крышами.

Тогда мистер Джаспер тихонько встаёт, беззвучно опускает крышку пианино, без малейшего шума надевает вместо сюртука грубую матросскую куртку, осторожно опускает в её глубокий карман оплетённую лозой бутылку, приятно булькнувшую своим содержимым, снимает с гвоздя широкополую мягкую шляпу и неслышно выходит. Почему он этим вечером так старается, чтобы его не услышали? Казалось бы, для этого нет никакой причины... Но, может быть, причина для такого странного поведения таится где-нибудь там, в тёмных глубинах его души?

По пути к берлоге Дердлса, представляющей из себя что-то вроде курятника, прилепившегося к старой городской стене, он тихими шагами минует «огород» каменотёса – свалку неоконченных или едва начатых могильных памятников,

распиленных на пласты кусков мрамора и гранита, треснувших досок с эпитафиями и прочего такого же добра. В щели одного из камней торчит двуручная пила – это рабочие Дердлса не выполнили дневное задание до конца и отправились по домам или в таверну. Интересно, кому предназначался этот недоделанный памятник? Возможно, этот несчастный будущий покойник вполне себе ещё жив, и даже не подозревает, что ему уже мастерят надгробие. Может быть, он даже собирается жениться...

– Эй, Дердлс!

Дверь хижины отворяется, и на пороге показывается её хозяин, с бутылкой и стаканом в руках – ими-то он, очевидно, и «чистился», поскольку никаких других приспособлений для чистки в комнатке с земляным полом, убогой мебелью и закопчённым потолком из некрашенных досок что-то не видно.

– Ну как, Вы готовы?

– Мне и готовиться не надо, мистер Лжаспер. Пусть эти там готовятся – покойнички в земле, да привидения всякие. Дердлс их не боится.

– Похоже, свою храбрость Вы черпаете из бутылки.

– Дердлсу всё равно откуда её черпать, – отвечает каменотёс. – Главное, чтобы спиртное не переводилось.

Сняв с крюка фонарь и сунув в карман пару-тройку серных спичек, Дердлс – с неизменным узелком под мышкой – спускается с крыльца, и вот уже две фигуры пробираются

к выходу из залитого лунным светом дворика, петляя среди надгробий.

Странная это экспедиция, надо сказать! В том, что в неё отправляется Дердлс, привыкший среди ночи болтаться на кладбище среди могил и склепов, бродить среди руин и спускаться в подземелья собора – в этом особой странности нет. Но вот то, что к нему захотел присоединиться хормейстер, которому в голову вдруг взбрело насладиться игрой лунного света на памятниках и надгробных статуях – вот это, поистине, очень и очень странно!

– Осторожнее, мистер Лжаспер! Не наступите вон в ту кучу у моей калитки.

– Где? Ага, вижу... А что это?

– Известь.

Мистер Джаспер останавливается и дожидается приотставшего Дердлса.

– Это её вы называете «негашёной»?

– Её самую, – отвечает Дердлс. – Если вступите в неё, то махом разъест вам сапоги. А если чуть замешкаетесь, то и пятки вам до кости проест.⁸¹

⁸¹ Куча негашёной извести у ворот Дердлса десятилетия не давала покоя исследователям «Тайны Эдвина Друда». Форстер упоминал о том, что Диккенс сообщил ему ряд деталей сюжета книги, и негашёная известь тогда была упомянута тоже. Из вскользь брошенной фразы Дердлса «она способна проесть вам ноги до кости» исследователи вывели теорию, что Джаспер должен забросать труп своей жертвы негашёной известью, с целью полностью уничтожить его. Но, во-первых, у Джаспера не было возможности натаскать вёдрами нужное количество извести в склеп (его могли и заметить за такой работой), а во-вторых – из-

Двигаясь таким порядком дальше, они минуют ночлежку «Койка за два пенса», проходят насквозь пустырь, который в Клойстергэме отчего-то величают «монастырским виноградником», и выходят на улицу, ведущую к домику младшего каноника. Большая часть улицы погружена в темноту – от света луны её заслоняет высокая крыша здания.

Хлопает дверь домика, и две мужские фигуры появляются на крыльце: это мистер Криспаркл и Невил. Джаспер, со странной кривой усмешкой на лице, рукою останавливает Дердлса и увлекает его в плотную тень от куска старой стены, тянущейся вдоль тротуара в начале улицы.

– Дадим им пройти, – шепчет мистер Джаспер своему удивлённому спутнику. – А то они ещё увяжутся за нами, или начнут расспрашивать, или ещё что. Они вышли прогуляться, так пусть себе идут.

Дердлс кивает, пристраивает свой узелок на камне, достаёт оттуда сухарь и принимается его жевать. Мистер Джаспер кладёт локти на верх каменной стены (она невысока), упирается подбородком в сжатые кулаки и исподлобья внимательно разглядывает встретившуюся им пару. На канони-

известь не уничтожает мёртвые тела, а только замедляет их разложение, подсушивая и мумифицируя трупы. Вдобавок часто забывается, что Джаспер запланировал своё преступление, ещё ничего не зная о свойствах извести – об её едких свойствах ему случайно сообщил Дердлс, когда «ночная экспедиция» с ним уже началась. Тем не менее, негашёная известь сыграет в романе свою роль, но только не та известь, которая свалена кучей у ворот, а та, которая вместе с прочим строительным мусором оставлена рабочими Дердлса в склепе Сапси.

ка он не обращает особого внимания, а вот с Невила буквально не сводит пристального взгляда прищуренных глаз – и столько в этом взгляде какой-то разрушительной силы, так похож он на взгляд охотника поверх прицела убийственного ружья, что заметивший его Дердлс даже забывает про сухарь и непонимающе смотрит то на хормейстера, то на его ничего не подозревающую мишень.⁸²

Младший каноник и его воспитанник, о чём-то беседуя, прохаживаются по улице взад и вперёд, и Джаспер пару раз слышит в разговоре своё имя.

– Сегодня первый день недели, – говорит мистер Кри-спаркл, снова направляясь в сторону подслушивающих, – а последний день как раз будет Сочельник.⁸³

– Вы можете на меня положиться, сэр, – отвечает Невил. Затем голоса становятся тише, потому что парочка снова удаляется. Эхо доносит слово «доверие», сказанное канони-

⁸² Пристальный взгляд Джаспера на своих противников многократно упоминается в книге: Джаспер смотрит так не только на Эдвина, но и на Невила, Дердлса, Розу и на хозяйку опиумного притона. Диккенс называет эту его манеру «взглядом охотника, целящегося в жертву», но писательница Джорджия Шелдон нашла лучшее, на мой взгляд, сравнение – так внимательно и неотрывно кошка смотрит на мышь. Много позже, в 23-й главе, точно так же будет смотреть хозяйка притона на самого Джаспера – когда начнёт уже свою на него охоту.

⁸³ Встреченные Джаспером по дороге к собору Криспаркл и Невил обсуждают необходимость примирения с Эдвином. Фраза каноника «Сегодня первый день недели, а её последний день придёт на Сочельник» позволяет вычислить год, в который происходило действие романа – 1842. Эта датировка подтверждается и многими прочими деталями, упомянутыми в книге (и опущенными в этом переводе). Заметим, что в английском календаре неделя начинается с воскресенья.

ком чуть громче. Когда беседующие вновь подходят ближе, становится слышно, что отвечает Невил:

– Ещё не заслужил его, сэр, но я пытаюсь.

– И не забудьте, что я поручился за Вас перед мистером Джаспером, – добавляет младший каноник.

Что на это отвечает Невил не слышно, так как разговаривающие опять удаляются. Видна только бурная жестикуляция Невила, после которой мистер Криспаркл на мгновение поднимает глаза к небесам и делает Невилу знак, приглашая его следовать за собою. Затем оба они медленно уходят вдоль по улице, пересекают залитое лунным светом пространство в её конце и истаивают в темноте.

Джаспер, до той поры недвижимый, словно хищник в засаде, теперь поворачивается к Дердлсу и раздражается безудержным, но при этом совершенно беззвучным смехом. Каменотёс смотрит на него, открыв рот с недожёванным сухарем, а мистер Джаспер, уткнувшись лицом в ладони, просто задыхается от смеха – плечи его ходят ходуном, из глаз текут слёзы, он сипит, хватая ртом воздух и таращит глаза. И только когда хормейстер, отсмеявшись, в изнеможении вытирает себе глаза ладонями, Дердлс с усилием проглатывает хлеб – с таким видом, будто у него по горлу прошёл камень.⁸⁴

Потом они идут дальше. На церковном подворье после на-

⁸⁴ Злорадный смех Джаспера вызван чёрным юмором ситуации: каноник угрожает Невилу помириться с Эдвином, не подозревая, что это примирение является частью плана Джаспера убить своего племянника.

ступления темноты обычно царят полнейшие тишина и безлюдье, поскольку горожане избегают тут ходить – да и какие дела могут у них быть ночью у стен собора или на кладбище? Разве что высматривать огни на могилах или охотиться на привидений: говорят, среди надгробий иногда можно заметить светящийся силуэт таинственной женщины, одетой в погребальный саван, с обрывком верёвочной петли вокруг шеи и с призрачным младенцем в бледных руках. Хотя и непонятно, как тому могли появиться свидетели, если ночами возле монастырских стен и кладбищенской решётки не встретишь ни спешащего домой прохожего, ни даже совершающего свой обход констебля.

Мистер Джаспер и Дердлс останавливаются у небольшой двери сбоку от главного портала собора, и пока каменотёс разыскивает в карманах ключи от этого, можно сказать, служебного входа, хормейстер бегло осматривается. На аллеях кладбища и на прилегающих к подворью улицах нет ни души, окна далеко отстоящих домов темны и закрыты ставнями и лишь в домике над воротами в собственных окнах мистера Джаспера виден свет лампы под красным абажуром, горящей во тьме подобно маяку.

Дердлс отпирает дверь, и они проходят внутрь. Лязгает за спиной щеколда, и они начинают спуск в подземелье собора, в его крипту. Она огромна. Десятки каменных столбов подпирают массивные своды, лунный свет проникает во множество стрельчатых окошек, когда-то украшен-

ных витражами, а нынче разбитых и пустых, со сломанными рамами. Луна светит так ярко, что здесь даже не нужен фонарь – яркие пятна и полосы света на каменных плитах пола делают тени между колоннами совсем уж угольными. Мистер Джаспер и Дердлс какое-то время бродят по этим лунным дорожкам взад и вперёд, пока каменотёс, ставший отчего-то необычайно говорливым, рассказывает, под каким столбом была обнаружена какая могила, да что за монах или епископ в ней покоем. Джаспер ещё ранее передал ему бутылку со спиртным, и теперь Дердлс, рассказывая, то и дело прикладывает к горлышку, будто все перечисляемые покойники являются членами его семьи, и он пьёт за встречу с ними и за их здоровье.⁸⁵

Из подземелья собора наверх ведёт лестница с высокими каменными ступенями, и тут Дердлс делает короткий привал, чтобы отдышаться и съесть ещё один сухарь. Мистер Джаспер тоже присаживается на одну из ступенек – чуть в отдалении от Дердлса, ибо запах поглощаемого из горлышка спиртного слишком уж силён, а чавканье каменотёса слишком уж режет ему ухо. Мало того, Дердлс пытается ещё и говорить с набитым ртом:

⁸⁵ Рочестерский собор, послуживший Диккенсу прототипом для Клойстергэмского, действительно имеет огромное подземелье, в точности описанное в романе. Всё путешествие Дердлса и Джаспера изображено Диккенсом фотографически верно, каждая лестница и деталь интерьера помещены точно на свои места. Эта аккуратность описания позволяет нам в деталях восстановить маршрут «ночной экспедиции» Джаспера и Дердлса.

– А коньячок-то хорош, мистер Лжаспер!

– Надеюсь, – отвечает хормейстер. – Потому его и купил.

– А привидения-то не показываются, мистер Лжаспер! Боятся небось!

– Вот и хорошо. Наш мир для них – слишком уж сумасшедшее местечко.

– Это точно! Да и нам они только путались бы под ногами, – соглашается Дердлс и продолжает после паузы, достаточно большой для хорошего глотка спиртного: – А вот как Вы думаете, мистер Лжаспер... могут же быть привидения другого рода? Не только мужчин или женщин – а, например, вещей?

– Привидения вещей?! Я никогда не слышал, чтобы кому-то привиделась садовая лейка или горшок с цветами! Разве что могут быть привидения лошадей или собак...

– А привидения звуков?

– Каких звуков?

– Криков, например.

– Чьих криков? Продавцов газет?

– Нет, я говорю про настоящие крики, даже вопли. Сейчас я Вам расскажу, мистер Лжаспер, только ещё глоточек сделаю... Вот теперь хорошо! Теперь можно и рассказать! Значит, год назад, примерно вот в это же время – или, может, на пару дней позднее – заночевал я как раз на этом самом месте, где мы сейчас с Вами сидим. Домой я пойти не мог – очень уж набрался. Да и эти чёртовы мальчишки мне кам-

нями совсем проходу не давали, пришлось мне от них сюда спастись... Да, так вот... задремал я здесь на ступеньках. И знаете, что меня разбудило? Призрачный вопль, да такой страшный, что я чуть не окочурился! Сначала, значит, был этот самый вопль, а потом вроде как собака завывала – да так протяжно и тоскливо, как если бы её хозяин только что помер...

– Это что за намёк?! – резко и злобно перебивает его Джаспер.⁸⁶

– Нет, просто кому бы здесь в церкви кричать и выть, если не привидению? – отвечает Дердлс. – И я многих в городе потом расспрашивал – и никто никаких воплей в ту ночь не слышал... Вот я и решил, что это кричали и выли призраки. Но вот почему они явились именно мне?.. Этого я понять не могу.

– А я-то считал Вас порядочным человеком... – презрительно говорит Джаспер.⁸⁷

– Ну, как бы я такой и есть, – невозмутимо отвечает камелотёс. – Да только привидениям-то небось без разницы, кто

⁸⁶ Дердлс упоминает «призрачные крик и вой», которые он слышал ровно год назад – то есть примерно в дни смерти миссис Сапси. Со смертью этой женщины крик, однако, не имеет ничего общего. Дом Сапси отстоит от собора более чем на четверть мили. По оскорблённой реакции Джаспера можно сделать вывод, что кричал и выл (от отчаяния) именно он, и кричал он внутри собора, раз снаружи здания никто ничего не слышал. Причина этого его отчаяния будет объяснена в последующих главах.

⁸⁷ Поначалу Джасперу кажется, что Дердлс собирается его шантажировать, но хормейстер тут же понимает свою ошибку.

какой человек...

– Так, хватит болтовни, идём дальше, – говорит мистер Джаспер, рывком вставая. – Показывайте путь.

Дердлс безропотно поднимается на нетвёрдые уже ноги, потом тем же ключом, что и в начале путешествия, отпирает железную дверцу на верхнем конце каменной лестницы и выходит из подземелья в главный зал собора. Яркий лунный свет из стрельчатых окон южного трансепта, окрашенный витражными стёклами в яркие карнавалы цвета, падает на его лицо и фигуру, превращая его в гротескное подобие какого-нибудь арлекина из итальянской комедии. Джаспер, протискивающийся мимо остановившегося в проёме двери Дердлса, внимательно и серьёзно смотрит в его расцветенное фиолетовым и жёлтым лицо, но читает в нём лишь пьяное безразличие. Затем хормейстер, нащупав в карманах доверенный ему по службе ключ от неприметной двери, ведущей к спиральной лестнице на верхние этажи собора, достаёт его и совывает в руки Дердлсу.

– Вот, держите. Ключ в правую руку, бутылку в левую, а узелок Ваш дайте мне, чтобы не мешался, – говорит он своему провожатому. – Я помоложе Вас буду, так что донесу и не запыхаюсь.

Дердлс неохотно подчиняется. Они проходят через гулкий зал, отпирают дверь в углу северного трансепта и узкой витой лестницей, спиралью обнимающей центральный каменный столб, поднимаются к галереям. Миновав две или

три из них, пыльных и узких, и пройдя вдоль хоров и над алтарём, Дердлс и Джаспер выходят на узкий балкон, тянувшийся вдоль всего нефа собора. Внизу под ними в полумраке смутно видны скамьи для прихожан и кафедра проповедника. Каменные лики ангелов, вырезанные на поддерживающих своды колоннах, в свете покачивающегося в руках подвыпившего Дердлса фонаря словно подмигивают хормейстеру и ухмыляются ему дьявольскими усмешками – но это только игра теней и ничего более.

Узким и длинным, вырезанным в толще каменной стены проходом, в котором, словно в трубе, завывает ветер, они поднимаются ещё на этаж выше и оказываются в очень странном месте – между кирпичными сводами зала собора и его черепичной, на досках и балках, крышей. Тут идти приходится согнувшись, по узким и зыбким деревянным мосткам – к счастью, недалеко: дверь комнаты звонарей совсем рядом, а из неё до верха башни уже рукой подать. По звоннице, проникая в сквозные, забранные деревянными рейками оконные проёмы, гуляет холодный зимний ветер – поэтому фонарь приходится оставить снаружи, перед дверью, иначе его тут же задует. Через люк в потолке Дердлс и Джаспер выбираются на верхушку башни. Несколько вспугнутых ворон и грачей тут же снимаются с каменных зубцов, опоясывающих башню, и с хриплыми криками улетают прочь.

Опершись грудью на каменный парапет, Джаспер с интересом смотрит вниз: весь Клойстергэм виден как на ладо-

ни, залитый лунным светом. Внизу, сразу у подножия башни, обитель мёртвых – склепы и могилы кладбища (и Джаспер рассматривает эту часть пейзажа особенно пристально); чуть далее видны черепичные крыши и кирпичные стены домов живых; а совсем уж вдали, почти у горизонта, блестит в свете луны широкая лента реки, несущая свинцовые воды свои к близкому уже морю.

Но с не меньшим интересом поглядывает хормейстер и на Дердлса, которому теперь, похоже, выпитое спиртное изрядно ударило в голову: каменотёс едва стоит на ногах, пьяно жестикулирует и что-то бормочет, а один раз даже пытается перелезть через парапет и едва не падает вниз, так что Джасперу приходится оттаскивать его от края. После этого неприятного момента хормейстер принимает за лучшее немедленно начать спуск.

По каменной спиральной лестнице Дердлс, оступившись, почти скатывается, разбивая и пачкая себе известкой колени и ссаживая в кровь ладони. Железная дверь щёлкает замком, за ней другая, и вот наши путешественники из высоты снова возвращаются в подземелья собора – словно воздухоплаватели, чей шар притянули канатом обратно к месту старта. Тут Дердлс приваливается спиной к стене, сползает по ней на такие знакомые по неоднократным ночёвкам и ставшие уже почти родными ступени лестницы в крипту, и бормочет, что ему надо «секундочек сорок вздремнуть».

– Если Вам надо поспать, то Вы не стесняйтесь, я Вас охот-

но подожду, – говорит Джаспер. – Спите себе спокойно, а я пока поброжу тут вокруг.⁸⁸

Дердлс опять что-то бормочет и проваливается в странную дремоту, больше похожую на полное сонных видений забытё или даже обморок. Сны его необычно похожи на реальность. Ему снится, что он заснул на ступеньках лестницы в крипту, а ещё ему снятся чьи-то шаги, то удаляющиеся от него, то снова приближающиеся. Потом ему снится, что его чуть толкают ногой, и от этого движения из руки его что-то выпадает и звонко ударяется о каменные плиты пола. После этого он очень долго спит один – так долго, что лунные дорожки на полу между колонн успевают значительно передвинуться. Замёрзнув во сне, он начинает дрожать и от того просыпается, и оказывается, что полосы лунного света из подвальных окон собора, действительно, переползли на новые места – в точности как в его видении.

– Ну, очнулись, наконец?! – приветствует его мистер Джаспер, подходя ближе и потирая замёрзшие руки. – Знаете ли Вы, что Ваши «сорок секундочек» растянулись на це-

⁸⁸ Целью ночного посещения собора для Джаспера является вовсе не «экспедиция на башню» (куда он мог бы попасть и днём, поскольку у хормейстера от двери на башню был собственный ключ, да и звонари ведь трижды в день поднимаются в звонницу бить в колокола), а стремление подпоить Дердлса коньяком с растворённым в нём опиумом, чтобы тем усыпить его и получить возможность украсть у него из узелка ключ от склепа Сапси. Многие исследователи считают, что Джаспер далее делает слепки с ключей, чтобы заказать затем по слепкам дубликаты, но хормейстер не рискнул бы размещать такой заказ в родном городе, а в Лондон он до момента убийства не ездил.

лые полтора часа?

– Да быть того не может!

– Точно Вам говорю.

– Это который же тогда час?!

– Как раз бьют колокола на башне, слышите?

Соборные часы отзванивают четыре четверти, а затем гулко вступает большой колокол.

– Два часа ночи! – ахает Дердлс, поднимаясь и пытаясь утвердиться на подгибающихся ногах. – Что ж Вы меня раньше не разбудили-то, мистер Лжаспер?!

– Я пытался, да только Вас разбудить сложнее, чем какого-нибудь покойника под одним из Ваших надгробий!

– Так растолкали бы меня!

– Да я Вас и расталкивал, и тряс, и только что не пинал – и всё без толку.

Вспомнив какую-то деталь своего слишком похожего на явь сна, Дердлс осматривает пол вокруг того места, где лежал, и видит валяющийся рядом ключ от двери крипты собора.

– Так я тебя выронил, братишка? – бормочет он, наклоняясь за пропажей, и снова замечает на себе внимательный и жесткий взгляд своего спутника.

– Ну, готовы Вы, наконец? – с усмешкой спрашивает Джаспер. – Если нет, то не спешите, я люблю ждать.

– Вот только узелок поаккуратнее завяжу, и можно идти, – отвечает каменотёс и вдруг взрывается пьяной обидой. – Да

что Вы на меня так уставились-то, мистер Лжаспер?! Или подозреваете меня в чём?! Так Вы уж скажите!

– Мистер Дердлс, дорогой мой, Вас я ровно ни в чём не подозреваю. А вот что коньяк в моей бутылочке оказался крепче, чем мне обещали в лавке, на этот счёт у меня есть подозрения, – говорит хормейстер, переворачивая поднятую с пола бутылку вверх дном. – И ещё я подозреваю, что выпивка у нас кончилась.

Дердлс усмехается, затем преувеличенно твёрдым шагом отправляется к выходу из крипты; Джаспер следует за ним. Отомкнув замок железной дверцы, Дердлс выпускает хормейстера, выходит сам и снова запирает дверь. Ключ, едва не потерянный минутами ранее, он прячет во внутренний карман куртки.

– Сердечное спасибо Вам за интересную и познавательную ночь, – говорит Джаспер, пожимая каменотёсу руку. – Дойдёте до дома сами, или мне проводить Вас?

– Сам справлюсь! – отвечает Дердлс. – Да я домой и не собираюсь!

*Будем пить с друзьями с ночи до утра,
Нам идти до дому не пришла пора!⁸⁹*

⁸⁹ Говоря, что он «не пойдёт домой до утра», Дердлс цитирует английскую застольную песню «We won't go home till morning». В русском переводе она известна со словами: «*Мальбрук в поход собрался, когда ж вернётся он? Не придёт он домой до рассвета и, может, он совсем уж домой не придёт.*»

– В таком случае, доброй ночи, Дердлс.

– Доброй ночи, мистер Лжаспер.

Но хормейстер не успевает сделать и шага, как громкий свист разрезает ночную тишину, и в стену собора рядом с плечом Джаспера впечатывается пущенный меткой рукой камень, сопровождаемый визгливым «*Видди, видди, ви! Попался после десяти!*» и на освещённую луной середину улицы выбегает, пританцовывая, оборванный уличный мальчишка.

– Что?! Да этот чертёнок следил за нами! – в приступе бешенства орёт Джаспер, покраснев от злобы. – Гадина, да я тебе кишки выпущу! Сейчас ты у меня сдохнешь, мерзавец!

Не обращая внимания на град камней, Джаспер бросается в погоню за мальчишкой, в три прыжка настигает его и хватается за воротник. Но Депутат тоже не прост и знает пару хитрых приёмов: проскользнув под локоть Джаспера, он выворачивает ему таким образом руку, а затем подгибает колени и плюхается на землю, после чего Джаспер с проклятием вынужден разжать кулак. Моментально вскочив, Депутат отбегаёт и прячется за спину Дердлса, грозя из этого укрытия обидчику кулаком и визгливо крича хормейстеру:

– Я тебя сам убью, отвечаю! Как щас камнем в глаз засвечу, так тут же покойником станешь!

Джаспер пытается схватить его снова, но Дердлс, защищая своего друга, отталкивает хормейстера.

– Не трогайте ребёнка, мистер Лжаспер! – твердит он. –

Нашли с кем связаться!

– Он же шпионил за нами с самого начала! Прямо как мы пришли сюда, так за нами и следил!

– Врёшь, я не следил! – кричит Депутат, употребляя единственную известную ему форму вежливого отрицания.

– И потом тоже он только тут и околачивался!

– Обратно врёшь, я не околачивался! Я только щас и подошёл! – кричит Депутат из-за спины Дердлса. – Я только прошвырнуться вышел, а тут вы оба из двери выходите! А у меня же с ним уговор – не шляться после десяти! Я же его домой загнать должен, понял, ты?!

– Ну так и гони его домой тогда! – резко отвечает Джаспер, изо всех сил пытаясь сдерживаться. – И чтоб я тебя больше не видел!⁹⁰

Депутат издаёт победный свист, отбегает и принимает-ся опять швырять камешки в своего старшего приятеля, направляя его таким образом к дому, словно какого-нибудь непослушного осла. Мистер Джаспер резко отворачивается и в мрачной задумчивости тоже идёт домой. И поскольку всё на свете имеет свой конец, то и эта странная ночная экспедиция тоже благополучно заканчивается – по крайней мере, на этот раз.

⁹⁰ Бешенство, овладевшее Джаспером при подозрении, что Депутат, околачивающийся у собора, мог что-то видеть, подсказывает нам, что Джаспер, пока каменотёс спал, всё-таки выходил из собора на улицу. Неаккуратно завязанный узелок Дердлса свидетельствует, что и ключ от склепа побывал в руках хормейстера. Следовательно, целью Джаспера и был склеп Сапси.

Глава XIII.

Так будет лучше обоим

В школе для юных леди – заведении более известном под названием «Приют Монахинь» – приближались Рождественские каникулы. Ученицы, получившие от мисс Твинклтон по напутственному слову и по конвертику со счётом за следующий семестр,⁹¹ готовились к отъезду, паковали чемоданы, тайно устраивали в спальнях один прощальный ужин за другим, клялись друг дружке «писать и не забывать» и поверяли одна другой свои надежды (а многие даже и уверенности) на то, что некие представители британской «золотой молодёжи» мужеского пола непременно назначат им свидания, стоит им только снова появиться в родительском доме.

Роза, не имевшая другого родительского дома кроме заведения мисс Твинклтон, как обычно, никуда не поехала и на все праздники осталась в Клойстергэме. Но о том она нисколько и не сожалела, ведь с нею вместе оставалась и её новая подруга, Елена Ландлесс. Однако за последнюю неделю в их дружбе появилось некое «белое пятно», то есть тема, которую тщательно обходили молчанием – мисс Елена,

⁹¹ Обучение в пансионе стоило во времена Диккенса от десяти до двадцати фунтов за шестимесячный семестр. Дополнительно оплачивались уроки латинского и греческого языков, музыки, услуги горничной, а также персональное место на церковной скамье.

связанная обещанием мистеру Криспарклу ничего не говорить своей подруге о влюблённости Невила, избегала теперь даже произносить имя жениха Розы, Эдвина Друда. Конечно такое не могло укрыться от внимания Розового Бутона, и теперь она не могла более советоваться со своей старшей подругой и поверять ей как раньше сомнения и надежды своего юного сердца. Теперь Розе приходилось принимать решения в одиночку.

Что ж, не только Розовый Бутонок в своём цветнике с тяжестью на сердце ожидал встречи со своим суженым. На душе Эдвина Друда тоже было беспокойно. Слова мистера Грюджиуса, обрисовавшего перед легкомысленным юношей образ Истинного Влюблённого, достигли своей цели и пробудили его (до сей поры приятно дремавшую) совесть. Особенно подействовала на Эдвина клятва, данная во имя памяти мёртвых и чести живых – от неё нельзя было отделаться циничным смешком или презрительным поднятием брови, она была так же нерушима, как и принципы самого мистера Грюджиуса. И ещё это кольцо, лежащее теперь в нагрудном кармане пальто... Эдвин должен был или отдать его Розе, или принести назад, в Степл-Инн. Поставленный перед такой недвусмысленной альтернативой, Эдвин теперь с меньшим себялюбием думал о Розе и не был уже так уверен, что после свадьбы у них как-нибудь всё само собой образуется.

– Лучше я сначала посмотрю, как у нас с ней всё повернётся, – сказал он себе, стоя перед дверями «Приюта Мона-

хинь». – Послушаю, что она скажет, а потом и решу, как ей ответить, не нарушая клятвы.

Роза ждала его и уже была одета для прогулки. Разрешение от мисс Твинклтон тоже было предусмотрительно получено, поэтому юная пара могла отправиться без промедления.

– Дорогой Эдди, – сказала Роза, когда они свернули с шумной Главной улицы в тихие переулки возле собора. – Я кое-что обдумала и теперь мне нужно с тобой очень серьёзно поговорить.

– Ну я тоже постараюсь не смеяться, Роза... То есть я хотел сказать, что я обещаю выслушать тебя серьёзно и внимательно.

– Спасибо, Эдди. Ты ведь не отнесёшься ко мне неприязненно только потому, что я заговорила об этом первой? Не считаешь меня эгоисткой, нет? Прошу тебя, отнесись к моим словам великодушно. Ты же великодушен, я знаю!

– Хотелось бы надеяться, что я всегда был с тобой великодушен, Ки... гм... Роза, – ответил Эдвин. Больше он никогда не назовёт её Киской. Нет, больше никогда.

– И нам нет никаких причин больше ссориться, Эдди! – продолжала Роза, беря его за руку. – Наоборот, у нас ведь есть столько причин быть друг к другу снисходительными!

– Думаю, что ты права, Роза.

– Вот такой ты мне нравишься!.. Эдди, я скажу тебе честно! Пусть мы с сегодняшнего дня будем друг другу только

лишь братом и сестрою!

– И никогда не поженимся?

– Никогда!

– Должен сказать тебе, Роза, – выдавил Эдвин после продолжительного молчания, – что я давно уже подозревал, что у нас всё к этому идёт. И в том нет твоей вины.

– Но и твоей нет, дорогой мой! – с подкупающей серьёзностью возразила Роза. – Просто так вот оно между нами произошло. Ты был несчастен с нашей помолвкой, и я была тоже несчастна с нею... Но мне так жаль этого, Эдди, мне так ужасно жаль! – добавила она со слезами в голосе.

– И мне тоже ужасно жаль, Роза. Я так тебе сочувствую.

– А я тебе, бедненький! А я точно так же сочувствую тебе!

Эти слова, полные неподдельного чувства и сострадания, разрушили всё, что было в их отношениях фальшивого, принуждённого и эгоистичного, и высветили что-то новое, что-то более сердечное, самоотречённое и что-то бесконечно более честное.

– Если мы поняли, что нет ничего хорошего в наших навязанных нам отношениях, – продолжала Роза, вытирая глаза платочком, – то что может быть правильнее, чем изменить их? Конечно, нам сегодня грустно. Но лучше уж пусть нам будет грустно сегодня, чем потом!

– Чем когда, Роза?

– Чем когда будет уже слишком поздно. Чем когда мы будем только злить друг друга, – ответила Роза, и продолжила

после паузы: – А так ты сможешь ко мне хорошо относиться, потому что я перестану быть тебе обузой и требовать заботы. И я тоже, как твоя сестра, смогу к тебе хорошо относиться, и не буду тебя больше дразнить и вышучивать. Потому что, знаешь, я ведь это делала... Но ведь тогда я ещё не была твоею сестрою, а сейчас мне так за это стыдно!

– Ой, Роза, давай не будем начинать извиняться, а то мне тоже придётся за многое просить у тебя прощения. Слишком уж за многое – гораздо больше, чем хотелось бы.

– Нет, Эдди, ты слишком строг к себе. Хочешь знать, почему у нас с тобой ничего не получилось? Давай-ка присядем вот тут, возле этих живописных старых руин, и я тебе всё-всё объясню. Уж я-то об этом думала днями и ночами... Вот скажи для начала, я тебе нравлюсь? Считаешь ты меня привлекательной?

– Да тебя все такой считают, Роза.

– Правда? – тут Роза на секундочку задумалась, но тут же улыбнулась и продолжила. – Ну хорошо, пусть считают. Но ты-то сам как думаешь? Ведь не достаточно же, чтобы ты любил меня только потому, что все меня любят, ведь правда?

Эдвин кивнул соглашаясь. Да, этого было бы недостаточно.

– Вот и я о том же, Эдди! Поэтому-то с нами так и вышло! Ты ко мне хорошо относился просто по привычке и к мысли о нашей скорой свадьбе ты тоже просто привык, считая её чем-то неизбежным, чем-то таким, о чём и думать-то бес-

толку.

Эдвин не мог отрицать этого. Он удивлялся лишь, с какой простотой и лёгкостью это юное создание, почти ещё девочка, смогла в двух словах объяснить ему состояние его же души – объяснить так ясно, будто она заставила его посмотретья в зеркало.

– И то же самое можно сказать и про меня, Эдди. Просто я не такой занятой человек, как ты, дорогой мой брат, поэтому у меня было больше времени поразмыслить над нашими с тобой отношениями. И тут как раз приехал мой опекун, и я попыталась дать ему понять, что я не совсем уверена в нашем с тобой будущем. Но я, видимо, плохо пыталась, потому что он, кажется, так ничего и не понял... Но он хороший человек, просто замечательный! Он мне так по-доброму и так хорошо всё объяснил, что я решила не откладывать дальше наш с тобою разговор. Но мне было это не легко, Эдди, видит Бог, нелегко!.. И мне теперь так грустно, так ужасно грустно!..

И Роза опять заплакала. Желая её утешить, Эдвин обнял её за плечи – и так они и шли вдоль берега реки дальше.

– Твой опекун говорил и со мной, Роза. Я заходил к нему в Лондоне перед тем, как приехать сюда, – сказал Эдвин, вспомнив тут о переданном ему кольце. Но раз кольцо всё равно придётся возвращать, то зачем и доставать его, показывать, что-то объяснять? Пусть лежит себе, где лежало.

– Но ведь ты тоже думаешь так же, Эдди, ведь правда?

Скажи, ведь если бы я не начала первой этот разговор, ты бы и сам заговорил со мной об этом? Скажи мне это, Эдди, потому что мне просто невыносимо думать, что я одна всему причиной!

– Конечно, милая, я бы и сам сказал тебе то же самое, только сказал бы иначе, не так...

– Не так холодно или не так дерзко? Прошу тебя, Эдди, не говори таких жестоких слов!

– Не так деликатно, я имею в виду, не так по-доброму и по-умному, как это смогла сделать ты.

– Ах, милый мой братец, какой же ты хороший! – воскликнула Роза и в порыве чувств даже поцеловала ему руку. – Но как ужасно разочарованы будут все наши девочки! Ведь они так радовались за меня, бедняжки!

– Да, но вот кто расстроится больше всех, так это Джек! – вдруг остановившись, воскликнул Эдвин. – Про Джека-то мы с тобой ведь совсем забыли!

Тут Роза метнула на Эдвина быстрый и настороженный взгляд, но сразу же снова потупилась и ничего не ответила, только лишь задышала чуть быстрее и чуть прерывистей.

– Но ведь ты же не сомневаешься, Роза, что разрыв нашей помолвки станет тяжёлым ударом для Джека? – спросил Эдвин, заметив это.

Роза на это отвечала уклончиво – нет, она вовсе не думала о том, как это воспримет дядюшка Эдвина. Да и зачем? Разве не должно быть ему всё равно, как распорядится сво-

ею судьбою его племянник?

– Ах, Роза, милая! Конечно ему не всё равно! Потому что Джек буквально сходит по мне с ума! Это не я так говорю, это миссис Топ так говорит. Разумеется ему будет не всё равно, если моя судьба так неожиданно и так круто изменится! Я говорю «неожиданно», поскольку Джек уж точно ничего подобного не ожидает, и для него это будет словно удар молнии посреди ясного неба!

Роза на это ничего не сказала, только раз-другой слегка кивнула, но дыхание её не стало ни ровнее, ни спокойнее.

– Прямо и не знаю, как же мне Джеку-то рассказать об этом нашем решении?! – громко рассуждал Эдвин, быстро шагая вперёд. – О нём-то мы ведь и не подумали! Он ведь должен узнать обо всём раньше, чем в городе заговорят о нашем разрыве, иначе ведь ужас как неудобно получится! И, как назло, я приглашён к нему на обед в Рождественский вечер! Не могу же я рассказать ему ещё перед началом, и тем самым испортить ему праздник!

– Может, ему и вообще говорить ничего не надо? – спросила Роза.

– Милая моя! Да кому же тогда и говорить-то, если не ему?!

– Ну, не знаю. Хотя... Мой опекун обещал приехать после праздников... Может, мне написать ему и попросить, чтобы он сам всё объяснил твоему дядюшке?

– Превосходная идея! – воскликнул Эдвин. – Пусть он

и объяснит, как один опекун другому! Самое обычное для них дело! Приедет сюда, пойдёт к Джеку и всё ему объяснит – и ещё получше объяснит, чем мы бы сами смогли это сделать. Потому что, сказать по правде, сестричка, Джек мне иногда внушает страх...

– Ох, нет, нет! Только не говори, что ты его тоже боишься! – закричала Роза, бледная и всплескивая руками.

– Боже мой, девочка, да ты словно привидение увидела! Что это тебя так напугало?

– Ты меня напугал.

– Ну я не хотел, прошу прощения. Но ты что, действительно поверила, что я могу бояться моего дорогого Джека, который меня так любит?! Нет, я всего лишь хотел сказать, что мы должны как-то побереечь его нервы. Понимаешь, он иногда страдает особого рода болезненными припадками – я один раз видел его в таком состоянии, и это было ужасно – поэтому я и думаю, что если ему без подготовки сообщить о нашем разрыве, то он так разнервничается, что с ним снова случится припадок. Поэтому помощь твоего опекуна будет нам очень кстати.

Эти слова немного успокоили Розу. Если мистер Грюджиус возьмёт на себя посредничество в контактах между ними и этим ужасным «Джеком», то это только к лучшему.

И в этот момент Эдвин снова, доставая платок из кармана пальто, наткнулся рукой на коробочку с кольцом и снова спросил себя: «Должен ли я рассказать Розе об этом кольце,

если я всё равно собираюсь вернуть его назад?». Наверное, нет. Иначе Роза снова вспомнит о покойной матушке, вспомнит о разорванной теперь помолвке и несбывшемся счастье и опять расплачется. Нет уж, пусть лучше кольцо лежит там, где и лежало. А по возвращении в Лондон он снова зайдёт в контору к мистеру Грюджиусу и вернёт сокровище его верному хранителю.

Пусть лежит, пусть и дальше покоится на груди, в глубинах кармана его пальто. Не будем говорить о нём, не будем ничего рассказывать. И в тот момент, когда он принял это, казалось бы, такое незначительное решение, что-то сдвинулось в глубинах мироздания, и наша история пошла по совершенно иному пути, словно кольцо это явилось тем самым последним звеном, которое соединило невидимую цепь, протянувшуюся между небом и землёй, между царством мёртвых и миром ещё живых – цепь, обладающую неодолимой силой держать и влечь.⁹²

Идя по тропинке вдоль берега реки, Роза и Эдвин разговаривали и строили планы – вот только планы эти были теперь раздельными. Эдвин собирался как можно скорей покинуть

⁹² Именно тот факт, что кольцо, о существовании которого убийца не имел и понятия, осталось лежать в кармане пальто его будущей жертвы, явится по сюжету сильнейшей уликой против Джаспера. По свидетельству Джона Форстера, друга и биографа писателя, Диккенс планировал, что обнаружение кольца возле трупа поможет следствию не только опознать тело, но и объяснит где именно и каким точно образом было произведено убийство, а потом даже наведёт полицию на след истинного убийцы.

Англию, а Роза должна будет остаться в «Приюте Монахинь» ещё на какое-то время – по крайней мере, до той поры, пока Елена не окончит школу. Все соученицы Розы будут по возвращении с каникул страшно разочарованы и огорчены, когда узнают о разрыве её помолвки, но первой об этом нужно будет рассказать директрисе, мисс Твинклтон, и рассказать ещё до приезда мистера Грюджиуса. Но и у Розы, и у Эдвина было кое-что на сердце, о чём ни один из них не собирался рассказывать другому: Роза помалкивала о том, что попросит опекуна как можно быстрее избавить её от уроков музыки с Джаспером, а Эдвин уже прикидывал, как бы ему поближе познакомиться с этой симпатичной и интересной мисс Ландлесс.

Холодное зимнее солнце перед тем как совсем скрыться за горизонт, окрасило розовым и красным дома старого города и последним лучом вызолотило серую и мрачную башню собора, вокруг которой чёрными точками на быстро темнеющем небе с криками носились грачи и вороны.

– Надо мне всё-таки как-то подготовить Джека, прежде чем твой опекун ему всё расскажет, – понизив голос, сказал Эдвин, которого силуэт собора снова навёл на мысли о дядюшке. – А потом без промедления уехать. Чтобы когда мистер Грюджиус придёт к нему, меня тут уже не было. Думаю, так оно будет лучше, правда же?

– Да.

– Мы ведь поступили правильно, Роза?

– Да.

– Нам ведь обоим будет от этого только лучше, правда же?

– Да, много, много лучше. Мы скоро оба это почувствуем.

Но всё-таки они чувствовали ещё в глубине сердец остатки былой соединённости – теперь уже распадавшейся, но всё ещё до конца не избывшейся – поэтому и не спешили расстаться окончательно. Возле старого вяза, росшего неподалёку от главного входа в собор, они остановились, и Роза посмотрела на Эдвина, улыбнувшись ему так ласково, как никогда не улыбалась до той поры.

– Храни тебя Бог, милый! Прощай!

– Прощай, моя дорогая! Храни Бог и тебя тоже!

И они горячо и нежно поцеловались.

– Теперь проводи меня до школы, Эдди. Мне хочется побыть одной.

– Не оборачивайся, Роза, – вдруг сказал Эдвин, быстро увлекая её с аллеи в проулок. – Ты заметила там Джека?

– Боже мой, нет! Где?

– За деревом. Он видел, как мы прощались. Вот бедняга, он же ничего пока не знает! Какой для него это удар-то будет!..

Встревоженная Роза быстрым шагом, почти бегом пересекла улицу и не останавливалась, пока они не достигли дверей школы. Только проскользнув внутрь, она нашла в себе силы обернуться и спросить у Эдвина:

– Скажи, он шёл за нами? Выгляни, но только осторож-

но... Ну что, ты видишь его? Преследовал он нас?

– Нет, его не видно... А, вон он! Как раз вышел из-за угла своего дома. Теперь смотрит в нашу сторону... Славный старина Джек! Представляю, как он расстроится!

И перед тем как стремительно и на этот раз уже окончательно скрыться за дверью, Роза послала Эдвину долгий умоляющий взгляд, словно бы спрашивая «Как? Ты всё ещё не понял?!» – но тут двери закрылись, и эта фраза так и осталась невысказанной, и теперь уже навсегда.

Глава XIV.

Когда опять сойдутся эти трое?⁹³

Канун Рождества в Клойстергэме. Повсюду видны приемы приближающегося праздника: ветками омелы и пучками остролиста украшены окна лавок и двери магазинчиков, в кондитерской выставлен на прилавке крещенский пирог, а в соборе стараниями миссис Топ зелёными, с красными ягодками, веточками падуба декорированы бронзовые подсвечники и резные спинки скамей для хористов. Мир и благоволение разлиты в воздухе, недостатка в увеселениях тоже не ощущается – в каретном сарае устроен паноптикум с восковыми фигурами, а в городском театрике анонсирована рождественская пантомима с участием приглашённой звезды, клоуна Джексоныни.⁹⁴ И только в опустевшей на вре-

⁹³ Название главы «Когда опять сойдутся эти трое?» является цитатой из «Макбета» Шекспира: «When should the three of us meet again? Will it be in thunder, lightning, or rain?» Многими исследователями отмечалось, что такое название главы может намекать, что Эдвин выжил – чтобы в конце книги Джаспер, Невил и Эдвин снова сошлись втроём. Но, скорее всего, всех сбивает с толку вопросительный знак в конце цитаты. Встреча вечером Сочельника и является второй встречей Джаспера, Невилы и Эдвина – ведь в первый раз они уже сходились на том же самом месте в восьмой главе.

⁹⁴ Традиционной рождественской пантомимой в викторианской Англии была пьеса «Арлекин и матушка Гусыня, или Золотое яйцо» авторства Томаса Дибдина, с ошеломляющим успехом впервые поставленная в театре Ковент-Гарден

мя каникул школе мисс Твинклтон затишье, и в её окнах уже не видны милые личики воспитанниц, лишь изредка высу-нется одна-другая горничная, чтобы вытрясти половик или выставить проветриться подушки.

Трое встретятся сегодня в домике над воротами. Как про-вели они этот последний перед Рождеством день?

Невил Ландлесс до двух часов дня сидит за книгами и учебниками. Закончив занятия, он тщательно прибира-ет на столе, прячет тетради в ящик, ставит книги обратно на полку, а затем собирает все бумаги, на которых он делал свои заметки, рвёт их и бросает в камин. После чего он под-ходит к шкафу, выбирает себе несколько предметов простой и крепкой одежды, добавляет к ним тяжёлые походные бо-тинки и упаковывает всё это в рюкзак, купленный в магазин-чике на Главной улице за пару дней до того. Вместе с рюк-заком приобрёл он и новую дорожную трость – из прочно-го дерева и окованную внизу железом. Сейчас он ещё раз взвешивает покупку в руке, делает с ней несколько пробных шагов по комнате, затем, удовлетворённый, ставит её вместе с рюкзаком у двери. На этом его приготовления закончены.

в 1806-м году. Заглавную роль Арлекина в ней сыграл клоун Джозеф Гримальди, считающийся с той поры первым и лучшим клоуном в Англии. Впоследствии те-атры по всей стране ежегодно и с неизменным успехом повторяли это представ-ление. «Приглашённая звезда клоун Джаксонини» (в которого, скорее всего, пе-реодевался один из актёров театра) только за рождественскую неделю мог зара-ботать 50—70 фунтов гонорара – достаточная сумма, чтобы беззаботно прожить целый год.

Он одевается для прогулки и выходит, но, не сделав и пары шагов, возвращается, чтобы прихватить и новую трость – её надо ещё опробовать при ходьбе. На лестнице он встречает мистера Криспаркла. Заметив своего воспитанника с новым приобретением в руках, младший каноник просит показать ему вещь поближе, а затем спрашивает, чем Невил руководствовался при покупке.

– Честно говоря, я совершенно не разбираюсь в тростях, – отвечает Невил. – Мне хотелось купить что-нибудь покрепче. Поувесистей.

– Она слишком тяжёлая, Невил. Слишком тяжёлая.

– Чтобы опираться на неё при ходьбе, сэр?

– На трость не опираются, Невил, – говорит каноник, возвращая ему вещь. – Это же не костыль. Она нужна только для поддержания равновесия.

– Мне надо ещё привыкнуть к ней, сэр. Вы же знаете, у меня на родине о тростях никогда и понятия не имели.

– Конечно, Невил, – отвечает мистер Криспаркл. – Потренируйтесь немного, и потом мы с Вами ещё немало миль пройдем вместе. А сейчас мне надо спешить, так что я Вас оставлю. К ужину Вы вернётесь?

– Не думаю, сэр, поскольку мой ужин начнётся чуть ранее.

Мистер Криспаркл добродушно кивает в ответ и желает ему доброго дня.

Невил отправляется к «Приюту Монахинь», вежливо стучит в дверь новой тростью и просит выглянувшую на стук

служанку сообщить Елене Ландлесс о том, что её ждёт для прогулки брат. При этом Невил не делает и попытки переступить порог и ожидает снаружи, верный данному канонику слову не попадаться на глаза Розе Буттон.

Елена Ландлесс тоже верна слову и не заставляет брата долго ожидать у ворот. Сердечно поприветствовав друг друга, они без промедления уходят в направлении окраины Клойстергэма.

– Мне не хочется заводить разговор на запретную тему, Елена, – говорит Невил, когда они отходят уже достаточно далеко от ближайших домов, – но мне всё-таки придётся коснуться моего... гм... моего «безрассудного увлечения».

– Может, лучше не надо, Невил? Ты же знаешь, что мне запрещено тебя слушать.

– Я не скажу ничего нового, а только то, что мистер Крипаркл уже выслушал и с чем он уже согласился.

– Хорошо, тогда я тоже согласна выслушать это.

– Так вот, что я хочу тебе сказать... Я пришёл к выводу, что я не только сам являюсь беспокойным и несчастным типом, но и другим приношу одни лишь беспокойства и несчастья. Особенно бедной миссис Крипаркл, матушке нашего добросердечного опекуна. Она и сама смотрит на меня с постоянной опаской и других из-за меня в дом пригласить не может. Да и я из-за всего этого нахожусь в нескончаемом разладе с собой. Поэтому я и подумал, что мне было бы полезно на несколько дней покинуть их гостеприимный дом

и, так сказать, сменить обстановку... что, возможно, поможет и мне успокоиться и ещё раз всё обдумать. Погода стоит прекрасная, поэтому я – с позволения мистера Криспаркла, которому я всё это уже рассказал – завтра с утра отправлюсь в многодневное пешее путешествие. Чтобы, как говорится, не путаться тут под ногами.

– А когда ты вернёшься?

– Недели через две.

– И ты хочешь уйти один? И так надолго?

– Ну а кого я могу позвать с собой, милая Елена? Разве что тебя... Нет, одному мне будет лучше.

– И мистер Криспаркл с этой идеей согласился?

– Полностью. Сначала-то он, конечно, был против и считал, что такое одинокое путешествие ещё больше отдалит меня внутренне от людей. Но в ночь на понедельник, на нашей с ним совместной прогулке при лунном свете, я ему всё хорошо объяснил, и он был вынужден согласиться. Я сказал, что я действительно хочу научиться смирять свои порывы, и что если я справлюсь и не сорвусь сегодня вечером, то мне лучше будет на некоторое время исчезнуть из города. Ну ты понимаешь, что некоторые люди будут здесь встречаться, ходить вместе по улицам, держась за руки – поэтому зачем мне попадаться им на пути? Когда такая опасность пройдёт, тогда я вернусь. А завтра я уйду ещё до того, как добрые люди проснутся и начнут собираться к утренней службе. И постараюсь уйти так далеко, чтобы даже и колоколов собора

не слышать.

Эти слова, убедившие мистера Криспаркла, похоже, убеждают и Елену. Она не перестаёт сожалеть, что бедный её брат уходит совершенно один и пропустит все празднества, но не может не согласиться, что так будет лучше и для него, и для всех прочих. Поэтому она старается подбодрить Невилла.

Будет ли он писать ей?

Конечно же! Он будет ей писать каждый день и рассказывать о всех своих приключениях.

Может быть, стоит отправить багаж вперёд?

– Ах, дорогая Елена, какой багаж?! Я хочу странствовать как пилигрим – с одним только узелком на палочке. Мой узелок – то есть мой рюкзак – уже собран, и осталось только закинуть его за плечо. А моя «палочка» – вот она.

Елена берёт в руки его новую трость и делает то же самое замечание, что и мистер Криспаркл часом ранее: трость слишком, слишком тяжёлая. Из чего она сделана, из железа, что ли? Нет, конечно из дерева, но из так называемого «железного дерева».

До этого момента Невилл был непривычно оживлён и даже весел. Возможно, он хотел таким образом убедить сестру в том, что он с желанием отправляется в своё одинокое путешествие и не ожидает впереди никаких трудностей. Возможно, после того, как сестра согласилась с ним, необходимость притворяться исчезла. И теперь, по мере того, как день

сменяется сумерками, и на улицах Клойстергэма загораются бледные огоньки газовых фонарей, Невил становится всё более подавленным.

– Как мне не хочется идти на этот ужин, Елена!

– Дорогой мой, ты придаёшь этой формальности слишком много значения. Подумай лучше о том, что всего через пару часов все твои неприятности будут уже позади.

– Да, я понимаю... – уныло отвечает Невил. – Но мне всё равно не нравится вся эта затея...

Что он имеет в виду?

– Я не знаю, Елена, я не знаю. Я знаю только одно – мне бы пережить сегодняшний вечер! Что-то у меня плохие предчувствия. Может, конечно, это погода так влияет, и оттого у меня на душе эта смертельная тяжесть...

Елена указывает ему на медно-красные облака над рекой и говорит, что они предвещают ветер.⁹⁵ Невил не отвечает, и так они в молчании доходят до «Приюта Монахинь». Простившись с братом, Елена не сразу заходит в дом, а остаётся на крыльце и долго смотрит ему вслед. Вот он нехотя направляется к домику над воротами, вот он проходит мимо. Останавливается. Возвращается и снова медлит войти.

⁹⁵ Сильный северо-восточный ветер в графстве Кент, в котором расположен и Клойстергэм-Рочестер, не редкость. И именно ветер при чистом небе, а не дождь с ветром. Предвестником непогоды, действительно, являются странного медно-розового оттенка облака над восточным горизонтом на закате – это свет заходящего солнца освещает водяную пыль, высоко поднявшуюся в море от ветра.

Наконец, когда часы на башне собора резко отбивают назначенный час, он решается и быстрым шагом входит в арку ворот, скрываясь из виду.

И вот первый из троих поднимается по каменным ступеням навстречу своей судьбе.

* * *

Эдвин Друд проводит этот день в одиночестве. Кое-что исчезло из его жизни – кое-что, оказавшееся вдруг гораздо более значимым и важным, чем он считал ранее, и это кое-что он оплакивал прошедшей ночью в тишине своей спальни в домике над воротами. Мысленно он прощался с Розой, чувствуя, что оказался недостойн её, что он слишком мало её ценил, что он слишком многое в своей жизни считал само собой разумеющимся, вместо того, чтобы научиться ценить доставшееся ему безо всяких усилий сокровище. Но несмотря на всю боль потери, суетное тщеславие юности уже рисовало ему перед мысленным взором очаровательный силуэт мисс Ландлесс.

Поскольку других дел, кроме как дожидаться мистера Грюджиуса, переговорить с ним и тотчас же уехать из Клойстергэма навсегда, у него не было, он решает в последний раз прогуляться по городку и тем самым как бы попрощаться с ним.⁹⁶ Давно прошло то время, когда они с Розой ещё

⁹⁶ Важно отметить, что Эдвин планирует сначала дожидаться приезда Грюджи-

детьми гуляли тут вместе, взявшись за руки и гордые своею помолвкой. «Бедные мы, бедные!» – думает он с внезапной грустью и досадой.

Заметив, что его часы остановились, он заходит к ювелиру проверить, не сломались ли они. Ювелир, наслышанный о приближающейся свадьбе Эдвина, тут же предлагает ему купить для невесты в подарок изящный серебряный браслет, но эта его идея не находит у жениха никакого интереса. То же и с перстнями для джентльменов – от предложения купить один-другой Эдвин вежливо отказывается и лишь рассеянно замечает, что не носит никаких украшений, кроме цепочки для часов, доставшихся ему от отца, да ещё, пожалуй, заколки для галстука.

– Это мне совершенно случайно уже известно, – говорит ювелир. – Вчера ко мне заходил Ваш дядюшка, мистер Джаспер, чтобы заменить в часах треснувшее стекло. Я предложил ему те же товары, что и Вам сегодня – в подарок племяннику на свадьбу – и он мне со смехом ответил, что Вы равнодушны к любым драгоценностям. Он сказал мне ещё, что у Вас есть только часы с золотой цепочкой, да галстучная заколка, и это мол все Ваши сокровища... Вот, мистер Друд, возвращаю Вам часы исправными и заведёнными. Я выставил их на двадцать минут третьего. Не забывайте их заводить

уса (которого ожидают вечером 26-го декабря), переговорить с ним, попросить его сообщить Джасперу о разрыве помолвки, и лишь потом уехать. То есть Эдвин собирается пробыть в Клойстергэме ещё минимум два дня.

утром и вечером, но не до упора. Не перетягивайте пружину.

Эдвин берёт часы, вешает их снова на цепочку и убирает в жилетный карман, думая при этом: «Ах, дорогой мой, заботливый Джек! Пожалуй, если бы я, завязывая галстук, случайно заложил бы на нём лишнюю складку, ты бы и это заметил!»

Час за часом бродит он по улицам, убивая время до ужина. Сегодня Клойстергэм кажется ему печальным и притихшим; под стать ему и задумчивое настроение Эдвина. Совсем скоро уедет он далеко и больше не увидит родные места, – думает Эдвин. Бедный юноша, как же ошибается он!

Проходя через пустырь «монастырских виноградников» он вдруг замечает, что у калитки прямо на мёрзлой земле сидит какая-то женщина, худая и измождённая. Вид у неё совершенно больной, и похоже, что она обессилела настолько, что уже не может даже стоять на ногах. Обеспокоенный, Эдвин подходит ближе.

– Что с Вами? – спрашивает он, наклоняясь к женщине. – Вы что, больны?

– Нет, дорогуша, – отвечает женщина, не поднимая глаз и как будто вовсе его не видя.

– У Вас... что-то с глазами?

– Нет-нет.

– Вы заблудились? Остались без крова? Без сил? Что с Вами? Почему Вы сидите тут на холоде?

Медленно и с заметным усилием она поднимает глаза

на Эдвина, взгляд её на мгновение проясняется, но тут же снова мутнеет, и женщину начинает бить крупная дрожь.

– Боже мой! – мысленно поражается Эдвин. – Да у неё глаза точь в точь как у Джека в тот вечер!

– Бедная я, бедная, – бормочет женщина сквозь кашель. – И грудь-то у меня вся больная, и в горле так пересохло, будто там тёркою трут...

– Вы ведь не здешняя? Откуда Вы?

– Из Лондона, дорогуша, – продолжая кашлять, отвечает женщина.

– И куда Вы теперь?

– Назад в Лондон. Приехала сюда искать иголку в стоге сена, да не нашла. Слышь, милоч, дай мне три и полшиллинга, я себе опиума куплю. И больше можешь обо мне не беспокоиться. Я тут же снова в Лондон уеду, дела у меня там... Хотя какие уж там дела... Торговля нынче уж так плохо идёт, так плохо!.. Но на жизнь хватает, и то хорошо.

– Вы что, жуёте опиум?

– Курю его, дорогуша. Просто дай мне три и полшиллинга, и я уеду. Или можешь не давать, коли жалко... Но если дашь, я тебе кое-что скажу, доверю тебе одну тайну!

Нашарив мелочь в кармане, Эдвин достаёт несколько монет и вкладывает ей в руку.⁹⁷ Жадно схватив деньги и зажав

⁹⁷ Древние греки верили, что души умерших при пересечении реки Стикс, отделявшей царство Аида от мира живых, обязаны отблагодарить перевозчика Харона деньгами. Для этой цели родственники покойного клали медную монету умершему в рот.

их в кулаке, женщина издаёт хриплый торжествующий смешок и поднимается на дрожащие ноги.

– Бог тебя благослови, добрый жентельмен! Спасибо тебе, голубчик, спасибо тебе! Как тебя зовут-то?

– Эдвин.

– Эдвин, значит! Эдвин, Эдвин... – бормочет женщина, словно пробуя это имя на вкус. – А девушки тебя как прозывают? Эдди?

– Ну, кое-кто так тоже зовёт, – отвечает он, слегка краснея.

– Подружка небось? Есть у тебя подружка-то, дорогуша?

– Нету... Так что Вы мне рассказать-то хотели?

– Да, точно ведь, хотела... Ну, так слушай, что я тебе скажу: благодари судьбу, что тебя не зовут Нэдом!

– Почему это? – удивлённо спрашивает Эдвин.

– Потому что нынче это страсть какое плохое имя!

– Чем же оно такое плохое?

– Опасное имя, дорогуша! Гиблое имя!

– Ну, как говорится, кто живёт опасно, тот проживёт долго.

– Коли так, то этот самый Нэд будет жить вечно – такая огромная ему сейчас грозит опасность!⁹⁸

⁹⁸ Эдвин встречает хозяйку опиумного притона, приехавшую в Клойстергэм «искать иголку в стоге сена», т.е. своего клиента, имя которого ей было не известно. После слезки за ним в первой главе (как мы узнаем позднее) она лишь выведала название города, где тот живёт. Не дождавшись следующего его появления (Джаспер ведь теперь курит опиум дома) и зная из его сонного бормота-

Эти слова она буквально выкрикивает Эдвину в ухо, да ещё и костлявым пальцем ему в грудь тычет, так что юноша даже отступает на шаг. Потом, ещё раз прокаркав ему совет благодарить судьбу, женщина споро уходит через пустырь в направлении ночлежки «Койка за два пенса».⁹⁹

Эдвин в задумчивости возвращается на Главную улицу, назад, в свет фонарей. Пророчество странной женщины нейдёт у него из головы. Рассказать ли о нём Джеку (который, кстати, один и зовёт его Нэдом) или побережь его нервы? Наверное, будет лучше сегодня ничего не говорить, а рассказать утром за завтраком – как забавный случай из жизни, не более.

До назначенного часа остаётся ещё минут двадцать, и Эдвин проходит по улице дальше, до моста через реку. Он смотрит через парапет на холодную рябь воды, и грозные слова странной женщины снова и снова звучат у него в ушах. Во всём он видит теперь дурные знаки: в завывании ветра, в багровеющем закате, в дрожащих огнях на берегу,

ния, что преступление назначено на ночь перед Рождеством, она не выдерживает и приезжает в Клойстергэм. Из её диалога с Эдвином становится понятно, что она слышала про «Нэда», его невесту и про опасность, грозящую этому Нэду в Рождественскую ночь.

⁹⁹ Получив у Эдвина три с половиной шиллинга на опиум (т.е. на бутылочку Лауданума, ровно столько и стоившую в аптеке), хозяйка притона уходит (как написано у Диккенса) «в направлении ночлежки». Однако неизвестно, ночует ли она там (поскольку она ведь обещала Эдвину «не доставлять хлопот и тотчас же уехать») или же, действительно, уезжает – за ночлежкой на пустыре у газовой станции в Рочестере располагалась также и стоянка дилижансов.

в печальном звоне колоколов на башне собора. Охваченный тревогой, он почти сбегает с моста и спешит к домику над воротами.

И вот уже второй гость поднимается по каменным ступеням.

* * *

Джон Джаспер проводит этот день в прекрасном настроении, гораздо лучше, чем у его гостей. С утра он обходит несколько лавочек и магазинчиков, торгующих сладостями, и выбирает всякие вкусные разности для своего племянника – Вы же понимаете, он не задержится долго в гостях, поэтому надо его угостить на славу! По дороге он встречает своего нового друга, мистера Сапси, и между прочим рассказывает ему, что сегодня вечером ужинает с Эдвином и ещё с этим, знаете ли, дикарём, который находится на попечении у каноника Криспаркла. У мистера Сапси, понятно, не находится ни одного доброго слова об этом «иностранце с неанглийским цветом кожи».

Из-за школьных каникул у хормейстера нет сегодня уроков музыки, но на службах в соборе ему всё-таки приходится присутствовать. Голос его нынче особенно хорош, просто обворожителен. Вероятно, это потому, что мистер Джаспер сегодня защищает своё золотое горло от холода в соборе чёрным длинным шарфом из крепкого крученого шел-

ка – все прихожане отмечают этот новый предмет в его обычном церковном облачении. После блистательно исполненного хора «Поверни моё сердце к законам Твоим, не дай мечтать мне о богатстве» хормейстер даже удостоивается похвалы от младшего каноника.

– Позвольте поблагодарить Вас, Джаспер, за доставленное наслаждение! Как Вы прекрасно пели! Восхитительно! Божественно! Я уверен, что так может петь только тот, у кого и на душе всё так же легко и свободно.

– Да, Вы правы, у меня сегодня легко на душе.

– Такое впечатление, Джаспер, что Вы нашли какое-то новое лекарство против всех Ваших расстройств!

– Правда? Хорошо сказано! Действительно, у меня припасено кое-что новое.

– Ну так принимайте это лекарство, старина, принимайте! – с мягкой улыбкой говорит мистер Криспаркл, хлопая хормейстера по плечу.

– Непременно.

– Желаю Вам удачи во всех начинаниях, – продолжает младший каноник.

– Спасибо, сэр. Вы позволите мне проводить Вас немного? Мне хотелось бы Вам кое-что сказать. Возможно, Вас это порадует.

– Что бы это могло быть?

– Помните, я рассказывал Вам о том, что меня иногда одолевают приступы меланхолии и мрачного настроения, и тогда я поверяю моему дневнику все мои печали и страхи? А Вы ответили, что мне требуется что-то вроде противоядия от этих страхов, и что мне лучше бросить все мои записи в огонь?

– Да, я помню, – посерьёзнев, отвечает младший каноник. – И я всё ещё думаю так же, Джаспер.

– И Вы были абсолютно правы, сэр! Поэтому-то я и решил сжечь мой дневник за этот год, и начать новый, уже совершенно в другом тоне! Поскольку мне стало совершенно ясно, что я был нездоров – мрачен, недоверчив, подавлен – называйте это как хотите. Вы сказали мне тогда, что я склонен всё преувеличивать. И это тоже было совершенно верно, я постоянно делал из мухи слона!

– Я очень рад это слышать, Джаспер, – восклицает младший каноник, просияв.

– Человек, ведущий такую скучную и однообразную

жизнь, как у меня, – продолжает хормейстер, – иногда поневоле концентрируется на одной какой-нибудь идее и раздувает её до совсем уже невообразимых размеров. Именно это и происходило со мной. Поэтому я сожгу все печальные свидетельства моей болезни и начну новую страницу в жизни, начну с чистого листа!

– Вот и замечательно! – отвечает мистер Криспаркл. – Это даже лучше, чем я надеялся!

Они уже подошли к дому младшего каноника и теперьжимают друг другу руки на прощание.

– Если мистер Невил ещё дома, – говорит Джаспер, – то я могу подождать, пока он оденется. Тогда мы могли бы пойти ко мне вместе.

– Кажется, он уже ушел, – отвечает мистер Криспаркл, отпирая дверь ключом, – но я уточню у матушки. Вы не зайдёте?

– Нет, меня ведь гости ждут, – отвечает Джаспер с улыбкой.

Младший каноник на минутку скрывается в дверях и тут же снова появляется с известием, что мистер Невил как ушёл, так больше и не появлялся. И действительно, как теперь вспоминает и мистер Криспаркл, Невил собирался отправиться на ужин к хормейстеру сразу с прогулки, не заходя домой.

– Однако плохой же я хозяин! – восклицает Джаспер, разводя руками. – Мои гости придут, а меня-то и нет! Держу

пари, что они там помирятся ещё до моего прихода!

– Я никогда не вступаю в пари, – отвечает младший каноник, – поэтому просто скажу, что я уверен – у Ваших гостей сегодня будет приятный вечер!

Джаспер кивает и весело желает мистеру Криспарклу всего хорошего.

Затем он возвращается домой через церковное подворье, беззаботно напевая. Определённо, он сегодня в голосе, поскольку в его пении не проскальзывает ни единой фальшивой ноты, что может только свидетельствовать о его прекрасном настроении и замечательном самоконтроле. Перед собственной дверью он останавливается и стягивает с шеи чёрный свой шарф. На мгновение лицо его мрачнеет, но тут же снова просветляется; затем, аккуратно расправив шарф, сложив его и перекинув через локоть, он открывает незапертую дверь.¹⁰⁰

И вот третий из них поднимается по каменным ступеням.

Всю ночь горит лампа под красным абажуром в окнах домика над воротами, горит как огонь маяка, стоящего на границе между шумом Главной улицы и тишиной церковного

¹⁰⁰ Странные манипуляции, которые Джаспер проделывает с шарфом перед тем, как войти в своё жилище, объясняются просто – этот шарф предназначается Эдвину в подарок на Рождество. Своё преступление Джаспер запланировал ещё год назад, тогда же временем убийства была выбрана ночь на Рождество – по многим причинам: а) по календарю она будет безлунной; б) будет уже холодно, и шарф будет логичным подарком; в) Эдвин не откажется повязать подарок на шею, выходя в холодную ночь, чтобы проводить Невила; г) уже повязанный на шею жертвы шарф из прочного кручёного шёлка окажется отличной удавкой.

подворья. А ветер всё усиливается и скоро достигает невероятной, разрушительной силы.

Аллеи кладбища и закоулки возле собора и в хорошую-то погоду не слишком освещены, а нынче, после того, как ветер разбил и задул почти все фонари на церковном подворье, там и вовсе ни зги не видно. Порывы ураганного ветра поднимают пыль и песок с земли, в воздухе кружатся листья, с вязов летят ветки, на крыше собора грохочут полуоторвавшиеся куски кровельного железа, и почти поминутно слышится сухой треск, возвещающий, что ещё один древесный сук не устоял перед напором бури.

Давно не бывало в Клойстергэме ветра такой силы и ярости. С крыш домов летят кирпичи от разрушенных ураганом дымовых труб, редкие прохожие едва пробираются по улицам, держась за стены и столбы фонарей, и стараются побыстрее попасть домой, чтобы спастись от шквального ветра. К полуночи ураган достигает своей высшей точки, на улицах нет ни души, и только ветер со свистом проносится по пустынным улицам, завывает на углах и грохочет ставнями на окнах, словно грозясь обрушить крыши домов на головы их обитателей.¹⁰¹

Лишь красный свет в окнах домика над воротами горит

¹⁰¹ Ночь перед Рождеством в христианстве традиционно считается временем, когда нечистая сила получает последнюю возможность проявить себя. В эту ночь добрые англичане обязаны находиться дома и за праздничным столом славить рождение Христа. То есть это очень подходящая ночь для преступлений – на улицах нет ни души, и даже полиция не выходит на службу.

неколебимо. Всё дрожит и шатается, недвижим лишь этот красный огонь.

Всю ночь дует ветер и несутся по небу так и не пролившиеся дождём тучи. Лишь под утро, когда начинает брезжить серый рассвет, ветер становится тише и прерывистой, похожим на дыхание смертельно раненого дракона, и когда восходит бледное зимнее солнце, чудовище умирает, и буря стихает окончательно.

Тогда становится заметно, какие немалые разрушения причинил собору ночной ветер: стрелки часов на башне погнуты, несколько камней облицовки сорваны и сброшены вниз, а на крыше во многих местах недостаёт черепицы. Команде рабочих во главе с Дердлсом, несмотря на праздничный день, приходится отправляться наверх осматривать повреждения, а мистер Топ и ещё кучка зевак наблюдают за работами снизу, от домика младшего каноника.

Вдруг они замечают мистера Джаспера, в великом смятении и даже в панике бегущего к ним по улице. Растолкав горожан, хормейстер пробивается к ограде домика мистера Криспаркла и высоким срывающимся голосом кричит его хозяину, выглянувшему на шум в окно:

– Где мой племянник?!

– Здесь его нет. Разве он не дома?

– Нет, дома его нет! Вчера он пошёл провожать мистера Невила и не вернулся! Они хотели пойти к реке, посмотреть на бурю. Позовите мистера Невила!

– Но его тоже нет, он ещё до рассвета ушёл.

– И его тоже нету?! Впустите меня! Немедленно впустите!

Теперь никому уже нет дела до крыши собора, и все глаза устремлены на мистера Джаспера – бледного, полуодетого и задыхающегося от бега, без сил опирающегося на ограду палисадника у дома младшего каноника.¹⁰²

¹⁰² Башня Рочестерского собора к 1842 году находилась в аварийном состоянии – облицовочные плиты плохо держались на проржавевших креплениях и то и дело падали вниз, на аллее кладбища и улочки подворья. Поэтому не удивительно, что сильным ветром была сорвана ещё пара квадратных метров облицовки. В пятидесятых годах башню радикально перестроили: её верхнюю треть разобрали вовсе, зубцы по верху и четыре шпиля по углам убрали, а вместо них поставили обитую кровельным железом крышу с одним шпилем посередине. На крышу перенесли и часы со стены башни. Кстати, стрелки часов делались тогда из жести, они были тонкими и неустойчивыми к ветру. Многие исследователи считают, что погнутые стрелки и сброшенные вниз с башни камни намекают на драку между Джаспером и Эдвином в тот момент, когда хормейстер якобы пытался сбросить своего племянника с башни собора. На мой же взгляд, разрушения вызваны именно сильным ветром и ничем более.

Глава XV.

Обвиняемый

Невил Ландлесс вышел в путь настолько рано и шагал так быстро, что к тому моменту, когда колокола Клойстергэмского собора возвестили о начале утренней службы, успел оставить за спиной миль восемь, если не больше.¹⁰³ Несколько утомившись от быстрой ходьбы, он решил остановиться передохнуть и позавтракать в придорожном трактире, но прошёл добрый час, прежде чем ему удалось получить там хотя бы кусок поджаренного хлеба и кружку чая – ведь был первый день Рождества, и хозяйка трактира не ожидала так рано посетителей, поэтому и не разжигала плиту.¹⁰⁴

Измучившись ожиданием и оставшись при том полуголодным, Невил отправился дальше, но не успел он пройти и четверти мили, как заметил, что сзади его нагоняет

¹⁰³ То есть Невил прошёл примерно 13 километров. Если он отправился из Рочестера-Клойстергэма по Дуврскому тракту в направлении Лондона (а это подтверждается многими деталями оригинального текста, опущенными в этом переводе), то к началу первой службы в соборе (7:30 утра) он должен был бы уже достичь развилки дороги у городка Грэйвсенд.

¹⁰⁴ Единственным трактиром на Дуврском тракте в этом месте был трактир «Белый олень», которым в 1842 году владел некто Уильям Колли. В 1910-м здание трактира было снесено, сейчас на его месте стоит придорожный ресторан сети «Харвестер».

большая группа идущих быстрым шагом мужчин.¹⁰⁵ Чтобы дать им проход, Невил сошёл на обочину дороги и остановился, но его попутчики повели себя в высшей степени странно: сначала они все остановились тоже, а потом четверо из них молча и споро миновали Невила, сверля его по пути мрачными взглядами, после чего остановились в двадцати шагах впереди; ещё четверо стали медленно приближаться к юноше сзади, словно беря его в клещи, а прочие, числом не менее полудюжины, вдруг развернулись и побежали назад по направлению к трактиру.

Заподозрив дурное, Невил покрепче перехватил свою увесистую трость и смерил прошедших вперёд четверых мужчин тяжёлым взглядом. Ответные взгляды были столь же мрачны и пристальны. Уверившись, что его хотят ограбить, Невил резко шагнул вперёд и угрожающе поднял трость – четверо стоявших у него на пути, однако, не двинулись и с места.

– Какого чёрта вам от меня надо? – крикнул им Невил. – Вы что, банда грабителей, что ли?!

– Не отвечайте ему, – сказал один из преследователей. – Пока лучше ему ничего не говорить.

– Не говорить мне что?!

Угрюмое молчание было ему ответом.

¹⁰⁵ Часовая задержка Невила в трактире понадобилась Диккенсу для того, чтобы преследователи смогли нагнать юношу. Но даже и в этом случае им пришлось бы буквально бежать бегом (ведь лошадей и повозки у них не было) – и преодолеть при этом 13 километров!

– Тогда я вам скажу! – закричал Невил, распаляясь гневом. – Мне нужно пройти, и я пройду! Сколько бы вас там ни было, вы меня не остановите! Слышите, вы, четверо! Я иду!

Однако все так и остались стоять, и Невил тоже.

– Если восемь человек нападают на одного, – в бешенстве продолжил Невил, – то ему остаётся лишь подороже продать свою жизнь! И видит Бог, я это сделаю, посмейте меня только остановить!

Занеся руку с тростью для удара, он бросился вперед, прямо на своих преследователей, и тут же самый большой и сильный из них кинулся ему наперерез, толкнул его и повалил на землю, пусть Невил и успел достать его тростью по лицу.

– Не троньте его, он мой! – крикнул напавший, могучими руками прижимая бешено сопротивлявшегося Невила к земле. – Я с ним и один справлюсь, он словно девчонка передо мною!

И, действительно, уже через пару мгновений Невилу заломили руки за спину и вздёрнули на ноги; лицо его было в крови, но это была больше кровь нападавшего, хлынувшая из его разбитого тростью носа.

– Вот так! – сказал мужчина, вставая. – Теперь вы двое держите его, чтобы не сбежал, а мне надо почиститься.

– Банда мы или не банда, мистер Ландлесс, – продолжил он, вытирая платком кровь с лица, – это Вы ещё сегодня узнаете в точности. Мы бы Вас и пальцем не тронули, кабы

Вы нас к тому сами не вынудили. А сейчас мы Вас отведём обратно в Клойстергэм, и там Вы получите сколько угодно помощи и защиты от грабителей. Эй, ребята, вытрите ему кто-нибудь тоже кровь со лба, а то она ему, похоже, глаза заливает.

Это было исполнено, после чего Невил смог опознать в нападавшем клойстергэмского кучера дилижансов – кажется, его звали Джо. Невил видел его лишь один раз, сразу по приезду, да и то мельком, поэтому и не узнал его.

– И я Вам вот ещё что скажу, мистер Ландлесс, – проговорил Джо, подходя ближе к Невилу. – Вы пока что лучше держите язык за зубами. Дальше по дороге Вас ждёт один Ваш друг – вот с ним можете говорить, сколько хотите, а с нами больше не надо... Ну всё, парни! Подберите его трость, и надо уже идти!

Тяжело дыша, Невил оглянулся на своих конвоиров, держащих его за руки, и попробовал освободиться, но безрезультатно. Тут его подтолкнули в спину, и он принуждённо сделал несколько шагов, чувствуя себя словно в кошмарном сне, от которого он не может проснуться. Так, спотыкаясь и покачиваясь, прошли они с четверть мили назад к трактуру, возле которого их ожидала ещё одна группа горожан, и среди них Невил заметил вдруг мистера Джаспера и рядом с ним каноника Криспаркла.

– Что это всё значит, сэр?! – закричал Невил ещё издали. – Что тут у вас случилось?! Тут все словно с ума посходили!

- Где мой племянник?! – диким голосом прокричал в ответ мистер Джаспер.
- Где Ваш племянник? – повторил Невил, останавливаясь. – А почему Вы об этом спрашиваете меня?¹⁰⁶
- Потому что его нигде не могут найти, а Вы последний, с кем его видели!
- Не могут найти?! – воскликнул Невил поражённо. – Как это, не могут найти?
- Минутку, мистер Джаспер, погодите минутку, – сказал младший каноник, выходя вперёд. – Позвольте теперь мне спросить его. Мистер Невил, я понимаю, что Вы сейчас удивлены и взволнованы, но постарайтесь сконцентрироваться и ответьте мне, пожалуйста, возможно точнее. Вы вчера вечером ушли от мистера Джаспера вместе с Эдвином Друдом?
- Да, сэр.
- И в котором часу?
- В двенадцать, кажется... У меня просто голова кругом, сэр...
- Значит, примерно в двенадцать часов, – повторил мистер Криспаркл. – То же самое утверждает и мистер Джаспер, тут всё сходится. И потом вы оба отправились к реке?
- Ну да. Мы хотели посмотреть, высоко ли поднялась вода от ветра.

¹⁰⁶ В вопросе Джаспера «Где мой племянник?» и в ответе Невила «Почему Вы спрашиваете об этом меня?» совершенно отчетливо слышится отсылка к библейской притче о Каине и Авеле.

– А что же потом? Долго вы пробыли у реки?

– Минут десять, сэр, не более. Потом я пошёл домой, а мистер Эдвин проводил меня до двери.

– А он не говорил, что хочет вернуться снова к реке?

– Нет, сэр. Он сказал, что тоже пойдёт прямо домой.

После этих слов присутствующие переглянулись, а те, кто держал Невила за руки, отпустили его и отошли на шаг. Тут мистер Джаспер, всё это время неотрывно наблюдавший за Невилом, вдруг проговорил глухим изменившимся голосом:

– А что это у него за кровавые пятна на рукаве?

В толпе кто-то сдавленно ахнул, и Невил снова оказался зажатым между двумя крепкими мужчинами.

– И на палке его такие же пятна! – продолжал мистер Джаспер, указывая на трость Невила, которую держал в руках возница Джо. – Я знаю эту палку, он был с нею прошлым вечером! Что всё это значит?!

– Бога ради, Невил, отвечайте же! – взволнованно потребовал мистер Криспаркл.

– Это его кровь, – сказал Невил, кивком головы указывая на кучера. – Мы подрались с ним, сэр, и я попал ему тростью по лицу. Посмотрите, на его одежде такие же пятна! Я решил, что эти люди грабители, и защищался! А что я должен был подумать?! Мне ведь никто и не попытался ничего объяснить!

Джо неохотным кивком подтвердил, что драка, действи-

тельно, имела место. Но хотя всем присутствующим были отлично видны и царапины на лице Невила, и разбитый нос возницы Джо, они тем не менее мрачно и подозрительно косились на начавшие уже подсыхать пятна крови на рукаве пальто Невила и на его трости.

– Вам сейчас лучше отказаться от путешествия, Невил, и вернуться назад в Клойстергэм, – сказал младший каноник. – Вам надо будет всё объяснить и снять с себя все подозрения.

– Конечно, сэр.

– Мистер Ландлесс согласен вернуться назад вместе со мной, – объявил мистер Криспаркл, оглядывая собравшихся. – Пойдёмте, Невил!

Вежливо, но твёрдо взяв своего подопечного чуть выше локтя, младший каноник повёл его сквозь послушно расступившуюся толпу. Так они и направились по дороге к городу – впереди шли мистер Криспаркл с Невилом, а сзади, в некотором отдалении, все прочие. Этот порядок оставался неизменным всю дорогу, за одним исключением: мистер Джаспер скоро догнал младшего каноника и пристроился по другую сторону от Невила, словно безмолвный конвоир. Да, безмолвный, ибо мистер Джаспер за весь путь не проронил и слова, и молчал даже тогда, когда мистер Криспаркл прямо обращался к нему с каким-нибудь вопросом в попытке уточнить события прошедшего вечера. Лишь в конце пути он соизволил мрачно кивнуть на предложение младшего

каноника отправиться прямо к мэру города, мистеру Сапси, но даже и при этом не открыл он рта.

Лишь когда в приёмной мэра мистер Криспаркл вкратце объяснил пораженному городскому главе обстоятельства дела, Джаспер снова заговорил. Прежде всего, он объявил, что во всём полагается на проницательность и решения мистера Сапси, поскольку сам он настолько потрясён внезапным исчезновением любимого племянника, что совершенно не в состоянии упорядочить собственные мысли. У него, Джаспера, нет в настоящий момент ни одной идеи, что именно могло бы случиться с Эдвином Друдом, поэтому если мистер Сапси выскажет какие-нибудь догадки, то этим он весьма обяжет его, мистера Джаспера. Сам он, мистер Джаспер, считает очень маловероятным, что его племянник, Эдвин Друд, по какой-либо причине снова вернулся к реке, там оступился, упал в воду и утонул; но если мистер Сапси посчитает иначе, то и быть по тому.¹⁰⁷ Он, Джаспер, весьма далёк от любых подозрений в отношении кого-либо из присутствующих, он не хочет и не может обвинять других в возможном преступлении, но если его милость господин мэр в своей проницательности посчитает нужным кого-либо

¹⁰⁷ Слова Джаспера, что Эдвин Друд, возможно, «по какой-либо причине снова вернулся к реке, там оступился, упал в воду и утонул», выдают нам часть его первоначального плана – представить убийство племянника как несчастный случай. Однако поскольку из-за ряда случайностей первоначальный план убийства пошёл наперекосяк, Джаспер был вынужден перестраивать его на ходу. Попытка обвинить Невила в преступлении – часть этой импровизации.

немедленно арестовать, то ему, Джасперу, останется лишь покорно согласиться с таким предусмотрительным решением и умыть руки.¹⁰⁸

Мистер Сапси после этих слов хормейстера приосанился, гордо оглядел присутствующих, прокашлялся и заявил, что всё это дело тёмное и, можно даже сказать, совершенно «неанглийское» – при этом мистер Сапси, правильно поняв намёки Джаспера, смерил Невила с ног до головы презрительным взглядом. Младший каноник, почувствовав, что его подопечный находится сейчас в одном шаге от заключения в тюрьму, спешно выступил вперёд и заверил мистера Сапси, что будет совершенно достаточно, если Невил Ландлесс будет препровождён в свою комнату в доме младшего каноника, где (под ответственность мистера Криспаркла) он и останется без права её покидать – до той поры, пока он снова не потребуется следствию или самому мистеру Сапси. Господину мэру пришлось нехотя согласиться с этим предложением. В качестве ответного хода мистер Джаспер поблагодарил господина мэра за прекрасную идею прочесать берега и дно реки в поисках тела Эдвина Друда, а также за распоряжение дать объявления в местных и столичных газетах, в которых обещалось бы значительное вознаграждение всякому, кто даст хоть какую-нибудь информацию о пропавшем

¹⁰⁸ Во фразе «Если мистер Сапси так считает, то мне остаётся лишь умыть руки» слышится отсылка к словам Пилата, соглашающегося с решением Синедриона распять Христа. Умывая руки, Пилат говорил, что «нет на мне крови этого человека», хотя именно Пилат и был его убийцей.

юноше. Мистер Сапси, хоть он и не говорил ничего подобного, тут же заявил, что его поняли совершенно правильно, и именно таковы и были его распоряжения.

Глядя на Невила Ландлесса и на Джона Джаспера, было очень трудно сказать, кто из них двоих был более разбит и подавлен, обвиняемый или обвинитель. Если бы положение первого не принуждало его к покорности судьбе, а положение второго – к активным действиям, между ними не было бы вовсе никакой разницы, оба они были одинаково объ-
яты едва подавляемым ужасом и растерянностью.

Поиски на реке и вдоль берегов начались следующим же утром. Дно реки тралили с лодок железными кошками и прощупывали длинными жердями, в заводях и бухтах в дело пускали сети, прибрежные заросли камыша обыскивали с баграми и собаками. Даже спустившаяся скоро ночь не остановила поисковых работ: тут и там по берегам бродили фигуры в болотных сапогах и с фонарями в руках, горели факелы, и множество добровольных помощников, разбившись на группы и сменяясь по часам, прочёсывали берега и осматривали галечные пляжи вплоть до устья реки и впадения её в море. За эти и последующие сутки была разворошена каждая куча водорослей и перевернута каждая коряга на десять миль ниже по течению, но ни единого следа, оставшегося от Эдвина Друда не было найдено. Бедный юноша исчез с лица земли так основательно, словно его забрали эльфы в Страну Снов.

Джон Джаспер принимал в этих поисках активнейшее участие, не отдыхая ни минуты. С фонарём в руке, в насквозь промокшей и испачканной одежде, в одолженных у кого-то сапогах его фигура мелькала тут и там, он перебегал от группы к группе, он подгонял помогающих и упрашивал не оставлять поисков отчаявшихся. Часто он сам, оставив фонарь, вооружался багром и обшаривал им особенно труднодоступные места или даже ворошил придонный ил голыми руками. Но и на второй день поисков не было найдено ни единого следа, оставшегося от исчезнувшего племянника.¹⁰⁹

Смертельно усталый, голодный и измученный, в изорванной и грязной одежде возвратился Джон Джаспер вечером второго дня домой, в домик над воротами.¹¹⁰ Но только он без сил упал в кресло у камина, как резкий стук в дверь заставил его снова со стоном подняться, чтобы отпереть дверь гостю – это явился мистер Грюджиус.

– Странные новости я услышал, – сказал мистер Грюджиус прямо с порога.

¹⁰⁹ Поиски вдоль реки были необходимы Джасперу для того, чтобы найти брошенное им на берегу пальто Эдвина. После обнаружения одежды его племянник был бы признан утонувшим по неосторожности, и дальнейшего расследования не проводилось бы. Однако поиски закончились неудачей.

¹¹⁰ Необычайная активность Джаспера без признаков усталости и голода является одним из последствий приёма опиума, но не курением его, а жеванием или в виде настойки. После периода возбуждения, однако, наступает быстрый и полный упадок сил, могущий привести даже к потере сознания.

– Странные?! – простонал хормейстер. – Страшные, ужасные новости!

С этими словами Джаспер опять рухнул в кресло и закрыл лицо ладонями. Мистер Грюджиус снял с головы цилиндр, с силой пригладил ладонью волосы и, подойдя к камину, остановился, глядя на пламя.

– Как поживает Ваша воспитанница? – после долгой паузы устало спросил Джаспер.

– Бедняжка! Только представьте себе её состояние... Она очень и очень переживает.

– А сестру его Вы тоже видели? – тем же слабым голосом спросил Джаспер.

– Чью сестру?

Было что-то такое в холодном медленном ответе старого юриста, что заставило хормейстера отнять руку от глаз и внимательно посмотреть на стоявшего к нему спиной мистера Грюджиуса. Однако по этой спине ничего нельзя было прочесть, поэтому Джаспер снова прикрыл глаза и пробормотал:

– Я имею в виду сестру... подозреваемого.

– А Вы его, стало быть, подозреваете? – сухо поинтересовался мистер Грюджиус.

– Не знаю, что и думать, кого и подозревать... Я пока ещё не решил.

– И я тоже, – отрезал мистер Грюджиус. – Но Вы назвали его подозреваемым, вот я и подумал, что Вы для себя всё уже решили... Да, я разговаривал и с мисс Ландлесс.

– И что она?

– Отвергает все подозрения и полностью уверена в невиновности брата.

– Бедняжка!

– Однако, – перебил хормейстера мистер Грюджиус, – я хотел поговорить с Вами не об этом. А о моей подопечной. У меня есть новости, которые Вас удивят. Меня они, по крайней мере, удивили.

Джаспер со слабым стоном откинул голову на спинку кресла и помассировал себе виски.

– Если Вы плохо себя чувствуете, то мы можем отложить этот разговор, – сказал мистер Грюджиус. – Предупреждаю, эти новости могут оказаться для Вас тяжёлыми.

– Куда уж тяжелей... – пробормотал Джаспер, бросая на него ещё один внимательный взгляд из-под полуприкрытых век. – Что там у Вас ещё?

– Мне нужно было бы догадаться раньше, – проговорил мистер Грюджиус, всё так же глядя в огонь. – Ведь она мне намекала... Но я в сердечных делах совсем ничего не понимаю. Вот и тут... Я-то думал, что дело у них крепко слажено...

– О чём это Вы? – резко спросил Джаспер, вдруг садясь прямо.

Мистер Грюджиус, посматривая через плечо на хормейстера, продолжил, грея ладони над пламенем камина:

– Эти молодые люди, Ваш пропавший племянник и моя

подопечная, мисс Роза... хотя они и были уже столько лет помолвлены, и хотя они и стояли на самом пороге свадьбы...

Мистер Грюджиус увидел, как побледнело и изменилось до неузнаваемости лицо Джаспера и как побелели его крепко сжатые губы. Руки хормейстера судорожно вцепились в ручки кресла, и он начал медленно привставать на дрожащих ногах.

– Тем не менее эта юная пара – одновременно и безо всякого принуждения – пришла к выводу, что их жизнь будет много лучше и счастливее, если они пойдут наперекор воле их покойных родителей, выраженной в завещании, и останутся просто друзьями или, лучше сказать, станут друг другу братом и сестрой.

Лицо хормейстера было теперь уже совсем каким-то свинцово-серым, крупные капли пота выступили на его лбу и щеках. Содрогнувшись от отвращения, мистер Грюджиус снова отвернулся.

– Придя к такому общему заключению, эта молодая пара обсудила сложившуюся ситуацию, обсудила открыто, серьёзно и с полным уважением друг к другу. Их встреча для этой цели произошла несколько дней назад. По итогам этого разговора они решили разорвать свою помолвку, разорвать решительно, полностью и навсегда.

За спиной мистера Грюджиуса хормейстер, пошатываясь, встал на ноги, глухо застонал и вцепился себе в волосы.

– Ваш племянник побоялся, однако, сообщить Вам эту

новость сам и попросил сделать это меня, сделать это в тот момент, когда его здесь уже не будет.¹¹¹ Так и произошло: я говорю с Вами, а его здесь уже нет. Единственное, что мне остаётся добавить, так это то, что заключительный, прощальный разговор между нашими молодыми людьми произошёл именно в тот день, когда Вы сами в последний раз видели их вместе.

Страшный, нечеловеческий вопль разрезал ночную тишину дома над воротами, и мистер Грюджиус, снова бросив взгляд через плечо, увидел, как хормейстер без чувств оседает на пол, похожий теперь больше не на человека, а на восковой манекен или даже на мешок с тряпьем – грязным, изношенным и рваным тряпьем.

Не сделав даже и движения, чтобы помочь ему снова подняться или прийти в себя, мистер Грюджиус опять отвернулся к камину и продолжил невозмутимо греть руки над пламенем очага.¹¹²

¹¹¹ Хотя Грюджиус и говорит, что «Эдвин попросил меня передать Вам новость о разрыве помолвки», это не следует понимать буквально. Просьбу Эдвина передала Грюджиусу Роза уже после исчезновения юноши. В английском тексте это сказано более отчётливо: «он оставил это сделать мне».

¹¹² Разрыв помолвки до момента исчезновения (или смерти) Эдвина Друда по условиям завещания лишает Джаспера возможности завладеть наследством Друдов. Именно этим и вызвано отчаяние и обморок хормейстера, он опоздал с убийством буквально на один день.

Глава XVI.

Клятва

– Слава Господу, сэ, Вы очнулись! – говорила прибежавшая на шум миссис Топ, помогая Джасперу подняться с пола. – Садитесь вот сюда, возле открытого окна, и Вам мигом полегчает. Этими розысками Вы себя совсем утомили, сэ, так что и не удивительно, что вам вдруг *поплохело*...

– Если человек изводит себя навязчивыми мыслями, – отозвался мистер Грюджиус, безучастно наблюдавший, как хормейстера усаживают в кресло и обкладывают подушками, – если этот человек не даёт телу отдыха, а душе покоя, то и вправду не удивительно, что такой человек когда-нибудь буквально рухнет от усталости.

– Я Вас, наверное, напугал? – слабым голосом спросил Джаспер, вытирая со лба испарину.

– Вовсе нет,нисколько, – безразличным тоном ответил мистер Грюджиус.

– Вы так добры ко мне...

– Вовсе нет,нисколько, – повторил мистер Грюджиус.

– Вам будет полезно выпить немного красного вина, сэ, – сказала миссис Топ. – Это слегка разгонит Вашу кровь, а то Вы совсем уж *с лица побледнели*. Сейчас я Вам принесу. И Вам обязательно надо поесть хоть что-нибудь, хоть кури-

ное крылышко. У Вас небось со вчерашнего дня и крошки во рту не было. Я мигом всё приготовлю, а вот этот добрый джентльмен проследит, чтобы Вы съели всё, до последней ложки.

Добрый джентльмен на это лишь презрительно хмыкнул – то есть миссис Топ могла бы посчитать, что звук был именно презрительным, если бы она не была так занята скатертью и тарелками.

– Может быть, Вы тоже отобедаете со мной? – спросил Джаспер, подвигая кресло ближе к столу.

– Нет уж, спасибо, – отвечивал мистер Грюджиус.

И пока хормейстер ел и пил – и делал это с такой скоростью и жадностью, будто пытался пищей и вином загасить в себе пожирающий его внутренности огонь – мистер Грюджиус, сложив руки на коленях, неподвижно сидел напротив него с совершенно каменным выражением лица, всем своим видом, казалось, отвергая любую возможность застольного разговора. Когда молчание стало совсем уж невыносимым, Джаспер, кашлянув, попытался его нарушить:

– А знаете, – сказал он, отодвигая тарелку, – я даже нахожу кое-что утешительное в той новости, которую Вы мне сообщили.¹¹³

¹¹³ С того момента, как мистер Грюджиус сообщил Джасперу о разрыве помолвки, возможность завладеть наследством Друдов потеряна для хормейстера навсегда. Все его последующие умозаключения, хлопоты и попытки преследования Невилы связаны только со стремлением избежать ответственности за убийство.

– Вот как! – ответил на это мистер Грюджиус, и в его словах ясно слышалось невысказанное «А вот я не нахожу!»

– Представьте себе, да! Пока я ел, у меня было время всё ещё раз обдумать. И вот к каким соображениям я пришёл... Не могло ли случиться так, что мой бедный племянник, не желая всем и каждому в городе объяснять причины разрыва его помолвки, счёл за лучшее избавиться себя от досужего любопытства и просто исчезнуть, как это говорится, не прощаясь?

– Да... такое возможно, – раздумчиво сказал мистер Грюджиус.

– Уверен, что так и произошло! Мне приходилось читать о случаях, когда люди – чтобы не стать героями сплетен, или чтобы к ним не приставали с расспросами – просто уезжали куда-нибудь подальше и там пережидали, пока интерес к ним не уляжется.¹¹⁴

– Да... такие случаи бывали, – согласился мистер Грюджиус всё так же раздумчиво.

– Ведь это же всё объясняет! Я ведь и предположить не мог, что мой бедный мальчик, стоя буквально на пороге

¹¹⁴ В разговоре с Грюджиусом Джаспер ссылается на рассказ Натаниэля Хауторна «Уэйкфилд». В этом произведении заглавный герой однажды допоздна засиделся в трактире и решил переночевать в гостинице, а домой вернуться утром. На следующий день Уэйкфилд, не зная, как он будет объяснять жене своё опоздание, снова отложил возвращение – и так продолжалось двадцать лет. Всё это время Уэйкфилд не давал о себе знать и считался умершим. Первоначально Диккенс собирался дать Эдвину Друду другое имя – Джеймс Уэйкфилд.

счастливой свадьбы, может бросить всё и исчезнуть по собственной воле. Но если, как Вы говорите, его помолвка расстроилась, то его здесь ведь больше ничто и не держало! Конечно, по отношению ко мне с его стороны было несколько жестоко исчезнуть так внезапно и так загадочно... но, по крайней мере, он не поступил непорядочно по отношению к Вашей подопечной.

С этим мистер Грюджиус не мог не согласиться.

– А если он поручил Вам рассказать мне о разрыве помолвки, то это означает, что и по отношению ко мне он не проявил никакой жестокости! – всё больше воодушевляясь, продолжал Джаспер. – Значит, он и обо мне подумал! Значит, он был уверен, что я сам догадаюсь, как я и сделал! Ах, дорогой мой мальчик! Конечно же, он вовсе не был ко мне жесток... хотя кто я такой?! Всего лишь Джон Джаспер, бедный учитель музыки!

Мистер Грюджиус и тут не нашёл никаких возражений.

– Вы пришли, когда я пребывал в отчаянии, и Вы снова дали мне надежду! Благодарю Вас, дорогой сэр, благодарю! Ваше согласие с моими рассуждениями доказывает мне, что эти мои надежды не беспочвенны. Теперь я вижу, теперь я понял, что мой племянник оставил нас по своей собственной воле, что тут нет никакого преступления, что он жив и скоро объявится!

В этот момент, вежливо постучавшись, в комнату вошел мистер Криспаркл, и Джаспер, оборотившись к нему, с жа-

ром повторил:

– Я начинаю думать, что мой племянник оставил нас по собственной воле, что он жив и скоро непременно даст о себе знать!

Мистер Криспаркл взял себе стул, сел поближе к камину и поинтересовался, почему Джаспер пришел к такому выводу. Хормейстер охотно повторил все свои рассуждения и добавил, что именно известие о разрыве помолвки побудило его посмотреть на случившееся под новым углом.

– Как я уже говорил во время разбирательства у мистера Сапси, – продолжил Джаспер, – во время того ужина между молодыми людьми не было уже и следа былой ссоры. Мой дорогой мальчик, однако, был не так оживлён и весел, как обычно, и я сразу заметил, что его как будто бы что-то гнетёт. Тогда-то я не понял причины его подавленности, но сейчас мне стало совершенно ясно, отчего он решил покинуть нас так внезапно!

– Молю Господа, чтобы так оно и оказалось! – воскликнул мистер Криспаркл.

– А уж как я молю Господа о том же, можете себе представить! – перебил его Джаспер. – Как вы знаете, я был сильнейшим образом предубеждён против Невила Ландлесса. Вы знаете, какие мрачные предчувствия на его счёт одолевали меня. Я даже показывал Вам записи, которые я – под влиянием момента – делал в своём дневнике. Но мистер Грюджиус дал мне новую надежду, и теперь я вижу, что был глубоко-

ко не прав, подозревая, что молодой Ландлесс злоумышлял против моего племянника или что у него была причина желать Эдвину дурного.

Эта внезапная откровенность Джаспера несколько смутила младшего каноника, поскольку он вдруг почувствовал, что сам был с хормейстером не до конца откровенным. Он-то знал, что Невил самым недвусмысленным образом именно что желал Эдвину Друду дурного. И ещё он вспомнил о той всепоглощающей ревности и любви к чужой невесте, которые терзали душу его воспитанника. Младший каноник был совершенно убеждён в полной невиновности Невила, однако он был ещё и одним из самых честнейших людей на свете, поэтому невысказанная правда жгла ему душу.

Однако сейчас перед ним сидел ещё один образец честности – мистер Грюджиус. Поэтому младший каноник отбросил колебания и сказал, что из откровенного разговора с воспитанником ему, к сожалению, стало известно, что этот молодой человек самым непозволительным образом убедил себя в собственных романтических чувствах к той же самой молодой леди, с которой был помолвлен и Эдвин Друд, то есть к мисс Розе Буттон. Мистер Криспаркл добавил также, что по опыту ему известно, насколько горячим и необузданным темпераментом обладает его воспитанник, и это знание весьма беспокоит его, поскольку он не может отрицать, что ещё за несколько дней до событий трагической ночи Невил был очень и очень настроен против Эдвина Друда.

Но даже это известие не пошатнуло оптимизма, владевшего теперь Джоном Джаспером. Пусть и слегка побледнев, он повторил, что остаётся верен тем соображениям, которые он уже высказал после новостей, принесённых ему мистером Грюджиусом. Поэтому если не будет найдено никаких новых улик, указывающих на то, что его дорогой племянник пал жертвой соперничества в любви, то он, Джаспер, продолжит считать, что Эдвин скрылся по собственной, пусть и неразумной, воле.

Мистер Криспаркл покинул домик над воротами в глубокой задумчивости. Ему не давали покоя мысли о молодом человеке, который в эту минуту наподобие заключенного сидел в своей комнате в доме младшего каноника. И мистер Криспаркл снова и снова спрашивал себя, не преступил ли он границ доверия юноши, рассказав посторонним о тех чувствах, что владели и, без сомнения, ещё владеют его воспитанником.

Погружённый в эти мысли, мистер Криспаркл не заметил, что пропустил поворот, ведущий к собственному его дому, и вышел на дорогу, ведущую к Клойстергэмской плотине – месту, хорошо известному младшему канонику, поскольку он часто приходил сюда купаться. Ничего не замечая вокруг, мистер Криспаркл прошёл в темноте две мили, отделяющие окраину города от запруды, и только плеск воды, падающей через обрез плотины, вывел его из задумчивости.

Как я попал сюда? – поразился он, оглядевшись. «Это

не просто так... – была его вторая мысль. – Должна иметься какая-то причина для этого». ¹¹⁵

Подойдя ближе к кромке воды, он прислушался к её журчанию. Казалось, вода говорит ему что-то, но понять, что именно, было, конечно же, невозможно. *«И в плеске волн, и в шуме ветра мы слышим зов среди отмелей пустых»* – вспомнилась ему строка из недавно прочитанной поэмы Мильтона. Стряхнув оцепенение, мистер Криспаркл взгляделся в холодную рябь волн, но не увидел в них ничего, кроме дрожащего отражения света звёзд.

Младший каноник и не ожидал найти здесь каких-либо следов пропавшего юноши. Клойстергэмская запруда находилась в двух милях выше по течению от того места, куда Невил и Эдвин ходили смотреть на бурю, поэтому поиски тут не проводились, да в них не было бы и смысла. В ту памятную ночь был сильный отлив, и мёртвое тело – если несчастный случай всё же произошёл – следовало бы искать где-то между городским мостом и устьем реки, местом впадения её в море.

Мистер Криспаркл перевёл взгляд на брёвна запруды

¹¹⁵ Многие исследователи считают, что каноник Криспаркл отправился к плотине, пребывая в сомнамбулическом состоянии, почти во сне, наподобие лунатика. Из этого делается вывод о том, что Джаспер как-то незаметно загипнотизировал Криспаркла и «отправил» его к плотине, чтобы найти якобы специально оставленные на виду улики. Это интересное, но неверное соображение. В Рочестере от «домика хормейстера» до того места, где Диккенс разместил плотину (не существующую в реальном мире), ведёт совершенно прямая дорога, которую, действительно, можно пройти, просто глубоко задумавшись.

и тут же издал тихий удивлённый взглас: футах в тридцати от берега на одной из свай что-то висело, что-то поблёскивающее, но при свете одних только звёзд нельзя было разобрать, что же именно. Сколько ни напрягал младший каноник зрение, сколько ни вглядывался в темноту – всё было напрасно. Взволнованный, он отправился домой, пообещав себе вернуться к плотине с первым же светом утра.

Всю ночь ему снилась бегущая вода, и едва забрезжил холодный рассвет, мистер Криспаркл снова уже стоял у Клойстергэмской запруды. Утро выдалось морозным, воздух был чист и прозрачен, поэтому младший каноник без труда нашёл взглядом ту точку, которая прошлой ночью так приковала его внимание. На угловом столбе плотины, действительно, висело что-то блестящее, что-то такое, чему там было вовсе не место, но падающая через обрез плотины вода не позволяла разглядеть подробнее.

Тогда младший каноник разделся и бросился в ледяную воду. В несколько гребков он был уже у нужного бревна и, протянув руку, он снял со сваи зацепившиеся за неё цепочкой золотые карманные часы с выгравированными на задней крышке инициалами Э и Д.

С часами в руке он вернулся к берегу, положил их на песок и снова поплыл к плотине, рассчитывая найти под нею мёртвое тело. Долгие полчаса он нырял и шарил руками в придонном иле, но не нашел больше ничего, кроме золотой

заколки для галстука – в песке, у самой запыры. ¹¹⁶

С этими находками он вернулся в Клойстергэм и, захватив с собой Невила, отправился напрямик к мэру города, мистеру Сапси. Тут же послали за Джаспером, часы и галстучная заколка были опознаны, Невил был арестован и препровождён в тюрьму, но не прежде, чем он был всячески обруган и опозорен. Мистер Сапси не упустил случая дать волю своему красноречию и произнёс целую проповедь – бессвязную, бессмысленную, но весьма злобную. Невил был назван дикарём, туземцем, приехавшим чуть ли не с Южного Полюса специально для того, чтобы «свести в могилу седые волосы миссис Криспаркл» (оригинальное выражение мистера Сапси, которое он повторил несколько раз). ¹¹⁷ Невилу было приписано не только умышление побить мистера Криспаркла в боксёрском поединке, но и желание убить всех жителей Клойстергэма в собственных кроватях и остаться един-

¹¹⁶ Находка в реке часов Эдвина перекликается с реальным случаем, произошедшим в 1849-м году в Бостоне, США. Тогда внезапно и бесследно пропал доктор Джордж Паркман, и только обнаружение в реке его карманных часов вывело сыщиков на след убийцы. Им оказался профессор Джон Вебстер, задолжавший Паркману крупную сумму денег. Диккенс посетил Бостон в 1868 году (т.е. за год до начала работы над романом) специально для того, чтобы осмотреть место убийства.

¹¹⁷ Высказывание мистера Сапси о седых волосах миссис Криспаркл является цитатой из 42 главы книги Бытия в Ветхом Завете. Там рассказывается о Иосифе, которого его братья по дороге в Египет бросили в пустыне умирать в пересохшем колодце: « [Отец Иосифа, Иаков] сказал: если случится с ним несчастье на пути, в который вы пойдете, то сведёте вы седину мою с печалью во гроб.»

ственным человеком на земле. Только из-за таких его людоедских взглядов – сказал мистер Сапси в заключение – Невила и отослали в Клойстергэм: чтобы спасти от неминуемой смерти хотя бы жителей Лондона.

Когда мистер Сапси выдохся и умолк, вперёд выступил Джон Джаспер. Он бил уже более прицельно. Прежде всего, хормейстер напомнил присутствующим, что стоящий перед ними обвиняемый с первых же минут знакомства с Эдвином угрожал ему, и что теперь, благодаря канонику Криспарклу, стало известно, чем именно была вызвана такая непримиримая ненависть Невила Ландлесса к бедному исчезнувшему юноше. Понуждаемый всеми к примирению, Невил не только не раскаялся в своём поведении, но, напротив, специально купил тяжёлую и прочную палку, с которой и заявился на памятный ужин, и с ней же он сбежал на следующее утро, не дожидаясь, пока его разыщут и арестуют. Когда его нашли, одежда его оказалась окровавлена. Да, он более-менее удовлетворительно объяснил, каким образом на его палке и пальто появились следы крови, но что если он просто солгал? Перед самым бегством он предал огню какие-то свои записки – может быть, потому, что они изобличали его? Карманные часы, которые мистер Криспаркл нашёл висящими на бревне плотины, присутствующий здесь ювелир опознал как те, которые он лично за день до трагедии починил Эдвиному Друду и выставил на двадцать минут третьего. Ювелир утверждает, что в воду часы попали уже полностью остано-

вившимися.¹¹⁸ Что это означает? Возможно, что Невил снял их с мёртвого тела, пару дней хранил у себя, не заводя их, а потом выбросил в воду – из страха, что эту улику найдут у него. А может быть и по какой-то другой причине! Например, он не хотел, чтобы тело когда-либо опознали, и потому не только изуродовал покойному юноше лицо и спрятал труп, но ещё и снял с тела все предметы, по которым останки было бы легко идентифицировать – то есть часы с монограммой и приметную заколку для галстука. Возможностей избавиться от улик у него было предостаточно. Его и раньше замечали слоняющимся за городской чертой с видом мрачным и чуть ли не безумным. Да и вообще всё поведение Невила Ландлесса всегда было крайне подозрительно! И теперь он, Джаспер, уже не считает, что его несчастный племянник скрылся по собственной воле. Это подтверждается и рассказами безутешной невесты бедного юноши. По словам мистера Грюджиуса исчезнувший так внезапно молодой человек собирался сначала поговорить с ним, а уже потом покинуть город. Опекун мисс Розы приехал вечером двадцать седьмого числа, а Эдвин – вопреки его собственным планам и словам! – исчез задолго до того.

Следующую неделю Невил провёл в камере местной тюрьмы. Поиски мёртвого тела Эдвина Друда продолжались

¹¹⁸ Карманные часы не являются водонепроницаемыми, и тут же останавливаются, попав в воду. По степени раскрученности пружины можно судить о том, когда это произошло – до того, как пружина раскрутилась полностью, либо уже после, когда часы остановились.

с неослабевающей силой, Джаспер хлопотал день и ночь, но так ничего и не было найдено. И поскольку английские законы запрещают обвинять кого-либо в убийстве, пока не будет доказано, что исчезнувший человек действительно умер, Невила пришлось освободить из заключения. Тогда-то и случилось то, что мистер Криспаркл слишком хорошо предвидел: клойстергэмское общество отвергло Невила и вынудило его покинуть город, покинуть с навсегда разрушенной репутацией. Никто не вступился за гонимого.

– Времена, когда церковь предоставляла убежище, давно миновали, – сказал младшему канонику отец-настоятель. – Невил Ландлесс не может больше рассчитывать на наше милосердие.

– Значит ли это, сэр, что он обязан покинуть мой дом?

– Это Ваш дом, мистер Криспаркл, Вам и решать, – поморщился настоятель. – Я говорю лишь о печальной, но насущной необходимости лишить мистера Ландлесса Вашего дружеского совета и участия. Пускай он сам заботится о собственной душе.

– Крайне прискорбно это слышать, сэр.

– Конечно. Но тут ничего нельзя поделать. Без сомнения, Вы это понимаете не хуже меня.

– Я полностью уверен в его абсолютной невинности, сэр.

– Я бы не был так категоричен, – сказал настоятель более доверительным тоном. – Так ли уж он невиновен? Есть много

моментов, которые вызывают подозрения... Нет, я бы ничего не утверждал с полной уверенностью.

Мистер Криспаркл заставил себя промолчать.

– Мы, церковники, не должны становиться ни на чью сторону, – продолжал настоятель. – Тем более, на его сторону. Мы обязаны быть предусмотрительными и держаться середины. Да, середины! Сердце наше горячо, но голова должна оставаться холодной.

– Надеюсь, сэр, я хоть могу открыто и со всей ответственностью заявить, что Невилу будет позволено вернуться, если какие-либо новые известия подтвердят его невиновность?

– Почему бы и нет? Конечно можете, – кивнул настоятель. – Но заявлять это «со всей ответственностью» – нет, это лишнее. Просто заявить? Да-а. Но со всей ответственностью? Не-ет! Как я уже сказал Вам, мистер Криспаркл, мы, церковники, должны держать голову холодной и избегать принимать на себя слишком много ответственности.

Итак, Клойстергэм отказался знаясь с Невилом Ландлесом, и тому не оставалось ничего другого, как тоже исчезнуть из города, покинуть его в неизвестном направлении, унеся с собой навеки запятнанное имя и испорченную репутацию.

Только после этого Джон Джаспер снова занял своё место в церковном хоре. Осунувшийся, с красными запавшими глазами, он был мрачен и подавлен, надежды его были разбиты, а худшие подозрения снова переполняли его. Через день или два, переодеваясь в ризнице, он достал из кар-

мана и молча продемонстрировал мистеру Криспарклу свой дневник, открыв его на последней странице. Поёжившись от пристального взгляда хормейстера, которым тот сопроводил своё действие, младший каноник взял тетрадку и прочитал в ней следующее:

«Теперь у меня нет сомнений: мой дорогой мальчик был убит. Обнаружение его часов и галстучной заколки подтверждают, что их сняли с его мёртвого тела, чтобы затруднить возможное опознание. Я надеялся, что мой племянник покинул город по собственной воле, будучи не в силах справиться с тем горем, которое принёс ему разрыв помолвки с его невестой. Но события последних дней уничтожили все мои надежды. И теперь я клянусь, что я не успокоюсь, пока не разгадаю тайну его исчезновения, что я не ослаблю поисков, пока все ключи к этому преступлению не окажутся в моих руках, что я найду убийцу моего дорогого мальчика и отправлю его на виселицу. Я клянусь уничтожить его, и я сдержу эту клятву, чего бы мне это ни стоило.»¹¹⁹

¹¹⁹ Клятва Джаспера разоблачить убийцу Эдвина (при том, что этим убийцей является он сам) перекликается с действиями Франклина Блейка из романа Коллинза «Лунный камень». Мистеру Блейку, укравшему алмаз, не было никакой необходимости самому браться за расследование, т.к. его-то никто и не подозревал. Тем не менее он (как и Джаспер) «хлопотал день и ночь» и в результате едва не разоблачил сам себя.

Глава XVII. Благотворительность, истинная и мнимая

Прошло шесть месяцев, целых полгода, но тайна исчезновения Эдвина Друда по-прежнему оставалась тайной. Ничего не дали ни дальнейшие розыски, ни объявления в газетах, ни расклейка плакатов с обещаниями награды всем и каждому, кто сообщит хоть какие-нибудь известия о пропавшем юноше. Наступил и миновал его двадцать первый день рождения, но никто не явился вступить в права наследства, и счёт в банке оставался тоже нетронутым. Эдвин Друд исчез, словно провалился сквозь землю.

Возраста совершеннолетия достигли и близнецы Ландлесс, и теперь мистер Криспаркл, не перестававший считать себя ответственным за их судьбу, сидел в Лондонской штабквартире Благотворительного Общества и ожидал встречи с одним из её столпов и великим (во всех смыслах) человеком – мистером Лукасом Хонитандером.

Наконец, престарелый клерк, чей исхудалый и оборванный вид являл собой разительный контраст с роскошно обставленной приёмной, пригласил мистера Криспаркла войти в кабинет Великого Человека. Мистер Хонитандер сидел за необъятного размера дубовым письменным столом и одно за другим подписывал письма – не иначе предлагавшие доб-

рым гражданам Англии немедленно стать благотворителями и выложить свои денежки, а если нет, то убираться к чёрту.

– Сядьте! – приказал мистер Хонитандер, властным жестом указывая младшему канонику на стул, стоящий на некотором отдалении от начальственного стола и словно приготовленный для провинившегося школьника.

Мистер Криспаркл передвинул стул ближе и сел. Главный Благотворитель, наоборот, отодвинул своё кресло подальше и уселся, уперев руки в колени и подавшись вперёд, словно бык, заметивший на своём пастбище зазевавшегося прохожего.

– Так-так, мистер Септимус, – начал он, нахмурившись. – Похоже, у нас с Вами различные представления о священности человеческой жизни!

– Неужели? – поднял брови младший каноник.

– Именно, сэр!

– Могу я узнать, сэр, – кротко сказал мистер Криспаркл, – каковы будут ваши взгляды на этот предмет?

– Человеческая жизнь, сэр, это такая штука, которая неприкосновенна! Да, неприкосновенна, и таковой и должна оставаться!

– А каково, по-вашему, моё мнение на этот счёт? – всё так же вежливо поинтересовался младший каноник.

– Ну, знаете ли, сэр! – громовым голосом воскликнул мистер Хонитандер, хлопнув себя ладонью по колену. – Уж в этом-то Вы обязаны разбираться сами!

– Безусловно, сэр. Но поскольку Вы сказали мне, что наши взгляды на священный характер человеческой жизни различны, я понял, что Вы уже составили себе какое-то представление о моих взглядах. Будьте так любезны и сообщите мне, какое же именно?

– Если человека насильственным образом лишили жизни в самом расцвете его юности – не старика, заметьте, а юного, очень юного человека! – как Вы назовёте подобное ужасное деяние?

– Убийством, – сказал младший каноник.¹²⁰

– Ага! А как Вы назовёте того, кто совершил это преступление?

– Убийцей, – ровным голосом ответил младший каноник.

– Ну рад видеть, что хоть с этим-то Вы согласны, сэр! – язвительно сказал мистер Хонитандер. – Я от Вас и этого не ожидал!

– Извольте объяснить мне, сэр, что Вы имеете в виду, выражаясь при этом столь непозволительным тоном?

– Я не позволю, сэр, чтобы меня запугивали в моём соб-

¹²⁰ Те обвинения, которые Хонитандер предъявляет Невилу Ландлессу в связи с убийством Эдвина Друда, перекликаются с обвинениями, которые Джон Брайт (прообраз Хонитандера) в 1868 году предъявлял губернатору Ямайки Эдварду Эйру в связи с убийством тамошнего баптистского проповедника Джорджа Гордона. Брайт даже основал так называемый «Комитет Ямайки», который считал Эйра виновным в этой трагедии так же бездоказательно, как и Хонитандер считает виновным Невила. Риторическое сравнение убийства Гордона с библейской историей Каина и Авеля широко применялось членами Комитета – так же, как и Хонитандер делает это в отношении Невила.

ственном кабинете! – повысил голос Главный Благотворитель.

– Как Вам будет угодно, сэр, – спокойно ответил мистер Криспаркл. – Но я прервал Ваши объяснения.

– Убийство! – возопил мистер Хонитандер, вздымая палец к потолку. – Кровопролитие! Каин и Авель! Я не желаю иметь дело с Каином! Я отталкиваю его окровавленную руку дружбы, сэр, она мне отвратительна!

– Я всё ещё не услышал Ваших объяснений, сэр, – проговорил мистер Криспаркл, кладя ногу на ногу.

– В Заповедях Моисеевых сказано: «Не убий», сэр! Не мне напоминать Вам об этом!

– Там ещё сказано: «Не говори напраслину о ближнем твоём», – заметил младший каноник.

– Довольно, сэр! – взревел мистер Хонитандер, вскакивая. – Хватит увёрток! Слава Господу, что этот малолетний преступник и его сестра, о которых я не могу даже вспоминать без содрогания и ужаса, достигли теперь совершеннолетия, и я могу сложить – нет, с облегчением сбросить с себя! – обязанности их опекуна! Так как Вы пожелали заботиться о них дальше, я передаю Вам все отчеты по расходованию средств – избавьте меня от них, сэр, избавьте как можно скорее! И вот ещё что я скажу Вам, мистер Криспаркл, – набычившись, проговорил Главный Благотворитель. – Право, Вы могли бы себе найти лучшее занятие, чем возиться с этим отребьем. Да, сэр, много лучшее занятие. Много лучше!

– Мистер Хонитандер, – ответил младший каноник, сдерживаясь. – Лучшее или худшее – всё это дело вкуса и убеждений. Вы имеете в виду, как я полагаю, что мне следовало бы стать членом Вашего Общества?

– Без сомнения, сэр! – ответил мистер Хонитандер, зловеще кивая. – Для вашей же пользы, вам следовало бы давным-давно это сделать!

– Я так не думаю.

– Человек Вашей профессии, – снова возвысил голос мистер Хонитандер, – должен был бы всячески содействовать обнаружению и наказанию преступника, а не покрывать его!

– Я понимаю свою профессию иначе. Моя первая обязанность, сэр, это помощь ближним – тем, кто находится в беде или претерпевает гонения. Но довольно об этом. Я совершенно уверен, сэр, что достаточно понимаю душу и устремления мистера Ландлесса, чтобы не сомневаться в том, что он говорит правду. Поэтому я и стою на его стороне. Да, стою и буду стоять.

– Так кто же тогда, по-Вашему, совершил это ужасное преступление?!

– Небеса запрещают мне, – сказал мистер Криспаркл, – обвинять кого-либо только для того, чтобы защитить другого.

– Ещё бы! – презрительно сказал мистер Хонитандер. – Ведь Вас, как я понимаю, нельзя назвать совершенно уж незаинтересованным лицом!

– Это почему же? – поинтересовался младший каноник невинным тоном.

– Да хотя бы из-за тех трёх с половиной фунтов в месяц, которые Вы получали от нас за то, что этот юный дикарь жил в Вашем доме. Эти деньги вполне могли немного повлиять на Ваши суждения!

– То есть, Вы считаете, что я хотел и дальше получать их, поэтому и заступался за своего воспитанника?

– Если угодно. Заметьте, это Вы сказали, а не я.

Младший каноник с негодованием посмотрел на Главного Благотворителя и затем веско произнёс:

– Мистер Хонитандер! Я пришёл сюда не для того, чтобы Вы испытывали на мне Ваши ораторские приёмы и демонстрировали Ваши скверные манеры. Я вижу, что мне придёт-ся выразиться со всей откровенностью: Ваши слова отвратительны, сэр!

– Однако Вы позволяете себе сильные выражения!

– И я вправе так поступать, сэр, поскольку Ваше поведение не достойно ни христианина, ни джентльмена. Прощайте, сэр!

И мистер Криспаркл решительным шагом покинул штаб-квартиру благотворительного фонда. Но уже скоро походка его снова стала обычной, и улыбка вернулась на его лицо при мысли, что сказала бы его матушка, если бы узнала, как вёл себя её любимый Септимус перед лицом Великого Человека. Сам же младший каноник был весьма доволен тем, как

он слегка *повытряс пыль* из сюртука Столичной Благотворительности.

Направился он в Степл-Инн, однако, не к мистеру Грюджиусу, а прошёл в дальний конец двора, к двери совсем другого подъезда. Множество скрипучих ступенек преодолел он, пока не поднялся на самый последний этаж, где в крохотной чердачной квартирке, состоящей из двух полутёмных комнатушек, жил теперь Невил Ландлесс.

Дверь он днём не запирает, поэтому знавший за ним такое младший каноник просто повернул ручку, вошёл и сразу же уткнулся в стоящий прямо у двери заваленный книгами кухонный стол, за которым склонился над тетрадками его воспитанник. По тому довольному взгляду, который бросил мистер Криспаркл на эти книги и учебники, можно было понять, что появились они в этом скромном жилище не без его, младшего каноника, участия.

– Как дела, Невил? – приветствовал он вскочившего ему навстречу молодого человека.

– Не даю себе покоя, сэр, и учусь, как каторжный.

– Не забывайте только давать отдых глазам, Невил, – сказал младший каноник, пожимая ему руку. – Что-то они у Вас слишком уж блестят.

– Это от удовольствия видеть Вас, сэр, – ответил юноша. – Если бы Вы бросили меня в беде, вот тогда бы они погасли.

– Смотрите на жизнь веселее, Невил! – подбодрил его мистер Криспаркл. – Вы справитесь!

– Если бы я даже умирал от усталости, Вы и тогда смогли бы влить в меня свежие силы одним лишь Вашим словом! Но я, действительно, пока справляюсь и оттого чувствую себя великолепно!

Мистер Криспаркл мягко взял юношу за локоть и повернул его лицом к свету.

– Хотелось бы видеть побольше румянца на Ваших бледных щеках, Невил. Вам надо чаще бывать на солнце.

Невил потупился и проговорил с болью в голосе:

– К этому я ещё не готов, сэр. Не могу забыть, как люди смотрели на меня, когда я проходил по улицам этого вашего Клойстергэма, как они отворачивались и даже отодвигались от меня, чтобы я случайно их не коснулся... После всего пережитого я избегаю выходить днём на улицу. Я гуляю немного, но по ночам, сэр, когда кругом никого нет.¹²¹

Мистер Криспаркл сочувственно похлопал его по плечу и ничего не сказал.

– Иногда я говорю себе, сэр: ах, если бы было возможно просто поменять имя! Но все кругом воспримут это лишь как признание вины. Они посчитают, что этим я хочу уйти от ответственности. Так что, нечего о таком и думать... Это нелёгкое дело, сэр, без вины находиться под подозрением, но я не жалею.

¹²¹ Плохой внешний вид Невила, его «страх толпы» и прочие признаки его душевного нездоровья часто трактуются исследователями как приметы близкой смерти юноши.

– К сожалению, Невил, в вашем случае не приходится надеяться даже на чудо, – вздохнув, сказал мистер Криспаркл.

– Да, я понимаю, сэр... Остаётся только надеяться на то, что время всё лечит.

– В конце концов всё устроится, Невил.

– Понятно, что устроится... Хорошо бы ещё дожить до этого.

Тут, заметив, что его подавленное настроение стало передаваться и мистеру Криспарклу, юноша спешно взял себя в руки, широко улыбнулся и сказал:

– Но зато какие здесь отличные условия для учёбы! Углублённые занятия – это как раз то, что мне сейчас необходимо, чтобы не вешать носа. Вы посоветовали мне начать изучать юриспруденцию и даже снабдили меня нужными книгами – и я с радостью последовал совету моего друга и защитника. Да, моего доброго друга и отважного защитника!

И Невил в порыве чувств сначала прижался щекой к лежавшей у него на плече ладони младшего каноника, а затем даже наклонил голову и поцеловал эту руку.¹²² Мистер Криспаркл ещё раз ободряюще похлопал юношу по плечу, потом подошел к столу и стал рассеянно листать лежащий сверху открытым толстый свод законов.

– По Вашему молчанию, мистер Криспаркл, я заключаю,

¹²² В этой сцене хорошо видно, что Невил (как и Елена несколькими главами ранее) целует руку мистера Криспаркла не из-за влюблённости в каноника, а на индийский манер – как уважаемому человеку, учителю и другу.

что мой бывший опекун не в восторге от этой идеи?

– Ваш бывший опекун такая... гм... персона, чьё мнение всем нормальным людям должно быть неинтересно. К счастью, он больше не Ваш опекун.

– И, к счастью, после оплаты его «услуг» у меня ещё осталось немножко денег, чтобы дожить до окончания моей учёбы, пусть и при жёсткой экономии. Иначе я стал бы живым примером поговорки «Покуда травка подрастёт, лошадка с голоду помрёт».

Мистер Криспаркл, наклонив голову, чтобы не удариться о низкие балки потолка, подошёл к открытому во двор окну комнаты Невила и выглянул: он увидел лишь близкую стену соседнего здания, а так же чахлый, заросший травой садик между домами и давно пересохший фонтан посередине. Невил с книгой в руке тоже подошёл и стал рядом.

– На будущей неделе кончится ваше одиночное заключение, Невил, – сказал младший каноник, закрывая окно. – С Вами будет Ваш верный друг, Ваша сестра.

– Боюсь, ей будет тут неуютно...

– Вовсе нет, напротив! Вашему жилищу требуется женская рука и забота, поэтому здесь для неё найдётся достаточно дел.

– Я имел в виду, сэр, что жизнь здесь, в Степл-Инне, может показаться ей серой и мрачной. Не думаю, что она найдёт здесь друзей или заведёт знакомства. А Вы, сэр, бываете здесь так редко...

– Я приезжал бы сюда чаще, Невил, но я связан службами в соборе, – ответил мистер Криспаркл. – У меня получается вырваться в Лондон только раз-другой в месяц. Но Вы и не ждите меня. Просто почаще выбирайтесь на прогулку вдвоём, тогда всё будет замечательно.

– Кстати, Невил, – продолжил мистер Криспаркл после паузы. – Помните, Вы как-то сказали мне, что Ваша сестра настолько же лучше справлялась со всеми несчастиями Вашей прошлой жизни, насколько башня Клойстергэмского собора выше дымовых труб окружающих её домов?

– Да, сэр, я помню.

– Тогда я ещё подумал, что Вы преувеличиваете. Неважно, что я думаю сейчас, но мне кажется, что Ваша сестра могла бы послужить Вам отличным примером того, как надо справляться с собственной гордыней.

– Без сомнения, сэр! Она вообще отличный пример чего угодно.

– Не возражаю, но пока остановимся на одной теме. Ваша сестра в совершенстве умеет управлять своими чувствами. Она держит гордость под контролем даже тогда, когда из-за её расположенности к Вам другие люди причиняют ей глубокую душевную боль. То чёрное облако, которое нависло над Вашей судьбой, закрывает ведь солнце и ей тоже. Ей приходится ходить по тем же самым улицам, которые внушают страх Вам, и приходится ловить те же самые косые взгляды, которыми награждали и Вас. Каждый день и час с момен-

та исчезновения Эдвина Друда ей приходилось противостоять потоку глупости и злости, защищая Вас – и она справлялась с этим без слова жалобы, без высокомерия или встречных нападок. Она останется на Вашей стороне до конца. Любую другую, слабую и себялюбивую гордость случившиеся несчастья сломили бы, но не такова истинная и благородная гордость Вашей сестры – гордость, не ведающая сомнений и не порабощающая никого.

– Я постараюсь, сэр, во всём брать с неё пример, – проворчал Невил, потупившись.

– Да, постарайтесь, Невил. Будьте таким же отважным и верным, как и она, – решительно сказал мистер Криспаркл. – Но мне кажется, что уже темнеет. Пожалуй, мне пора. Может быть, Вы проводите меня немного, Невил? Или подождём, пока станет совсем темно?

Пристыженный Невил ответил, что готов сопровождать мистера Криспаркла немедленно. Но младший каноник решил дать юноше четверть часа на то, чтобы действительно собраться с духом, договорился встретиться с Невилом внизу у подъезда и отправился навестить мистера Грюджиуса. Дверь его конторы оказалась тоже не заперта. Старый юрист, погасив в комнате лампу, стоял в полутьме у открытого во двор окна, а на подоконнике перед ним красовался графин с рубиновым вином и наполовину пустой бокал.

– Рад видеть Вас, достопочтенный сэр, – не оборачиваясь, сказал младшему канонику мистер Грюджиус. – Я заметил,

как Вы пересекали двор. Всё ли в порядке у Вашего воспитанника там наверху, под крышей? Удачно получилось, что эти комнаты как раз освободились, и я смог их Вам посоветовать.

Мистер Криспаркл ответил на оба этих замечания утвердительно.

– Рад это слышать, – сказал мистер Грюджиус, – поскольку мне кажется, что его полезно было бы постоянно держать под наблюдением.

Младший каноник подумал, что мистера Грюджиуса не следует понимать буквально, поскольку для того, чтобы действительно следить за окнами Невила, старому юристу пришлось бы опасно далеко высунуться из окна. Ведь прямой вид ему перекрывало росшее посреди двора дерево.

– А как там поживает мистер Джаспер, достопочтенный сэр? – странным тоном поинтересовался мистер Грюджиус.

Младший каноник ответил в том смысле, что хормейстер уже почти совершенно оправился от перенесённого несколько месяцев назад нервного срыва.

– А где Вы видели его в последний раз, достопочтенный сэр? – всё тем же странным тоном продолжил мистер Грюджиус.

В Клойстергэме, конечно.

– А когда Вы видели его в последний раз, достопочтенный сэр?

Этим утром.

- Вот как! – вполголоса воскликнул мистер Грюджиус. – А не сказал ли он Вам, что собирается куда-либо поехать?
- Куда поехать?
- Всё равно куда.
- Нет.
- Очень странно, – сказал мистер Грюджиус, делая младшему канонику знак подойти ближе и тоже посмотреть в окно. – Потому что сейчас он здесь. И он не выглядит совершенно оправившимся.

Младший каноник отодвинул занавеску и, действительно, увидел в открытом окне подъезда напротив Джаспера, перевесившегося через подоконник и, вывернув голову, что-то усиленно разглядывающего в дальнем от него углу двора. Мистера Криспаркла неприятно поразило выражение откровенной злобы, которое он заметил на лице хормейстера.¹²³

– Да, Вы правы! – удивлённо воскликнул младший каноник. – Как это странно!

– Именно, – согласился мистер Грюджиус и, наклонившись ближе к лицу младшего каноника, прошептал:

– Как Вы думаете, что делает тут наш приятель из провинции?

Клятвенная запись в дневнике Джаспера огнём вспыхнула

¹²³ Не совсем понятно, каким образом Джаспер узнал адрес новой квартиры Невила. Возможно, он проследил за каноником Криспарклом (что весьма маловероятно, учитывая то, что до железнодорожной станции им обоим пришлось бы тогда ехать в одном дилижансе). Скорее всего, Джаспер узнал адрес у мистера Хонитандера, которому Невил был обязан его сообщить.

в памяти мистера Криспаркла, и он, ахнув, прошептал в ответ:

– Следит за Невилом?!

– Без сомнения, – отвечивал мистер Грюджиус, снова выпрямляясь.

– Но ведь это не только отвратительно само по себе, но может ещё и разрушить жизнь кому-то другому! – с жаром сказал младший каноник. – Слежка будет напоминать Невилу, что он всё ещё находится под подозрением! Бедный юноша и так боится выходить на улицу, а теперь ещё и это!¹²⁴

– Вот-вот, – раздумчиво сказал мистер Грюджиус. – Скажите, это не он ждёт Вас там, у дальнего подъезда?

– Без сомнения, он.

– Тогда я благодарю Вас за визит и прошу незамедлительно забрать Невила и увести его со двора так, чтобы он ни в коем случае не заметил этого нашего приятеля из провинции. А я останусь и ещё понаблюдаю. Что-то мне кажется, что не только Невила было бы полезно постоянно держать под наблюдением...

Мистер Криспаркл многозначительно кивнул старому юристу, попрощался и поспешил к Невилу. Выйдя со двора, они направились сначала поужинать, а затем Невил проводил младшего каноника до станции железной дороги, отку-

¹²⁴ Тайная слежка хормейстера за Невилом никак не может проводиться для того, чтобы оказывать на юношу моральное давление, и именно в силу своей тайности. Очевидно, слежка нужна была Джасперу для чего-то другого: например, для того, чтобы узнать, когда именно Невила не бывает дома.

да тот отбыл домой. Оставшись один, Невил долго бродил по городу, сворачивал в случайные переулки, много раз переходил мосты и подолгу сидел на скамейках в пустынных уже парках. Наконец, когда на город опустился спасительный сумрак, он рискнул отправиться назад в Степл-Инн.

Там его поджидал сюрприз: возле входной двери в квартиру его ожидал незнакомец. Молодой человек лет тридцати на вид сидел на подоконнике (из-за жары все окна в подъезде были открыты), причём сидел боком, опершись спиной на раму окна и болтая одной ногой в воздухе, отчего создавалось странное впечатление, что он поднялся сюда не по лестнице, а вскарабкался по внешней стене на манер циркового акробата.

Незнакомец доброжелательно и с улыбкой следил, как Невил поднимается по скрипучим ступенькам, но заговорил с ним не прежде, чем юноша достал из кармана ключи от квартиры. Тогда незнакомец ловко спрыгнул с подоконника на пол и с лёгким поклоном сказал Невилу:

– Прошу извинить! Горох!¹²⁵

Невил удивлённо обернулся.

– Горох, – повторил незнакомец. – Душистый горошек.

¹²⁵ Явление лейтенанта Тартара, словно бы взобравшегося по стене и говорящего с Невилом про горох, является аллюзией на английскую сказку «Джек и бобовый стебель». В этой сказке храбрый Джек взобрался по гороховому ростку на небо и победил там злого великана. Джек из сказки, разгуливающий по облакам, очень напоминает мистера Тартара, ходящего по крыше без боязни упасть. Далее у меня по тексту Тартар победит и злого великана – мистера Хонитандера.

Цветы. Следующее окно рядом с Вашим.

– Ах, точно! – воскликнул Невил. – И ещё резеда и эти... как их...

– Левкои, – подсказал незнакомец. – Они самые.

– Так Вы мой сосед? Входите, прошу Вас.

– Спасибо.

Войдя, Невил зажёл пару свечей и смог рассмотреть своего ночного визитёра подробнее. Это был крепкий и плечистый молодой человек с приятным открытым лицом, весьма загоревшим; глаза его были голубыми, курчавые волосы – каштановыми, а улыбка – широкой и добродушной.

– Из моего окна я увидел... – начал было незнакомец, но тут же прервался, чтобы представиться. – Прошу простить, меня зовут Тартар, очень приятно познакомиться... Так вот, из моего окна я заметил, как Вы иногда с одобрением посматриваете на тот садик, который я развёл в горшках у себя на подоконнике. Ещё я заметил – и прошу меня извинить за это наблюдение – что Вы почти постоянно сидите дома и очень редко выходите на улицу. Вот я и подумал – ещё раз прошу меня извинить за такое – что я мог бы и Вам тоже предложить несколько горшков с резедой и душистым горошком... так сказать, как один сосед другому. Вам даже не надо будет за ними ухаживать. У меня есть деревянный ящик, и можно будет просто поставить в него горшки и по водосточному жёлобу протолкнуть под Ваше окно. А когда надо будет их полить или прополоть, я буду подтяги-

вать ящик багром к себе, так что Вам даже и забот никаких не будет.¹²⁶ Вот я и зашел предложить вам такое. Кстати, я уже представился? – Тартар. Квартира рядом с Вашей, только вход из соседнего двора.¹²⁷

– Спасибо, Вы очень добры.

– Вовсе нет, пустяки! Извините, что напросился к Вам в гости так поздно. Но Вы, похоже, любите гулять по ночам, поэтому я решил просто подождать Вашего возвращения. Мне не хотелось беспокоить Вас днём, чтобы не отрывать вас от занятий. Я вообще не люблю мешать занятым людям... Сам-то я изрядный бездельник...

– Прошу прощения, но Вы таким не выглядите.

– Вот как? Спасибо за комплимент! Вообще-то я до недавнего времени служил на флоте, дослужился даже до первого лейтенанта, но тут умер мой дядюшка и завещал мне неплохое наследство – целое поместье, однако, с тем условием, что я оставлю службу. Так что я распрощался с морями и океанами, смирился с судьбой и вышел в отставку.

¹²⁶ Совершенно непонятно, как именно Тартар собирается багром проталкивать ящики по водосточному жёлобу, если жёлоб этот между окнами Тартара и Невила (принадлежавшим хотя и стоящим вплотную, но двум разным зданиям) поворачивает под прямым углом.

¹²⁷ В английском языке девятнадцатого века словом «тар» обозначали моряка. Таким образом, фамилия Тартар, как и все прочие фамилии в книгах Диккенса, тоже является «говорящей». «Тар-тар» или «tarred tar» даёт нам «просмолённого моряка». Существует также устойчивое выражение «to catch a Tartar» (сразиться с татаринном, т.е. кораблём турецкого флота), означающее схватку с кем-то, кто неожиданно оказался слишком опасным.

– Недавно, как я понимаю?

– Ну, примерно месяцев за девять до Вашего приезда.¹²⁸

А перед этим я лет пятнадцать скитался по разным морям. Здесь я поселился потому, что эта чердачная квартирка оказалась очень похожей на корабельную каюту, к которой я так привык. Такой же низкий потолок, и нужно пригибать голову, чтобы не стукаться постоянно о балки. То есть лучше и не придумаешь. Знаете, я так много лет провёл в море, что почти уже отвык от твёрдой земли, и мне надо теперь учиться жить на ней заново. Вот я и решил принимать сушу маленькими порциями, потому и начал с цветочных горшков.

Невил рассмеялся шутке – сказанная с напускной серьёзностью, она была вдвое забавнее.

– Но довольно обо мне, – сказал мистер Тартар. – Что-то я разболтался, а это совсем не в моём характере. Словом, если Вы примете моё предложение, то очень меня этим обяжете. Свободного времени у меня полно, а так у меня будет хоть какое-то дополнительное занятие.

Невил с улыбкой заверил лейтенанта, что с радостью примет такое его необычное предложение, после чего они пожали друг другу руки.

¹²⁸ Странная история про умершего дядюшку Тартара, оставившего лейтенанту в наследство целое состояние, да ещё и поместье, похоже, находится в тесной связи с историей Ландлессов, у которых примерно в это же время умер отчим, не оставивший им практически ничего. Возможно, речь тут идёт о смерти одного и того же человека. Да и «говорящая фамилия» Ландлессов (которая переводится как «безземельные, лишённые земли или поместья») намекает нам на это же.

– Итак, я завтра же с утра возьму Ваши окна на буксир, – сказал Тартар. – Я рад, что они у нас рядом. Когда я вожусь со своими цветами, я иногда вижу, как Вы усердно и прилежно занимаетесь, обложившись всеми этими книгами. Учитесь даже слишком усидчиво, на мой вкус. Простите меня за вопрос, но не подрывает ли это Ваше здоровье?

– Наоборот, это позволяет мне хоть на время забыть о моих проблемах. Видите ли... не так давно я испытал сильное нервное потрясение, отчего моё здоровье несколько пошатнулось.

– Мне очень жаль, – сочувственно сказал мистер Тартар. Подойдя к окну, соседнему с его собственным, лейтенант попросил разрешения его открыть. К ужасу Невила вместо того, чтобы просто выглянуть во двор, мистер Тартар с необычайной лёгкостью и проворством ступил на подоконник, просунул в окно голову и плечи, и через мгновение уже стоял на крыше, на самом её краю.

– Боже мой, – закричал Невил, – что Вы делаете?! Вы же разобьётесь, мистер Тартар!

– Вовсе нет, – ответил лейтенант, с удовольствием осматриваясь на крыше. – Черепица лежит крепко, я в полной безопасности. Лучше и быть не может! Просто мне хотелось посмотреть, где можно привязать верёвочки, чтобы пустить по ним вьюнок и душистый горошек. До моего окна два шага, так что – Вы не обидитесь, если я распрощаюсь с Вами и отправлюсь отсюда сразу домой?

– Мистер Тартар! – взмолился Невил. – Прошу Вас, не надо! Мне даже и смотреть-то на Вас страшно, голова кружится!

Но мистер Тартар, дружески махнув ему рукой на прощанье, прошёл по самому краю карниза до своего окна, присел и бесшумно спрыгнул вниз, в свою «каюту», не потревожив при том даже и лепестка своего воздушного садика.¹²⁹

Мистер Грюджиус, верный своему желанию держать окна квартиры Невила постоянно под наблюдением, как раз в эту минуту смотрел из окна своей спальни на крышу дома напротив. К сожалению – а, может быть, и к счастью – окно, через которое лейтенант Тартар покинул жилище Невила, выходило на другую сторону крыши и было не видно мистеру Грюджиусу. А то его непременно встревожил бы вид человека, пробирающегося среди ночи по карнизу от одного окна к другому. Но мистер Грюджиус не заметил ничего подозрительного, перевёл взгляд на луну и звёзды, вздохнул и отправился спать, так и не узнав о визите весёлого лейтенанта флота к его подопечному.

¹²⁹ Разведение «гороховых садиков» в горшках было очень популярным среди офицеров парусных судов в то время. Бобы, лук, даже помидоры – всё это выращивалось прямо за окнами капитанских кают. Свежие овощи и травы хорошо помогали против цинги.

Глава XVIII.

Новый человек в Клойстергэме

Примерно в это же время¹³⁰ ещё один незнакомец появился и в Клойстергэме. Несколько тесноватый синий сюртук и серые брюки придавали ему слегка военный вид, а кожаный жилет (призванный сглаживать недостатки фигуры спереди) наводил на мысли об отставке по выслуге лет.¹³¹ Но отрекомендовался незнакомец сугубо гражданским человеком: старым холостяком, живущим на собственные сбережения – так, по крайней мере, сказал он официанту за обедом в гостинице «Крест и Патерица»,¹³² где он на пару дней снял комнату. Упомянутые «собственные сбережения» позволили новому постояльцу получить там сытный обед, состоящий из жареного языка, телячьей котлеты с положенным

¹³⁰ Выражение «примерно в это же время» доставило много головной боли исследователям романа. Случилось это до или после отъезда учениц школы мисс Твинклтон на каникулы в следующей главе? От ответа на этот вопрос зависит, может ли мистер Дэчери оказаться загримированной Еленой Ландлесс. Да, такая теория, высказанная в 1905-м году Джоном Уолтерсом, была более столетия очень популярна!

¹³¹ То, что внешний вид мистера Дэчери «напоминал военного в отставке», объясняется просто: его синий сюртук и серые брюки по сочетанию цветов совпадали с формой американских конфедератов времён войны Севера и Юга – она как раз закончилась в ту пору, когда Диккенс приступал к созданию романа.

¹³² Патерица – епископский посох.

к случаю гарниром, стаканчика шерри и доверительной беседы с официантом, который, судя по всему, изнывал от скуки, так как других постояльцев и обедающих в гостинице не было.¹³³

– Надеюсь, приятель, у вас в городе найдётся симпатичная квартирка для старого холостяка, живущего на свои собственные сбережения? – таковы были в точности слова незнакомца, подкреплённые энергичным кивком, после которого сказавшему пришлось снова зачёсывать назад упавшую ему на лоб прядь седых волос. Надо сказать, богатой шевелюре незнакомца позавидовала бы любая собака-ню-фаундленд, до того волосы у него были густые и длинные. С белой шапкой волос забавно контрастировали чёрные брови незнакомца, такие же густые и приметные.¹³⁴

Официант подтвердил, что у них в городе найдётся достаточно квартир на все вкусы и на любую толщину кошелька.

– Мой вкус совершенно особенный, – сказал новоприбывший джентльмен. – Я ищу что-нибудь старинное. Да, что-нибудь средневековое для мистера... ээ... слушайте, снимите-ка мою шляпу с вешалки. Нет, подавать мне её не надо. Прочтите, что там написано внутри, на ленте...

– Дэчери, – сказал официант.

¹³³ Если принять, что под маской мистера Дэчери скрывается Елена Ландлесс, то такой выбор блюд очень необычен для хрупкой девушки девятнадцати лет!

¹³⁴ Такой контраст между цветом волос незнакомца и цветом его бровей может говорить о том, что мистер Дэчери носит седой парик, и именно с той целью, чтобы его при встрече не узнал мистер Джаспер.

– Точно. Дик Дэчери, так меня и зовут. Можете снова повесить шляпу на место. Значит, что-нибудь старинное и средневековое для мистера Дика Дэчери. Что-нибудь такое низкое, неудобное, со стенами метровой толщины и каменными сводами. Только в такой норе я смогу чувствовать себя как дома.

– У нас, конечно, богатый выбор квартир, сэр... но вот именно такого я как-то сразу и не припомню, – затруднился с ответом официант.

– Что-нибудь монастырское. Церковно-соборное, – подсказал мистер Дэчери.

– Как же, есть такое, я вспомнил! Миссис Топ определённо сможет Вам помочь, сэр!

– Кто такая эта миссис Топ? – заинтересовался мистер Дэчери.

Официант объяснил, что миссис Топ – это супруга мистера Топа, церковного пристава. Некоторое время назад она пыталась сдать полуподвальную комнату в своём доме, строения замечательно средневековым и старинным, как раз с такими сводами и стенами, какие и нужно приезшему джентльмену. Но комната была настолько тёмной и неудобной, что никто не пожелал в ней поселиться, поэтому она до сих пор стоит пустая; и даже билетик в окне, оповещающий о сдаче квартиры в наём, успел с той поры высохнуть и рассыпаться.

– Замечательно! – воскликнул мистер Дэчери. – К ней-то

я и отправлюсь!

Официант подробно объяснил, как найти требуемый дом, после чего мистер Дэчери расплатился и направился на поиски. Но гостиница «Крест и Патерица» была расположена так далеко от цели, а объяснения официанта так сложны и запутанны, что прошёл добрый час, пока мистер Дэчери отыскал, наконец, требуемое – да и то, ориентируясь более на колокольню собора, то проглядывающую впереди между крыш (и тут мистер Дэчери загорался надеждой и прибавлял шаг), то надолго исчезающую за домами и деревьями (отчего мистер Дэчери снова на время падал духом).

Очередной раз свернув не туда, мистер Дэчери неожиданно вышел к ограде кладбища.¹³⁵ Спросить верную дорогу было не у кого, так как кругом не видно было ни единой живой души, за исключением грязного, оборванного и худого мальчишки, швырявшегося камнями в такую же грязную и тощую овцу. При каждом попадании овца жалобно блеяла, но убежать не могла, так как была привязана к одной из огра-

¹³⁵ Прообразом гостиницы «Крест и Патерица» является отель «Митра» (это слово обозначает епископскую шапку) в Чатэме, пригороде Рочестера, существовавший до 1936 года. От него к Рочестерскому собору ведёт единственная, но очень извилистая улица Хай-стрит, длиной примерно 2,5 мили. На этом пути башня собора, действительно, часто скрывается из виду за крышами домов, отчего мистеру Дэчери вполне могло показаться, что он заблудился. Человек, когда-либо живший в Клойстергэме-Рочестере, не мог не знать такого, из чего логично сделать вывод, что мистер Дэчери в этом городе ранее никогда не бывал. Тем не менее кое-какой информацией, относящейся к «делу Друда», он обладает – очевидно, он получил её от третьих лиц.

док длинной верёвкой.

– Обратно попал! – вопил мальчишка, метко обстреливая свою несчастную мишень. – Вот тебе! Бе-е!

– Эй, приятель! – крикнул ему Дик Дэчери. – Ты прекращай это дело! Смотри, ты ей ногу поранил!

– Врёшь, не поранил! – отвечал мальчишка. – Я видел, она уже была *поранутая*. Да её всё равно на мясо пустят, коли шерсти не даёт.

– Ну-ка, иди сюда.

– Ещё чего! Сам иди, коли тебе надо!

– Ну, не хочешь – и не нужно. Можешь и оттуда показать, как найти дом миссис Топ.

– Да ты дурак, дядя! Как же я тебе покажу, если она живёт совсем с другой стороны собора?! Отсюда же не видно!

– Если проводишь меня туда, получишь монету.

– Вот это годится!

И наглый мальчишка, призывно махнув мистеру Дэчери рукой, проворно побежал вокруг собора, топоча дырявыми ботинками. Запыхавшийся мистер Дэчери догнал его только на улице перед главным входом в собор.

– Вот, смотри, – ткнул грязным пальцем мальчишка. – Видишь, вон там ворота и дом над ними?

– Вижу. Это там живёт миссис Топ?

– Не-е, там живёт Лжаспер.

– Ах, так вот где он живёт, – заинтересованно пробормотал мистер Дэчери.

– Ну да! Только я тебе отсюда покажу, а туда не пойду.

– Это почему?

– Да потому что он дерётся! Ничего, я ему когда-нибудь тоже камнем глаз подобью, дождётся он! Будет знать, как хватать меня за шиворот!.. Теперь смотри с другой стороны от ворот – видишь дверь?

– Вижу.

– Вот это и есть Топы. Там табличка на двери, не заплутаешь.

– Держи шиллинг, меньше у меня нет, – сказал мистер Дэчери, доставая монету. – Половину останешься должен.

– Ещё чего! Ничего я тебе не должен!

– Да я не требую от тебя денег. Как-нибудь отработаешь мне при случае. Считай, что я тебе вперёд заплатил.

– Тогда по рукам!

– Тебя как зовут-то, приятель?

– Депутатом! Я из «Койки за два пенса», из ночлежки – там, за пустырём.

И Депутат бросился бежать, зажав в кулаке шиллинг – похоже, он опасался, что богатый джентльмен вдруг передумает и захочет вернуть себе это такое сокровище. Но не пробежав и десятка шагов, мальчишка остановился и с гиканьем и воплями, словно в него вдруг вселился демон веселья, исполнил что-то вроде дикого победного танца, и только после этого помчался дальше.

Мистер же Дэчери, сняв шляпу, снова зачесал пятернёй

со лба назад свои седые волосы, опять утвердил шляпу на макушке и отправился в том направлении, которое только что указал ему мальчишка.

Комнаты, которые миссис Топ предназначала на сдачу, оказались как раз такие, о которых и мечталось эксцентричному джентльмену, а именно: низкие, сырые и мрачные. Окна были маленькие, мутные и весьма напоминали бойницы в толстой крепостной стене; уличная дверь, низенькая и почти квадратная, обитая ржавым железом, выходила прямоком в подворотню – словом, это было не жилище, а предел мечтаний для мистера Дэчери. Об этом он сразу и заявил просиявшей от такого признания миссис Топ, после чего извлёк из кармана синего сюртука бумажник и заплатил сразу за месяц вперёд.

Затем он спросил миссис Топ, будет ли удобно сразу же нанести соседу-хормейстеру «визит вежливости», как один жилец дома-над-воротами другому. Миссис Топ ответствовала в том смысле, что бедный джентльмен в комнатах наверху пребывает сейчас в трауре по своему умершему племяннику, но сам он настолько вежлив и добр, что будет определённо рад знакомству с новым соседом.

Мистер Дэчери сказал, что он что-то такое читал в газетах об этом прискорбном случае, но деталей уже не помнит. Там ведь, кажется, кого-то обвинили в убийстве? Сегодня то и дело кого-то убивают, и газеты всё это расписывают в таких красках и подробностях, что просто волосы встают

дыбом (на этих словах мистер Дэчери снова зачесал назад свою непокорную шевелюру), а сам он человек уже пожилой, с плохой памятью, так что не мудрено и запутаться.

Услышав такое, миссис Топ с огромным удовольствием пересказала новому слушателю всю историю с исчезновением молодого Друда – с самого начала и в не менее красочных подробностях, чем те, которыми так славятся столичные газеты. После чего отнесла хормейстеру наверх визитную карточку мистера Дэчери и тут же вернулась с сообщением, что новоприбывшего джентльмена просят войти.

– Там ещё наш господин мэр в гостях у мистера Джаспера, – добавила она, – но это никакой не официальный визит, а просто они с хормейстером большие друзья. Поэтому можно без церемоний.

Однако несмотря на этот совет, эксцентричный джентльмен подошёл к делу крайне церемонно. Войдя в комнаты хормейстера со шляпой в руке, мистер Дэчери сначала элегантно поклонился в давно вышедшей из употребления манере,¹³⁶ а потом, представившись, весьма витиевато поинтересовался у обоих присутствовавших, вправе ли он, как пожилой холостяк, живущий на собственные невеликие сбережения, рассчитывать найти у семейства Топов недорогое, но респектабельное жильё, или ему лучше присмотреть ка-

¹³⁶ Мистер Дэчери здесь поклонился, выставив вперёд ногу, прижав шляпу к груди и убрав вторую руку за спину – и всё это для того, чтобы избежать необходимости обменяться с Джаспером рукопожатием.

кую-нибудь другую квартиру.

Мистер Джаспер ответил на это, что сам он вполне доволен условиями – пусть и не роскошными, но вполне приличными.

– Тогда я спокоен, сэр, – снова поклонился мистер Дэчери.

– Мой друг господин мэр, я уверен, скажет Вам то же самое, – добавил хормейстер. – А его рекомендация значит гораздо больше, чем моя, потому что... просто потому, что он гораздо более важная и уважаемая персона в нашем городе, чем я.

– Рекомендация его милости господина мэра сделает меня его вечным должником, – с приятнейшей улыбкой ответил мистер Дэчери.

– Да, я подтверждаю, – важно сказал мистер Сапси. – Наш церковный пристав и его супруга – достойнейшие люди. Со всех сторон. Вполне респектабельные. Наш отец-настоятель их очень ценит.

– Поистине, они должны гордиться такой превосходной характеристикой, Ваша честь, – снова расшаркался мистер Дэчери. – Позволено ли мне будет спросить уважаемого господина мэра, имеются ли в его городе архитектурные достопримечательности, которые приедем, вроде меня, следовало бы незамедлительно осмотреть?

– Мы весьма старинный город, сэр, – горделиво ответил мистер Сапси, – и мы просто переполнены всякими досто-

примечательностями, которые мы со всею тщательностью сохраняем и приумножаем.

– Ваша честь ещё больше укрепили меня в моём желании поселиться в этом превосходном городе до конца моих дней, – отвечивал мистер Дэчери.

– Вы, кажется, отставной военный, сэр? – поинтересовался мистер Сапси.

– Его милость господин мэр оказывает мне слишком много чести, – улыбнулся мистер Дэчери.

– Тогда, может быть, Вы служили на флоте?

– Опять-таки много чести, уважаемый господин мэр.

– Должен сказать, сэр, Вы весьма дипломатичны! – заметил на это мистер Сапси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.